

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казенное образовательное
учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В. В. Лукьянова»

Рукопись вычитана.

Приведенные в рукописи цитаты,
названия, фамилии, имена, отчества,
цифры и даты достоверны.

Подпись _____

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Сборник
материалов межведомственного круглого стола

29 октября 2015 года

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова
2016

УДК 34
ББК 67
А43

Редакционная коллегия:

С. В. Клевцов (председатель), Л. А. Алексеева (заместитель председателя),
К. Е. Сигалов, О. А. Строева,
В. А. Конюхова (ответственный секретарь)

А43 **«Актуальные проблемы государственно-правового строительства в современной России. Взаимодействие правоохранительных органов и гражданского общества»**, межведомственный круглый стол (2015 ; Орёл). Межведомственный круглый стол «Актуальные проблемы государственно-правового строительства в современной России. Взаимодействие правоохранительных органов и гражданского общества», 29 октября 2015 г. : [сборник материалов] / редкол.: С. В. Клевцов [и др.]. – Орёл : ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016. – 154 с.
ISBN 978-5-88872-148-3

В сборнике представлены материалы межведомственного круглого стола «Актуальные проблемы государственно-правового строительства в современной России. Взаимодействие правоохранительных органов и гражданского общества», состоявшегося 29 октября 2015 года в Орловском юридическом институте МВД России имени В. В. Лукьянова на кафедре государственно-правовых дисциплин.

Участники обсуждали актуальные проблемы правосознания и правовой культуры современных сотрудников правоохранительных органов, задачи повышения качества юридического образования в Российской Федерации, вопросы противодействия коррупции и экстремизму в современной России, проблемы взаимодействия правоохранительных органов и гражданского общества на современном этапе развития Российского государства и другие проблемные вопросы в различных областях юридической науки. Представленные материалы отражают взгляд ведущих ученых-юристов, а также адъюнктов, аспирантов, курсантов, слушателей и студентов на проблемы, стоящие перед Россией на пути государственно-правового развития.

Материалы публикуются в авторской редакции.

УДК 34
ББК 67

ISBN 978-5-88872-148-3

© ОрЮИ МВД России имени В. В. Лукьянова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алексеева Л. А. Некоторые аспекты деятельности воспитательных подразделений среди сотрудников ГИБДД	5
Беляева О. В. К вопросу о влиянии норм и принципов международного права на правовое поле России	9
Гапонов О. И. О соотношении понятий законность и справедливость	16
Госсельбах Л. Н. Органы внутренних дел в системе государственной службы и их социальное назначение	19
Клевцов С. В. Современные подходы к пониманию идеи правопорядка	25
Юнусов С. А., Жеребцова Е. Н. Воплощение принципа справедливости в процессе становления прав человек в дореволюционной России	32

СЕКЦИОННЫЕ ЗАСЕДАНИЯ

Баранчикова М. В. Реализация принципа законности в уголовно-правовых нормах о нарушении правил дорожного движения	39
Выходов А. А. К вопросу о влиянии Стратегии национальной безопасности РФ до 2020 года на государственно-правовое строительство России в 2010–2015 годах	42
Гарашко А. Ю. Игровой фактор в формировании источников международного права	47
Капустина Е. Г., Лимарева Е. С. Подразделения по делам несовершеннолетних как субъект профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав и законных интересов	52
Лимарева Е. С. Международная миграция труда – неотъемлемая часть современной мировой экономики и политики	56
Майорова С. А. К вопросу о административно-надзорной деятельности ОВД	62
Миловидова А. С. Взаимодействие подразделений МВД России и уполномоченного по правам человека в субъекте РФ	66
Нестеренко У. А. К вопросу о правовом регулировании применения полиграфа в отношении некоторых категорий граждан	72

Перков А. А. Формирование у курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России способности осуществлять правовое информирование и воспитание	77
Приходько Н. Ю. Взаимодействие правоохранительных органов в борьбе с контрабандой	81
Рыжов А. А. Актуальные аспекты содержания права политического убежища	86
Сорокин А. И. Толкование понятия «систематичность» в статье 117 УК РФ	93
Строева О. А. Законность и справедливость как высшие ценности права	97
Тихалева Е. Ю. Направления взаимодействия органов государственной охраны с общественными объединениями	102

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

Афони́на Е. Г. Взаимодействие Госавтоинспекции со средствами массовой информации по вопросам предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма	105
Аюсинов А. Е. Обеспечение законности как основа недопущения провокации преступления при проведении проверочной закупки	109
Болотова А. А. Забюрократизированность Российской Федерации: ее место в мировом сообществе по индексу восприятия коррупции	113
Гущина Е. М. Теоретико-правовые аспекты исследования динамики общественного правосознания российского государства	118
Дерябина М. С. Право несовершеннолетних на защиту	122
Журило П. И. О незаконном обороте наркотических и психотропных веществ в современной России	126
Земзикова Е. Ю. Проблемы государственного суверенитета в системе международной защиты прав и свобод человека	130
Ивлева Н. Ю. Правосознание и правопорядок	134
Мальшева Н. А. Нравственный аспект деятельности судебной власти по гражданским делам как проблема современного судопроизводства	138
Продан А. В. Проблемы применения физической силы сотрудниками ОВД (полиции)	141
Крещенок А. В. Злоупотребление должностными полномочиями сотрудниками полиции	146
Кузовкина Т. С. Конституционный суд Российской Федерации как орган конституционного контроля	151

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Алексеева Л. А.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОСПИТАТЕЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ ГИБДД

В рамках научной статьи рассматриваются некоторые особенности организации и проведения воспитательной работы среди сотрудников ГИБДД.

Ключевые слова: сотрудник полиции, органы внутренних дел, воспитательная работа.

Высокий профессионализм сотрудников ГАИ (ГИБДД) является обязательным условием успешной реализации тех задач, которые стоят перед этой службой. Формирование у сотрудников высокого профессионализма становится одним из приоритетных направлений в системе всей работы с личным составом.

В целом к субъектам, осуществляющим воспитательную работу в органах внутренних дел, можно отнести:

- общество в целом, государственные институты и учреждения;
- органы местного самоуправления;
- организаторы воспитательной работы: начальники органов внутренних дел, их заместители по работе с личным составом;
- воспитатели: непосредственные начальники, наставники, психологи, члены общественного актива органа (подразделения);
- служебные коллективы органов и подразделений внутренних дел;
- средства массовой информации;
- различные общественные и религиозные объединения;
- семьи и близкие родственники сотрудников.

Учитывая, что на сотрудников органов внутренних дел могут оказывать воспитательное воздействие различные социальные институты, всех субъектов воспитательного воздействия, в литературе их разделяют на две большие группы:

1. Субъекты «внешнего» воздействия:

- общество в целом;
- органы государственной власти;
- органы местного самоуправления;
- государственные и негосударственные учреждения и организации;
- средства массовой информации;

- общественные и религиозные объединения;
- семьи и близкие родственники сотрудников.

2. Субъекты «внутреннего» воздействия.

К ним относятся:

- организаторы воспитательной работы: начальники органов внутренних дел, их заместители по работе с личным составом, руководители подразделений по организации воспитательной работы;
- воспитатели: непосредственные начальники подчиненных;
- помощники: служебные коллективы органов и подразделений внутренних дел, наставники, члены общественного актива, общественные формирования сотрудников органов внутренних дел [1, с. 47].

Реализация целей и задач воспитания обеспечивается совместными усилиями всех его субъектов. Особенность субъекта воспитания состоит в его определяющей, ведущей и активной роли. Все категории воспитателей стремятся к достижению воспитательной цели. Но вместе с тем у каждой из этих категорий, в силу специфики функциональных обязанностей, содержания деятельности, возможности реализовать воспитательные цели имеют определенные различия. Так, в деятельности руководителей органов внутренних дел преобладают функции руководства и управления процессом воспитания, которые заключаются в определении и планировании его задач, основных организационных, административных и воспитательных мероприятий, подборе и расстановке кадров, контроле за исполнением служебных обязанностей личного состава и т. д. Следовательно, возможности этой категории воспитателей по совершенствованию процесса воспитания следует искать в сфере выявления новых путей решения воспитательных задач при управлении и руководстве этим процессом.

Процесс воспитания по своему назначению многофункционален. Прежде всего, в его ходе реализуется формирующе-развивающая функция, суть которой состоит в формировании у сотрудников новых и развитии имеющихся личностно-профессиональных качеств. Это стержневая, базовая функция процесса воспитания. Степень ее реализации определяет качество и эффективность воспитательной работы в целом.

В процессе воспитания осуществляется также функция мобилизации, которая заключается в обеспечении поведения сотрудника, необходимого для решения текущих задач в оперативно-служебной деятельности в зависимости от складывающейся конкретной ситуации. Характер решаемых ситуативных задач определяет особую значимость тех воспитательных средств и методов, которые воздействуют на эмоциональную сферу сотрудника.

Субъекты воспитательной работы реализуют профилактическую функцию, предостерегая сотрудника от ошибок, неверных действий, удерживая его от аморальных проступков. Реализация данной функции осуществляется главным образом путем разъяснения требований руководящих

документов, норм и правил поведения в профессиональной деятельности. Одновременно воспитательная работа побуждает сотрудников к самовоспитанию как самостоятельной функции, подкрепляет их мотивы и усилия, направленные на формирование своей личности. Несмотря на своеобразие каждой функции, все они проявляются в единстве.

Основным субъектом осуществления воспитательной работы, несущим персональную ответственность за ее организацию и результаты выступает руководитель органа внутренних дел. В соответствии с Приказом МВД России от 10 августа 2012 г. № 777, утвердившим Руководство по организации морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации руководители должны держать под личным контролем организацию морально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, лично проводить в системе морально-психологической подготовки занятия по наиболее актуальным проблемам оперативно-служебной деятельности и обеспечивать практическую направленность морально-психологической подготовки и неукоснительное выполнение программ обучения в процессе служебной деятельности.

Однако, учитывая, что руководитель далеко не каждого органа внутренних дел имеет педагогическое образование, главным содержанием его профессиональной деятельности в этой сфере выступает не обучение и воспитание сотрудников, а управленческое обеспечение решения задач укрепления правопорядка и борьбы с преступностью силами вверенного ему подразделения или организации в системе Министерства. Решение этих задач осуществляется силами его подчиненных, которые по своим профессиональным характеристикам и личным качествам должны соответствовать поставленным перед ними оперативно - служебным задачам и требованиям профессионального долга.

Организационно-педагогическая функция руководителя конкретизируется в следующих аспектах его деятельности:

- руководитель как аналитик, определяющий реальные цели и возможности профессионального обучения и воспитания сотрудников;
- руководитель как эксперт, оценивающий ход и результаты профессионального обучения и воспитания сотрудников;
- руководитель как менеджер, организатор процесса профессионального обучения и воспитания;
- руководитель как непосредственный участник процесса профессионального обучения и воспитания сотрудников.

Соответственно, от руководителя требуется:

- понимание всей системы факторов, воздействующих на личный состав подчиненного ему коллектива (организации);
- умение выделить из этой системы управляемые факторы и воздействия;

- определение в комплексе управляемых факторов и воздействий тех, которые имеют педагогический потенциал, то есть могут быть использованы для целенаправленного воздействия на сотрудников, объективно имеют педагогическое значение (например, состояние социальной защищенности сотрудников) или являются педагогическими по сути (к примеру, система поощрений и взысканий);

- определение педагогической стратегии в управленческой деятельности (цели, силы, средства, программа, критерии оценки и т. д.);

- эффективное управление реализацией педагогической стратегии;

- осуществление конкретно-педагогических акций, которые педагогически целесообразно выполнять только руководителю (например, ведение торжественных собраний коллектива, организации), или которые могут быть выполнены только руководителем (к примеру, индивидуальная работа со своими заместителями).

Для выполнения этого необходимо, чтобы педагогическая стратегия руководителя соответствовала реальной картине профессиональной деятельности, его педагогические взгляды были адекватны решаемым им педагогическим задачам, а педагогические знания, умения и навыки позволяли ему решать поставленные задачи.

Особо стоит сказать, что педагогическая компетентность руководителя здесь выступает частью его управленческой компетентности, а общая управленческая компетентность выступает первостепенным условием решения педагогических задач. Педагогические задачи решаются в рамках всей управленческой деятельности. Важнейшим моментом выступает здесь наличие необходимых личных качеств руководителя. В частности, особо значимым в настоящее время является признаваемое подчиненными моральное и интеллектуальное право руководителя управлять, обучать и воспитывать.

В этой связи сам руководитель должен обладать определёнными теоретическими познаниями в области педагогики, психологии личности и коллектива, социальной психологии, знание об эффективных формах и методах коллективной и индивидуальной работы с сотрудниками; уметь практически организовать воспитательный процесс в служебном коллективе. Руководитель должен обладать высоким уровнем культуры для налаживания личностных неформальных отношений с подчиненными и членами их семей, разрешения межличностных противоречий и конфликтов, должен уметь делать правильные воспитательные выводы из складывающихся отношений в коллективе органа, подразделения.

Основными методами воспитательного воздействия руководителя на личность, коллектив выступает, прежде всего, личный пример начальника во всех сферах его деятельности, соблюдении требований дисциплины и законности, норм профессиональной этики. Кроме того, руководитель должен уметь убедительно, аргументировано и эмоционально довести до

сотрудников идею, задачу, информацию, а также обязан сам сочетать высказанное со своими практическими действиями.

Таким образом, на сотрудников органов внутренних дел могут оказывать воспитательное воздействие различные социальные институты, а всех субъектов воспитательного воздействия представляется возможным разделить на две большие группы. Первая группа – это субъекты «внешнего» воздействия, к которым можно отнести все общество в целом, органы государственной власти и местного самоуправления, государственные и негосударственные учреждения и организации, средства массовой информации, общественные и религиозные объединения, семьи и близкие родственники сотрудников. Вторая группа – это субъекты «внутреннего» воздействия, среди которых такие организаторы воспитательной работы, как начальники органов внутренних дел, их заместители по работе с личным составом, руководители подразделений по организации воспитательной работы, непосредственные начальники подчиненных; а также помощники организаторов, среди которых служебные коллективы органов и подразделений внутренних дел, наставники, члены общественного актива, общественные формирования сотрудников органов внутренних дел.

1. Воспитательная работа с личным составом в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации: учебник / под общ. ред. д-ра пед. наук, д-ра. юрид. наук, проф. В. Я. Кикотя. М.: ЦОКР МВД РФ, 2009.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Алексеева Лилия Алексеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Беляева О. В.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ НОРМ И ПРИНЦИПОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА НА ПРАВОВОЕ ПОЛЕ РОССИИ

В статье рассматриваются формы внутригосударственной реализации норм международного права, а также проблемы субъективного и объективного характера влияния норм и принципов международного права на российское национальное законодательство.

Ключевые слова: Конституция РФ, внутригосударственной реализации принципов и норм международного права, национальное законодательство.

Поскольку внутригосударственное и международное право, будучи автономными по отношению друг к другу системами, активно взаимодействуют, вплоть до применения международно-правовых норм в сфере внутригосударственных отношений.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» [1]. Тем самым, на самом высоком правовом уровне определена концептуальная направленность государственной политики на всестороннее восприятие общечеловеческих ценностей, признание прав и свобод человека и гражданина в качестве высшей ценности.

Следует отметить, что понятие «правовая система» отличается от понятия «право», будучи более насыщенной категорией, вмещающей в себя наряду с правом как совокупностью юридических норм правоприменительный процесс и, очевидно, складывающийся на их основе правопорядок.

Функциональное назначение конституционной нормы проявляется в признании непосредственного действия международно-правовых норм в сфере внутригосударственной деятельности и внутригосударственной юрисдикции, в предписании непосредственного применения этих норм судами, другими органами государства, хозяйствующими субъектами, должностными лицами и гражданами (индивидами). Такой вывод обусловлен пониманием текста ч. 4 ст. 15 Конституции в контексте других конституционных норм (ч. 3 ст. 46, ст. 62, 63, 67, 69) и многочисленных законодательных актов Российской Федерации, предусматривающих их совместное с международными договорами применение. Самостоятельное юридическое положение международных принципов, норм договоров подчеркивается особым статусом при их приоритетном применении в случаях несоответствия им норм законов.

При толковании этой конституционной нормы надо иметь в виду три обстоятельства.

Во-первых, здесь, очевидно, предполагаются не всякие, а лишь те международные договоры, которые прошли процедуру ратификации в Федеральном Собрании Российской Федерации. Поскольку такая процедура предусмотрена для всех договоров, устанавливающих иные, чем в действующих законах, правила, соответственно должна презюмироваться несопоставимость с такими последствиями закона и не прошедшего почему-либо ратификацию договора.

Во-вторых, должно быть применено расширительное толкование термина «закон», охватывающее все внутригосударственные нормативные правовые акты. При ином, буквальном, понимании возможна презумпция нераспространения данной конституционной нормы на подзаконные акты. Такое пояснение касается, в частности, части первой Гражданского кодекса РФ [2], в котором воспроизведение ч. 4 ст. 15 Конституции сопровождается подчеркнутым разграничением актов гражданского законодательства и иных актов, содержащих нормы гражданского права (ст. 3), что порождает неясность относительно судьбы норм «иных актов» при их коллизии с договорными нормами.

В-третьих, следует учитывать особый статус Конституции РФ, хотя на международно-правовом уровне каких-либо специальных норм на этот счет нет. Согласно ч. 1 ст. 15 Федеральная Конституция имеет высшую юридическую силу. Соответственно в ст. 22 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» сформулировано следующее предписание: «Если международный договор содержит правила, требующие изменения отдельных положений Конституции Российской Федерации, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации возможно в форме федерального закона только после внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации или пересмотра ее положений в установленном порядке» [3]. При толковании указанных статей правомерен вывод о неподчинении Конституции принципу приоритетного применения правил международного договора в коллизионных ситуациях. Такой подход четко выражен в научной литературе и в комментариях к Конституции РФ.

В-четвертых, может возникнуть проблема в связи с более благоприятным регулированием в законе по сравнению с договором. Ключом к верному решению может служить текст ч. 2 ст. 5 Международного пакта о гражданских и политических правах: «никакое ограничение или умаление каких бы то ни было основных прав человека, признаваемых в государстве-участнике Пакта, в силу закона не допускается под тем предлогом, что в Пакте не признаются такие права или что в нем они признаются в меньшем объеме» [4]. Несколько иная редакция этой же мысли дана в ст. 41 Конвенции о правах ребенка: «ничто в Конвенции не затрагивает любых положений, которые в большей степени способствуют осуществлению прав ребенка и содержатся в законе государства-участника» [5].

В юридической науке осуществлены исследования проблем внутригосударственной реализации норм международного права, в том числе состояния и тенденций развития национально-правового механизма такой реализации [6, с. 142–163].

Формы внутригосударственной реализации норм международного права можно классифицировать по трем вариантам непосредственного применения:

- самостоятельное применение норм международных договоров – без прямого участия норм национального законодательства, но не вне сферы их воздействия;

- совместное применение норм международных договоров и «родственных» норм национального законодательства, что связано с функционированием обозначенных выше правоприменительных комплексов;

- приоритетное применение норм международных договоров вместо норм национального законодательства при их взаимном несоответствии, т. е. в коллизионных ситуациях.

Практическая внутригосударственная реализация норм международного права до сегодняшнего дня имела достаточно много проблем субъективного и объективного характера, о чем свидетельствует многочисленная административная и судебная практика последних лет.

Следует учитывать, что воплощение требований положения, закрепленного в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в правотворческой и правоприменительной деятельности государства и его органов весьма позитивно отражается на обеспечении и гарантированности основных прав человека и гражданина, а также способствует формированию и функционированию правоотношений с правомерной формой поведения субъектов. Поэтому, есть необходимость более детального анализа и исследования указанного положения, как одного из элементов в системе факторов, определяющих правомерное поведение субъектов права.

Для участников правоотношений и субъектов правоприменения важно иметь четкое нормативное представление об иерархии международно-правовых регуляторов, о способах преодоления юридических коллизий между общепризнанными принципами международного права, международными договорами России, нормами и обычаями международного права в процессе применения «национальных» правовых норм [7, с. 56].

В настоящее время усиливаются интеграционные процессы во многих сферах государственной и общественной жизни. Это относится и к правовой сфере. Мировое сообщество и государства признают важность общеправовых принципов и поддерживают сближение различных правовых систем. Возрастает интерес к изучению и взаимному использованию опыта развития национальных законодательств, обмену правовой информацией и научными идеями. Государство или группы государств могут по-разному определять свой курс в правовой сфере. Однако такие тенденции, как согласование, гармонизация и сближение национальных законодательств отражают, на наш взгляд, общий интегрированный курс. Это находит свое подтверждение в усилении и интенсификации взаимодействия государств друг с другом и во все большей степени взаимозависимости их внутренней жизни от факторов международного правопорядка.

В современном мире происходит универсализация права и, как следствие, складывающегося на его основе правопорядка. Включение в ч. 4

ст. 15 Конституции РФ положения о том, что международное право является частью правовой системы Российской Федерации, имеет важные правовые последствия. Одно из них состоит в том, что правоприменительные органы, в пределах их компетенции вправе применять нормы международного права при разрешении конкретных дел в случаях, определенных законодательством.

Важнейшей тенденцией формирования международного правового порядка, оказывающей реальное мощное влияние на реформирование правовой системы России, является приоритет прав человека в сравнении с другими политическими и правовыми ценностями. Реализация прав человека и основных свобод является отражением и воплощением начал господства права, верховенства и эффективности закона, плюрализма и демократии. Так, в преамбуле Европейской конвенции прямо указывается на то, что конвенция призвана обеспечивать господство права в демократическом обществе. Фактически концепции господства права придается базовый характер как для утверждения прав человека и основных свобод, так и утверждения и упрочения демократии. Отметим, обращение к концепции господства права в увязке с реализацией прав человека и основных свобод позволяет показать, сколь весомое место отводится им в установлении современного международного правопорядка. Приоритет прав человека в сравнении с другими политическими и правовыми ценностями является, таким образом, важнейшей тенденцией формирования правопорядка мирового сообщества. На седьмом Конгрессе ООН было провозглашено, что конечная цель развития состоит в постоянном повышении благосостояния всего населения на основе его полного участия в процессе развития и справедливого распределения связанных с ним благ [8, с. 20].

Следует обратить внимание, что основную ответственность за обеспечение господства права через реализацию прав человека Европейская конвенция возлагает на национальные власти. Именно национальное законодательство и судебная система должны защищать и гарантировать эти права. Международный механизм играет не более чем субсидиарную роль «подчищая» отдельные огрехи, допускаемые государствами. Забота об уважении к национальному законодательству и его соблюдении – это одновременно и забота об утверждении господства права, и реализации прав человека, забота о выполнении обязательств, взятых по Европейской конвенции. Пренебрежение национальным законодательством, затрагивающее интересы и потребности личности или сказывающееся на их удовлетворении, влечет за собой нарушение соответствующих положений конвенции. Все детали, все мельчайшие подробности того, как пользоваться индивидуальными правами, как их защищать и отстаивать, определяются на национальном уровне. Поэтому, как отмечает И. А. Боляк, – «центральное требование Европейской конвенции, *sine qua non* освящаемого ею правопорядка – соблюдение национального законодательства» [9]. Как следст-

вие, взаимопроникновение и взаимозависимость национального и международного правопорядков.

Таким образом, можно сделать определенные выводы.

Во-первых, важнейшим фактором, который определяет правомерность поведения субъектов в публично-правовой сфере, выступает принцип международного права и конституционное положение о приоритете прав и свобод человека и гражданина. Значение этого фактора также весьма значимо при формировании гражданского общества и укреплении правопорядка.

Во-вторых, международный правопорядок интегрируется с правопорядком внутригосударственным, сфера его действия расширяется за счет объектов внутриправового регулирования и он выступает как общий правовой стандарт поведения всех членов мирового сообщества.

В-третьих, приоритетным направлением совершенствования правоохранительной деятельности органов внутренних дел становится реализация основополагающего принципа международного права «соблюдения прав и свобод личности».

Кроме того, существует необходимость разработки скоординированных обоснованных мер научно-правового характера, направленных на устранение причин, тормозящих практическое воплощение общепризнанных принципов и норм международного права в реальные правоотношения. К таким мерам мы бы отнесли:

- создание в России центра гармонизации внутреннего и международного права с участием Министерства юстиции РФ и Министерства иностранных дел РФ, Института законодательства и сравнительного правоведения, Центра частного права и других заинтересованных сторон;

- широкое использование международного опыта при решении вопросов взаимосвязи норм внутреннего законодательства и международного (для этой цели необходимо разрабатывать и реализовывать совместно с зарубежными партнерами целевые проекты и программы по международному сотрудничеству, создавать совместные исследовательские и учебные центры;

- выработать в теоретическом, методологическом и практическом отношениях основные направления сопоставительного анализа норм международного и внутреннего права, критерии нахождения общих или совпадающих объектов правового регулирования, способы сближения и унификации национальных правовых систем.

При разработке указанных мер необходимо учитывать ряд немаловажных обстоятельств:

«Слепой» перенос норм международного права во внутреннее законодательство, без учета особенностей российского менталитета, национальных, культурных, политических и правовых традиций, может привести к результату обратному от желаемого [10, с. 19].

Согласование внутренней правовой системы с международной правовой системой предполагает согласование не только норм права национальной правовой системы, но и согласование в области правовых отношений и правосознания.

Без восприятия индивидуальным, правовым и общественным правосознанием общепризнанных общечеловеческих ценностей решение всех выше обозначенных задач нереально. Особенно это касается правосознания государственных и муниципальных служащих, так как именно они в процессе своей профессиональной деятельности обеспечивают реализацию и защиту основных прав и свобод граждан.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Гражданский кодекс Рос. Федерации. Часть первая [Электронный ресурс]: от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ: в ред. от 31 января 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. О международных договорах Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Международный пакт о гражданских и политических правах [Электронный ресурс]: от 19 декабря 1966 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
5. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.: вступила в силу для СССР 15 сентября 1990 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
6. Игнатенко Г. В. Международное право и внутригосударственное право. // Международное право: учебник для вузов / отв. ред. Г. В. Игнатенко, О. И. Тиунов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2005.
7. Баранов В. М. Теория права в контексте проблем взаимодействия международного и российского права // Российская правовая система и международное право: современные проблемы взаимодействия / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород, 1998. Ч. 1.
8. Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия / ООН. Нью-Йорк, 1992.
9. Боляк И. А. Поведение в публично-правовой сфере: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005.
10. Бондарев А. А. Российский менталитет и правосознание: теоретико-правовые аспекты соотношения и функционирования // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Орел, 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Ольга Васильевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Гапонов О. И.

О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ

В статье рассматриваются вопросы соотношения понятий законности и справедливости в отечественной юридической науке и законе.

Ключевые слова: право, законность, справедливость.

По причинам органическим
Мы совсем не снабжены
Здравым смыслом юридическим,
Сим исчадием сатаны.
Широки природы русские,
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал...
Б. Н. Алмазов

Может ли закон быть несправедливым, а то, что, по мнению общества справедливо, незаконным? Этот вопрос существовал издревле, ещё со времён становления государственности. Сократ говорил об этом: «Что законно, то справедливо». Но так ли это на самом деле? Прежде чем ответить на этот вопрос стоит, наверное, разобраться, а что же мы понимаем под словом «справедливость»? Значение этой нравственно-правовой категории велико на протяжении всей истории человечества, и особенно остро ощущается в контексте современных условий, то есть проблема остаётся крайне актуальной до сего дня.

Итак, термин «справедливость» имеет два различных значения, однако в обыденном словоупотреблении они зачастую пересекаются, вызывая путаницу. Во-первых, следует выделять «процессуальную» справедливость. В этом смысле справедливость относится к результату или решению, достигнутому благодаря правильно функционирующему механизму отправления закона. Считается, что применение закона, относящегося к

сфере статутного или обычного права, к тому или иному конкретному случаю имеет целью достижение справедливости. В такой интерпретации справедливость – это логическая, почти механическая оценка действия согласно критериям, зафиксированным в общепринятой и обязательной нормативной системе – законе.

Во втором значении справедливость – это апелляция к некоторому критерию или совокупности ценностей, которые считаются более высокими, чем те, что нашли воплощение в законе. В принципе, именно это обычно имеют в виду, когда говорят о «праве справедливости». Высшая заповедь «Пусть восторжествует справедливость» выражает убеждение в том, что если механизм отправления правосудия не способен достичь справедливости, которая диктуется этим верховным критерием, то судебное решение должно быть исправлено своего рода моральным судом. Вот как, например, недавно повсюду обсуждался случай в Санкт-Петербурге, где боксер на смерть забил напавшего на его сына педофила. Конечно, юридически он является убийцей, но общество его поддерживает и считает, что он поступил справедливо, поскольку любой родитель поступил бы таким же образом. И как здесь быть: назначить ему наказание или помиловать? Понимая необходимость такого дополнения, способного обеспечить право справедливости при отправлении правосудия, даже демократические государства с представительной системой правления предоставляли исполнительным органам право помилования или смягчения наказания.

Если обратиться к работам Мишеля де Монтеня, то можно проследить, что он множество раз обращается к понятию «справедливость», оценивая её с разных сторон. Монтень утверждает, что справедливость заключается в том, чтобы воздавать каждому по заслугам, то есть это означает, что справедливость установлена одна для всех и всего человечества в целом. Да, с этим утверждением трудно поспорить, но, в нашем современном мире мы чаще всего сталкиваемся с несправедливостью по отношению к жертвам наших врачей, которые с удивительной лёгкостью избегают наказания. И где же здесь справедливый закон? [1]

Также, справедливость можно определить как частную, то есть человек сам для себя определяет, что такое справедливость и как общественную, когда справедливость признаётся многими или всеми либо определяется по законам государства или по законам нравственности. Сложно не согласиться с тем утверждением, что справедливость является редким для современного человечества явлением, поскольку с ней оно встречается чуть ли не ежедневно. В обобщенном виде можно сказать, что справедливость – это самосознание, самовыражение и самооценка права и потому вместе с тем правовая оценка всего остального внеправового.

Считается, что справедливость является постоянной спутницей правосудия. Однако часто бывает так, что доводы справедливости не совпадают с доводами юридических норм, то есть законов как формы выражения

права, регулирующего общественные отношения. Был случай, когда к воинской части приехала группа хулиганов, пыталась проехать на территорию. Дежурный прапорщик их не пропустил, и те начали его избивать. Он достал пистолет и застрелил одного из нападавших. Суд приговорил его к шести с половиной годам заключения. Отсидев два года, он обратился в Комиссию по помилованию Ростовской области с просьбой о снисхождении. Многие члены Комиссии проголосовали «за», поскольку военнослужащий, несущий службу и подвергшийся нападению, безусловно, имеет право применить оружие. Но даже в столь очевидном случае суд расценил это иначе [2]. Чего же ожидать обычному человеку, который спас свою жизнь ценой жизни преступника?

Законы пользуются всеобщим признанием не из-за того, что они справедливы, а лишь потому, что они являются законами, то есть они обладают сильной властью и, следовательно, люди имеют достаточно большую долю страха. Несмотря на свой переменчивый характер, некоторые из законов действуют на протяжении достаточно долгого времени, приобретая большую силу.

Итак, по мнению нашего общества, несправедливость в российском законодательстве всё же существует. Из примеров, приведенных выше, мы видим, что уголовный закон несовершенен. Но это касается практически всех отраслей права. Возьмём нормы трудового права. Так, в соответствии с законом, трудовой договор может быть расторгнут по инициативе работодателя в случае сокращения численности или штата работников организации [3, с. 33]. Казалось бы, всё справедливо, ведь существуют различные гарантии и компенсации в подобных случаях. Но если человеку, проработавшему в данной организации много лет, осталось до выхода на пенсию всего 3 года, а его увольняют? Здесь не утешат никакие компенсации. Выход, конечно, можно найти. В некоторых случаях возможен уход на пенсию до достижения пенсионного возраста, но опять-таки, не всегда.

Говоря о справедливом отправлении правосудия, нельзя не отметить такой конституционный принцип, как независимость судей и подчинение их только закону. Этот принцип, безусловно, является проявлением демократичного строя. Но и здесь следует задуматься. А что, если моральные принципы судьи не столь высоки или расходятся с мнением общества по какому-либо вопросу. Получается, здесь важную роль играет категория нравственности, которая сама по себе очень субъективна.

Россия всегда была и остается страной, народ которой чутко реагирует на любую несправедливость, страной, поиск правды в которой, в том числе в государственных судах, составляет насущную потребность населения [4, с. 4]. И подводя итог всему сказанному, можно сделать такой вывод: по мнению нашего российского общества, не всё законное справедливо, а то, что справедливо, является законным.

1. Хайруллин В. И. Понятие справедливости в работах Мишеля де Монтеня // Право и политика. 2001. № 5. С. 26-30.
2. Ключников А. Справедливость и закон – это, к сожалению, не одно и то же // Аргументы и факты. 2008. № 8 (720). С. 33.
3. Трудовой кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принят Государственной Думой 21 декабря 2001 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Аболонин В. О. «Справедливый» гражданский процесс: иллюзия или реальность? О роли морали и нравственности при разрешении гражданских дел // Арбитражный и гражданский процесс. 2008. № 2. С. 19.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гапонов Олег Иванович,
доцент кафедры юриспруденции
(Орловский филиал Воронежского
экономико-правового института)

Госсельбах Л. Н.

ОРГАНЫ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ И ИХ СОЦИАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

В статье рассматривается становление и современное развитие системы органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова: органы внутренних дел, реформирование, государственная служба.

Становление и современное развитие системы органов внутренних дел Российской Федерации являются отражением процессов происходивших и происходящих в государственном механизме Российской Федерации.

Политические и социально-экономические изменения 90-х годов XX века, имевшие место на территории постсоветского пространства, образование в результате распада СССР новых суверенных государств потребовало особого внимания к обеспечению внутренней безопасности Российской Федерации.

Еще до распада СССР – 18 апреля 1991 г. был принят закон Российской Федерации «О милиции» [1], который нормативно урегулировал правовой статус, организационную структуру милиции.

Определяя роль и место органов внутренних дел в системе государственного механизма, Н. Н. Васильев отмечал что, с позиций обыденных, привычных понятий все, что не связано в жизни государства с дипломатической, внешнеэкономической, частично военной, транспортной сферами и связью, относится к так называемым внутренним делам [2].

Непрерывная трансформация общественных отношений в Российской Федерации потребовала проведения мероприятий, направленных на модернизацию органов внутренних дел, которая началась в конце 2009 года с момента вступления в действие указов Президента РФ «О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [3] и «О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации» [4].

Реформирование милиции в полицию – это обусловленный объективными факторами шаг. Основной вектор изменений направлен на улучшение работы, исключение несвойственных функций, совершенствование обеспечения защиты людей, общества, государства от преступных посягательств с учетом современных политических процессов явлений, тенденций.

В течение 2011 года были приняты федеральные законы «О полиции» [5], «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [6], «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [7], положения которых нормативно закрепили роль и место органов внутренних дел в обществе и государстве.

Вместе с реформой МВД России принято решение переименовать органы правопорядка с «милиции» на «полицию». «Нам нужны профессиональные сотрудники, которые работают эффективно, честно, слаженно, – указал Д. А. Медведев на специальном совещании. – Пришла пора вернуть милиции ее прежнее наименование и именовать в дальнейшем наши органы правопорядка полицией. Милиция – чрезвычайно важный институт для нашего общества» [8].

Основной целью реформирования Министерства внутренних дел Российской Федерации, сформулированной в поручениях Президента Российской Федерации является – создание профессиональной полиции отвечающей потребностям общества.

Согласно положениям Конституции Российской Федерации (статья 10) власть в Российской Федерации осуществляется на основе разделения на законодательную, исполнительную и судебную. Органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны [9].

Д. М. Овсянко указал, что орган исполнительной власти представляет собой такую организацию, которая, являясь частью государственного аппарата, имеет компетенцию, структуру, территориальный масштаб дея-

тельности, образуется в порядке, установленном законом или другим нормативным правовым актом, пользуется определенным методом в работе, наделена правом выступать по поручению государства, и призвана в порядке исполнительской и распорядительской деятельности осуществлять повседневное руководство хозяйственным, социально-культурным строительством, заниматься межотраслевым управлением [10, с. 39].

В работе П. П. Сергуна государственная служба в органах внутренних дел представлена как качественное состояние, обладающее новыми характеристиками, которые способствуют проведению в жизнь политики государства и гражданского общества, формирующуюся на основе Конституции Российской Федерации [11, с. 28].

Органы внутренних дел входят в структуру государственных органов исполнительной власти и представляют собой юридически и организационно обособленные органы государственной власти, образуемые в установленном законом порядке для осуществления в пределах своей компетенции задач и функций по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью и наделенные для этого государственно-властными полномочиями.

Назначение, задачи, функции и цели деятельности органов внутренних дел определены Федеральным законом от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции». Вопросы статуса и организационного построения органов внутренних дел Российской Федерации, а также их подчиненность урегулированы Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 «Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации».

Министерство внутренних дел Российской Федерации (МВД России) входит в структуру федеральных органов исполнительной власти, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации. Является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел.

Основными задачами МВД России являются:

- 1) разработка и реализация государственной политики в сфере внутренних дел;
- 2) нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел;
- 3) обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства (далее также – граждане; лица), противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение общественной безопасности;
- 4) управление органами внутренних дел Российской Федерации (далее – органы внутренних дел) и внутренними войсками МВД России (далее – внутренние войска);

5) обеспечение социальной и правовой защиты сотрудников органов внутренних дел, военнослужащих внутренних войск, федеральных государственных гражданских служащих системы МВД России, а также социально-правовое обеспечение работников системы МВД России, граждан, уволенных со службы в органах внутренних дел и с военной службы, членов их семей, иных лиц, соответствующее обеспечение которых на основании законодательства Российской Федерации возложено на МВД России [12].

Функции представляют собой основные направления деятельности органа исполнительной власти, обусловленные его компетенцией.

К. С. Бельский отмечает, что «функции – это ведущие направления в деятельности органов исполнительной власти. В них выражается целевая нагрузка данной ветви государственной власти и с ними напрямую связан предоставляемый органам исполнительной власти объем государственно-властных полномочий. Говоря по-другому, под функциями понимают и цели, которые ставит государство перед исполнительной властью, и основные направления ее деятельности, и правовые средства (обязанности и полномочия), которые применяются для достижения поставленных целей. Каждая функция, определенный вид деятельности исполнительной власти характеризуется известной самостоятельностью, однородностью и повторяемостью. Каждая функция исполнительной власти имеет свою сферу действия и осуществляется, как правило, соответствующими методами. Функции отражают содержание деятельности исполнительной ветви государственной власти и в известной степени характеризуют ее сущность» [13, с. 14].

Функции органов управления – виды управленческой деятельности, выполнение которых поручено данному органу в соответствии с утвержденным Положением об органе управления.

МВД России осуществляет свою деятельность непосредственно и (или) через органы внутренних дел и органы управления внутренними войсками.

В единую централизованную систему МВД России входят: органы внутренних дел, включающие в себя полицию; внутренние войска; организации и подразделения, созданные для выполнения задач и осуществления полномочий, возложенных на МВД России.

Органы внутренних дел Российской Федерации в системе исполнительной власти являются самой многочисленной и многофункциональной структурой. Система органов внутренних дел характеризуется: наличием элементов (подсистем); субординационными и координационными связями элементов; целостностью, качественным своеобразием и относительной самостоятельностью. Вместе с тем она представляет собой сложную подсистему системы органов исполнительной власти.

При выполнении своих функций система внутренних дел и ее звенья (элементы) вступают в управленческие и иные отношения: внутрисистемные и внешние, т. е. внесистемные с различными государственными органами, общественными организациями, коллективами и отдельными гражданами [14].

Государственная служба Российской Федерации – профессиональная служебная деятельность граждан Российской Федерации по обеспечению исполнения полномочий: Российской Федерации; федеральных органов государственной власти, иных федеральных государственных органов; органов государственной власти субъектов Российской Федерации, иных государственных органов субъектов Российской Федерации); лиц, замещающих должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными законами для непосредственного исполнения полномочий федеральных государственных органов; лиц, замещающих должности, устанавливаемые конституциями, уставами, законами субъектов Российской Федерации для непосредственного исполнения полномочий государственных органов субъектов Российской Федерации [15].

Система государственной службы включает в себя следующие виды государственной службы: государственная гражданская служба; военная служба; правоохранительная служба. Военная служба и правоохранительная служба являются видами федеральной государственной службы.

Правоохранительная служба – вид федеральной государственной службы, представляющей собой профессиональную служебную деятельность граждан на должностях правоохранительной службы в государственных органах, службах и учреждениях, осуществляющих функции по обеспечению безопасности, законности и правопорядка, по борьбе с преступностью, по защите прав и свобод человека и гражданина. Таким гражданам присваиваются специальные звания и классные чины.

Взаимосвязь службы в органах внутренних дел, государственной службы нормативно закреплена в статье 5 Федерального закона «О службе в органах внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Служба в органах внутренних дел соотносится с государственной службой как взаимная связь частного с общим.

Частью 1 статьи 5 определено, что взаимосвязь службы в органах внутренних дел и государственной службы иных видов обеспечивается на основе единства системы государственной службы и принципов ее построения и функционирования [7].

Деятельность органов внутренних дел возникает в особой сфере государственного управления и связана в основном с удовлетворением нематериальных потребностей личности и потребности государства в обеспечении внутренней безопасности и правопорядка. Как и другие органы государственного управления, органы внутренних дел осуществляют

деятельность от имени государства и наделены государственно-властными полномочиями, которые проявляется: в предоставленных правах и обязанностях, а также в праве, издавать нормативные правовые акты, обязательные для исполнения всем тем, кому они адресованы.

Таким образом, органы внутренних дел представляют собой юридически и организационно обособленные органы государственной власти, образуемые в установленном законом порядке для осуществления в пределах своей компетенции задач и функций по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью и наделенные для этого государственно-властными полномочиями.

1. О милиции [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации от 18 апреля 1991 г. № 1026-1. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Васильев Н. Н. Внутренняя безопасность: становление и развитие Российской национальной полиции и совершенствование системы подготовки кадров // Актуальные проблемы совершенствования организации и правовых основ деятельности органов внутренних дел: тр. Акад. управления МВД России / отв. ред. А. П. Калинин. М., 1999. С. 23–31.
3. О мерах по совершенствованию деятельности органов внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 24 декабря 2009 г. № 1468. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. О некоторых мерах по реформированию Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 18 февраля 2010 г. № 208. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
5. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
6. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел и внесении изменений в отдельные законодательные акты [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
7. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
8. URL: <http://rg.ru/2010/08/12/milicia.html> 27.05.2015.
9. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

10. Овсянко Д. М. Административное право. М., 1995.
11. Сергун П. П. Государственная служба в органах внутренних дел Российской Федерации: теорет.-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
12. Вопросы Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 1 марта 2011 г. № 248. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
13. Бельский К. С. О функциях исполнительной власти // Государство и право. 1997. № 3.
14. Огородников В. И. Система органов внутренних дел на транспорте на современном этапе [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
15. О системе государственной службы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Госсельбах Людмила Николаевна,
начальник правового отдела
(УМВД России по Орловской области)

Клевцов С. В.

СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ ИДЕИ ПРАВОПОРЯДКА

В статье раскрывается методологический и мировоззренческий потенциал идеи правопорядка в развитии общей теории права, в правовой жизни общества и в совершенствовании юридической практики.

Ключевые слова: правовое государство, правовой порядок, правомерное поведение, теория права, общественный порядок

Одной из важнейших задач, которая в настоящее время приобрела особое значение, для российской юридической науки является формирование нового, современного типа правопонимания, который носил бы универсальный, системный характер. Для современной юриспруденции характерен отказ от догматического мышления, поиск новых моделей восприятия современной правовой действительности. Западная юридическая научная мысль вместо поисков единого определения или единой методологии пошла по пути плюрализма [1, с. 670]. В то же время российский исследователь права О. В. Мартышин отмечает: «Не то в России. Здесь плю-

рализму определений права сопутствуют нередко взаимное непонимание, нетерпимость и поиски абсолюта, т. е. единого, универсального понятия права, исключаяющего, делающего не только ненужными, но даже вредными все другие типы определений» [2, с. 15]. Очевидно, что данный путь развития является тупиковым. Однополярность взглядов в перспективе приведет к искажению восприятия правовой реальности, и, как следствие этого, отбросит назад отечественную юридическую науку.

Кроме того, очевидно, что развитие методологии со временем приобретает характер отставания. Мы используем инструментарий, который создан в относительном прошлом и, следовательно, не вполне адекватен существующим на данный момент общественным отношениям. Именно поэтому проведение исследований в этой ситуации не позволяет достоверно описать и оценить те видоизменения правового порядка, которые происходили и происходят в современном российском обществе. С одной стороны, произошло существенное преобразование правоотношений и форм реализации права, с другой стороны – методики их оценки копируются из предшествующего периода. Все это в результате ведет к определенному искажению восприятия картины изучаемых явлений, делает практически нереальной точную их характеристику и оценку.

Очевидно, что наметившаяся тенденция плюрализма теоретико-правовых взглядов, соперничества между учениями и школами – это определенный ответ на ускорение современной жизни, мировосприятия. Современный этап эволюции научной мысли, в том числе и правовой, отличается интенсификацией познавательного процесса, один и тот же объект изучается не только с разных сторон, но и в рамках различных научных школ, часто диаметрально противоположных. Очевидно, что создание современной теории правопорядка, адекватной к современным реалиям, возможно на основе сочетания самого широкого спектра научных подходов. Вместе с тем, данная теория должна иметь черты универсальности и абстрактности, только в этом случае можно создать действительно эффективный инструментарий познания правовой реальности.

Идея правопорядка представляет собой достаточно сложное, многогранное явление, имеет целый ряд относительно самостоятельных пониманий, что, с одной стороны, придает ему некий фундаментальный характер, с другой стороны, затрудняет создание единого его определения.

Фундаментальность идеи правопорядка состоит, во-первых, в том, что посредством его с равным успехом право характеризуется в самых различных аспектах: в собственно юридическом, в естественно-правовом, в социологическом, в философско-правовом. Несомненно, что такой методологический подход можно и нужно использовать для теоретического исследования поставленной проблемы в дальнейшем.

В настоящее время не только в западной, но и отечественной юриспруденции назревает понимание необходимости компромисса при согла-

совании идей позитивизма и естественного права, реализации их возможностей в плане взаимодополняемости и взаимозаменяемости. Всячески подчеркивается парный характер понятий «естественное право» и «позитивное право». Именно в единстве и взаимозависимости можно говорить об их совершенстве, а все назначение естественного права состоит в том, чтобы сделать действующие нормы лучше [3, с. 116]. Наверное, эта позиция верна и для определения сущности идеи правопорядка.

Важнейшей задачей философии права выступает развитие методологии юридического познания [4]. В качестве «юридической философии права» она представляет собой ту часть юриспруденции, в которой сосредоточивается общенаучная методология юридического познания и формируется представление о всей глубине понимания громадного массива юридической проблематики.

Для осуществления методологического анализа идеи правопорядка философия права имеет значение в качестве фундаментального основания исследования. Являясь гносеологическим базисом всей системы юридических наук, философия права – наука универсальная и разноплановая. Именно в силу универсальности она является основополагающим руководством в научном познании и направляющей силой любого правового исследования. Это объясняется, прежде всего, тем, что философия права «выполняет специальные гносеологические функции, являясь теорией познания, логикой и диалектикой развивающегося права» [5, с. 72].

Правовой порядок выступает как определенное состояние правовых отношений в обществе и государстве, характеризующееся уравновешенностью и гармонией, и как некое идеальное состояние конкретного правоотношения. Гармония проявляется во внутренней связности явлений, каждое из которых не просто имеет определенные характеристики, но и соразмерно всему остальному. Всякий правовой акт, юридическое действие должны быть сообразны и конкретным условиям, и задачам (быть целесообразными), и обладать характеристиками, позволяющими находить эти конкретные явления в рамках определенной системы. В этом смысле правовой порядок сродни определенной эстетической организации реальности.

Понятие правового порядка в философском смысле – это состояние максимальной упорядоченности правовой жизни, полной реализации всех государственно-правовых закономерностей. В. П. Малахов отмечает: «Порядок, видимо, есть то, что является следствием порядочности людей. Или это формальность, устоявшееся положение вещей, отношений, структуры права, среды права, строй отношений не просто юридически реализуемый, но и рождающийся в практике» [6].

Идея правопорядка призвана отобразить право как универсальную всеобъемлющую структуру, определенное упорядоченное состояние общества и всей его правовой системы, некий каркас правовой реальности. Порядок является характеристикой жесткости, формальной определенности

структуры, показателем ясности и однозначности составляющих его элементов.

Для стихийно складывающихся социальных структур порядок не характерен, поэтому требование порядка является не просто принципиальным, но, в какой-то мере, самодостаточным. Вследствие этого, в частности, социальный порядок возможен только в условиях правовой формы, а правовая форма имеет тенденцию к самодавлению, становится внешней. Вместе с тем, правовой порядок может формироваться не только при воздействии государства. Поэтому следует различать официальный (государственный) правовой порядок и неофициальный (гражданский). Необходимо, на наш взгляд, сосредотачивать усилия на выработке механизмов трансформации неофициального правопорядка в сторону его слияния с официальным. Речь идет о той части неофициального правопорядка, которая содержит в себе практически ту же систему ценностей и отношений, что и официальный. В связи с этим открываются достаточно интересные возможности для повышения эффективности действия права в целом. Прежде всего, это относится к сфере толкования права, а также к вопросу пробельности действующего законодательства и путях ее восполнения.

Порядок – универсальная характеристика социальной реальности, а значит, универсальным предстает и право в целом. «Право на уровне универсальности, – отмечает В. П. Малахов, – постигается человеком в адекватном правовому бытию состоянии (кристаллизованному в правовом существе и в общественном, и в индивидуальном правосознании)» [6].

Имея свойство универсальности, порядок является в своем роде выражением социальной необходимости. Порядок является специфической правовой закономерностью. Это значит, с одной стороны, что хотя в нем присутствует элемент случайности, произвольности, тем не менее, имеющееся состояние упорядоченности в целом не случайно, а стало быть, характеристики этой упорядоченности носят объективный характер. С другой стороны, необходимость порядка носит субъективный характер в том смысле, что он возникает в социальной реальности как правовая норма и воля, является результатом сложного сочетания реально существующих общественных отношений и правотворчества, в первую очередь государственного.

Идея порядка отражает определенное качественное состояние правовой жизни, характеризующееся тем, что общество в целом и очевидное большинство людей готовы воспроизводить правовые отношения, роли, позиции, ценности, которые сложились в социуме, и также сопротивляться процессам, действиям, обстоятельствам, носящим негативный характер для того же социума или для личности. Стабильность, надежность, целесообразность, перспективность – эти и другие характеристики состояния общественных отношений чутко улавливаются общественным и индивидуальным правосознанием. В связи с этим представляется возможным гово-

речь о том, что «профессиональное правосознание и позитивное отношение к праву не тождественны, т. е. понятие профессионального сознания гораздо шире позитивного отношения к праву и профессиональное правосознание включает в себя позитивное отношение к праву» [7, с. 11].

Поскольку в праве весьма значима внешняя форма, порядок представляется как некая упорядоченность. Последняя отражает социальные структуры как определенные устойчивые, оговоренные, однозначные зависимости элементов (организаций, учреждений, иных субъектов права), в которых само присутствие этих зависимостей имеет самостоятельное значение.

Когда мы говорим о правовой деятельности, то мы представляем себе ее упорядоченной в определенных формах, как определенную совокупность этапов, стадий, в рамках которых осуществляется реализация правовых требований и установок. Таким образом, правовая деятельность по сути своей является обязательным и специфическим способом реализации социально-полезных целей.

Если мы имеем в виду совершенно определенного субъекта правовой деятельности, то ее упорядоченность представляет собой четко определенную, непременно подлежащую ограничению, совокупность правомочий. Только при таком условии социально одобряемые действия субъекта правоотношений приобретают статус правомерных.

Самообразование и самоограничение возникшей упорядоченности правовых отношений и действий является непременным условием правового порядка. Именно в этом и заключается смысл возникновения и существования данной концепции в рамках правовой реальности.

В. П. Малахов пишет: «Концептуальные идеи, вплетенные в философско-правовые рассуждения, должны быть альтернативными» [6, с. 137]. Так, в философско-правовом аспекте своеобразным антиподом правового порядка выступает «правовой хаос» или состояние неупорядоченности правовой жизни. Правовой хаос ведет к неопределенности в оценках правового содержания тех или иных решений и действий, размывает границы между приемлемым и целесообразным, правомерным и полезным, необходимым и желательным.

Сущность идеи правового порядка, как одной из универсальных категорий правоведения, отвечающей современным потребностям развития общества, может быть понята и объяснена лишь в единстве и органической связи с закономерностями и тенденциями общественного развития. Это означает не только узкоюридическое, но и значительно более широкое видение, прежде всего философское и социологическое, историческое и экономическое, политическое и психологическое, этическое и аксиологическое. Действительно, анализ правопорядка как важнейшей стороны общественной жизни необходим не только с точки зрения собственно юридического подхода, но и на уровне философского и социологического знаний, которые позволяют наиболее полно описывать чрезвычайно сложные ди-

намичные процессы, происходящие в обществе. Собственно, это является первым и необходимым условием воплощения в жизнь теоретической конструкции правового порядка, как одной из основополагающих идей функционирования социума.

Анализируя вышеизложенное, следует констатировать, что и право, и основанный на нем правовой порядок – это не только юридические, но и социальные феномены. И для философско-правовой, и для теоретико-правовой мысли право выступает определенной формой утверждения той или иной системы миропонимания, выраженной в совокупности идей, ценностей, целей. Но эти цели, ценности и идеи имеют в рамках философско-правовой и теоретико-правовой мысли существенно разные формы существования и выражения. Данный факт лишь подтверждает все вышесказанное об универсальном и всеобъемлющем характере идеи правового порядка.

Теперь сформулируем ряд выводов относительно характера связанности рассмотренных выше подходов к пониманию природы права и правопорядка

При определении подхода, в рамках которого предпочтительно рассматривать аспекты правового порядка, следует учитывать следующее. Достоинствами позитивистского подхода являются его четкость, реальность, запрограммированность и применимость к юридической практике. К недостаткам можно отнести односторонний подход к пониманию «несправедливого» права, принципиальное допущение несовершенства позитивного права и основанного на нем правопорядка. Соответственно, данный тезис распространяется и на правовой порядок. Обязательный признак права – не соответствие его идеалам справедливости или истины, а возможность реализации только в рамках механизма государства, в том числе путем государственно-правового принуждения. Этот постулат юридического позитивизма разделяется частично и социологической юриспруденцией [2, с. 15].

Следует согласиться с тем, что реально существующее право и правовой порядок, основанный на нем, должны содержать в себе соответствующую оценку. Поэтому позитивизм, о котором говорилось выше, должен сочетаться с комплексным представлением о том, каким должно быть право, каковы критерии различения хорошего и плохого в праве. Все это ведет к возникновению представлений об идеальном праве и идеальном правопорядке, их можно трактовать как самостоятельные учения о правопонимании. В их рамках как раз и существуют естественно-правовой и философско-правовой подходы.

Между философией и правом не существует непреодолимой границы. И эта граница становится все более гибкой и прозрачной, когда мы говорим о связи философии права и общей теории права. Различия их сознательно поставлены на первый план и усилены с той только целью, чтобы

предостеречь от возможного непреднамеренного смешения различных аспектов познания предмета. Практическое взаимодействие этих двух форм познания права и правопорядка не подлежит сомнению.

В этом плане философия права может играть по отношению к общей теории права весьма значительную роль. Она в состоянии помочь общеправовой теории осознать незавершенность и несовершенство ее восприятия права и правопорядка. Такая установка обязательно положительно скажется на результатах последующих научных изысканий в области права. Философия права помогает связать анализ права и правопорядка с действием системы условий и факторов, присущих социуму на определенном этапе развития.

Несмотря на все вышесказанное, очевидно, что идея правового порядка, в каком бы научном ракурсе она не исследовалась, какие бы методологические подходы не применялись при ее изучении, относится к числу тех проблем, исчерпать которые принципиально невозможно, так же, как и отыскать абсолютные, окончательные решения.

1. Walker D. M. The Oxford Companion to Law, 1980.
2. Мартышин О. В. Совместимы ли основные типы понимания права? // Государство и право. 2003. № 6.
3. Gianformaggio L. Droit naturel // Dictionnaire encyclopedique de theorie et sociologie du droit. Bruxelles, 1988.
4. Значительные результаты в этом направлении развития философии права получены Д. А. Керимовым (Основы философии права. М., 1994; Методология права. М., 2000) и особенно В. П. Малаховым (Правосознание: природа, содержание, логика: монография. М., 2001; Правосознание и правомерное поведение: монография. М., 2002).
5. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000.
6. Малахов В. П. Право в его универсальности, особенности и конкретности. М., 2005.
7. Беляева О. В. Профессиональное правосознание как базовый элемент процесса социализации сотрудников органов внутренних дел // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 1.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Клевцов Сергей Владимирович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Юнусов С. А., Жеребцова Е. Н.

ВОПЛОЩЕНИЕ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕК В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

В представленной статье рассматриваются вопросы становления, развития и воплощения принципа справедливости в воззрениях ученых и их роль в становлении института прав человека в дореволюционный период истории России.

Ключевые слова: принцип справедливости, права человека, право, идеи, воззрения, личность, свобода, государство, общество, равенство людей.

Институт прав человека представляет собой целостную систему в политически организованном, демократическом обществе. Смысл такой системы – обеспечить нормальное, естественное развитие общества на основе экономических, социальных, духовных факторов. В соответствии с этим политическая власть должна быть «цивилизованной с человеческим лицом» [1, с. 28]. Должно быть обеспечено такое функционирование ценности справедливости, института прав человека, когда бы оно, в полной мере сохраняя качества реализации норм права, не приводило бы к тоталитарным порядкам, раскрывался бы позитивный потенциал правового государства, происходило бы нормальное развитие общества. Мы считаем, что функционирование института прав человека и отражение в них справедливости должно способствовать нормальному развитию всего общества.

Права человека – это высоконравственная, этическая категория. Они начинаются с уважения человека к самому себе, с умения понимать окружающих, особенно в нашей многонациональной и многоконфессиональной стране. Уважает себя, значит, уважает человека, гражданина. Уважение истории своего Отечества, быть его патриотом, не банальные слова, а принципы жизни. Россиянам всегда были присущи эти категории, они всегда боролись за самостоятельность своего Отечества, всегда отражали лютые нападения врагов, крепили свои традиции.

Отличие, специфичность, уникальность, особенность не всегда и не обязательно означают отсталость от так называемых передовых культур, и не обязательно стремиться к тому, чтобы догнать их. Иронизируя относительно попыток каждой эпохи быть судьей по отношению ко всему, что имело место в прошлом, Ф. Ницше писал: «В сущности, ни одна эпоха и ни одно поколение не имеют права считать себя судьями всех прежних эпох и поколений... В качестве судей вы должны стоять выше того, кого судите вы, тогда как, в сущности, вы лишь явились позже на историческую арену. Гости, которые приходят последними на званый обед, должны, по

справедливости, получить последние места, а вы хотите получить первые!»
Соглашаясь с такой позицией, можно утверждать, что во всемирно-историческом плане не совсем корректно делить историю на хорошие и плохие, светлые и темные периоды, низшие и высшие ступени, с точки зрения морально-нравственного совершенства и несовершенства народов. Не следует необоснованно критиковать историю развития права и прав человека в России.

В истории каждого народа, каждой культуры или цивилизации существуют изменчивое и постоянное, временное и вневременное. Одно растет, достигает рассвета, стареет и умирает, а другое в той или иной превращенной форме становится достоянием общечеловеческой культуры.

В обществе сегодня нет важнее проблемы, чем справедливость и права человека, это наглядно подтверждает история, современность, практика и разумный прогноз.

Развитие правового положения личности продолжалось на протяжении всей истории нашего государства, однако необходимо особо рассмотреть развитие прав и свобод человека с конца XIX и на пороге XX столетия.

Тематика прав и свобод личности остается неизменно актуальной и предполагает последовательную их разработку с учетом современной социальной динамики в мире и в отдельных странах.

В историческом плане в характеристике прав и свобод как нормативно-правовой формы взаимоотношений государства и личности прослеживаются различные формы взаимодействия государственной власти с человеком и, соответственно, отражение справедливости, а так же различные основы правового положения личности. Одна из них основана на характеристике прав и свобод как категории, исходящей от государства и установленной государством, вторая, принципиально иная, основана на естественно-правовом подходе к правам и свободам человека.

В современном мире общепризнанным является взгляд на права как универсальную категорию, отражающую наднациональные, общечеловеческие требования к стандартам в области свободы личности. В этом плане права человека являются не государственно-правовой категорией, а общесоциальными понятием. Международный билль о правах человека требует, чтобы правительства стран отвечали за то, как они обращаются с людьми, а их действия должны оцениваться по международным стандартам [2, с. 68]. Немецкий философ И. Кант отметил, что государство должно делать все, чтобы защитить человека.

Эволюция правового положения человека в России имеет богатую историю и прослеживается через все этапы ее государственно-правового строительства. Всегда шла борьба двух сил – стремящихся к справедливости, свободе и реакционно-настроенных.

Благодаря влиянию передовой европейской политико-правовой мысли, выраженных в воззрениях справедливости, и революционных преобразований в XVIII в. западных странах естественно правовые идеи о равенстве всех людей, о неотчуждаемых правах и свободах человека постепенно получили распространение в царской России [3, с. 3].

А. Н. Радищев (1749–1802) эти идеи справедливости использовал для критики российского самодержавия и крепостничества [4, с. 79]. С естественно-правовых позиций он развивал представления о свободе и равенстве всех людей в естественном состоянии, о договорном происхождении государства, о неотчуждаемых правах человека на свою жизнь, собственность, равный суд, свободу мысли и слова, о суверенитете народа и его праве свергнуть несправедливый строй [5, с. 130, 176–177, 437].

Погружаясь в ценности справедливости естественную свободу, равенство всех людей, и неотчуждаемые права человека на «безопасность, жизнь и собственность» отстаивали и декабристы [6, с. 295–302].

В России в XVIII в. крепостнические общественные отношения были основательно потрясены крестьянской войной под руководством Емельяна Пугачева 1773–1775 гг. Это крестьянское движение показало, насколько велик потенциал народных масс к социально-политическому творчеству, к формулированию справедливости в общественных отношениях прав и свобод личности. Крестьянская война в России, как и войны в Западной Европе, стихийно отразила потребность в изменении общественных условий существования крестьянства и рабочих людей.

В XIX в. наиболее значительным до отмены крепостного права было вооруженное выступление декабристов в 1825 г. Это была попытка изменить общественное и политическое устройство России на основе утверждения справедливости и прав человека [7, с. 167].

В Уставе Союза благоденствия говорилось: «Союз старается также укрощать и искоренять властолюбие и презрение прав человеческих... и убедить всякого в истине, что общее благо народа требует непременно частного, и что каждый человек, какого бы он сословия ни был, вправе им пользоваться» [8, с. 190].

В целом вся система личных прав и свобод, провозглашенных в таких странах, как Англия, Франция, США, признавалась всеми участниками декабристского движения, поэтому и в основе вооруженного выступления лежало правовое основание. Абсолютное самодержавие и крепостное право подлежали немедленному уничтожению, поскольку посягали на права человека, особенно в части справедливых производственных отношениях.

Конституционные проекты П. И. Пестеля подробно на основе справедливости определяли права человека. При отмене крепостного права решался вопрос не только о личных свободах крестьянина. В неразрывной связи с ними ставился вопрос о его праве на землю. П. И. Пестель реши-

тельно высказывался за конфискацию помещичьих земель и наделение землей каждого желающего ее обрабатывать.

Запасным фондом для обеспечения права личности на землю являлся государственный земельный запас. По убеждению П. И. Пестеля этот запас мог предохранить человека в России от нищеты и пролетаризации – бедствий стран Западной Европы и США, где к тому же использовались рабы.

Убежденный республиканец П. И. Пестель предлагал введение всеобщего избирательного права для мужского населения без какого-либо ценза с 21 года.

Декабристам не удалось уничтожить крепостничество и абсолютизм, но в последующие десятилетия после разгрома декабристского движения права человека не позволили замолчать два идейных направления: «Западники» и «Славянофилы». П. Я. Чаадаев, к примеру, оценил состояние России как состояние застоя и одиночества среди развивающихся государств Западной Европы. В социальном плане мысль П. Я. Чаадаева была сосредоточена на необходимости уничтожения крепостного права как факта, когда одна часть населения владеет другой.

«Славянофилы» глубоко понимали различия гражданского общества и государства. Положение личности определялось состоянием и уровнем развития общественной жизни. Личность в России для славянофилов была, прежде всего, личностью крестьянина, который как труженик имел свою этику, свою духовную жизнь, свое человеческое достоинство, исходя из концепции справедливости. По их мнению, из прав личности в общественной жизни, прежде всего, следовало утвердить свободу слова.

Идеи справедливости, выраженные в Декларации прав человека и гражданина 1789 г. в борьбе против царизма и крепостничества использовали также члены революционного кружка петрашевцев, деятели русского демократического движения.

Б. Н. Чичерин (1829–1904), сочетая в своих трудах подходы Канта и Гегеля, с либерально-индивидуалистических позиций и идеи справедливости отстаивал свободу, равенство и права людей.

Этим общим разумным естественно-правовым началом, которое служит руководством, как для установления закона, так и его осуществления, является «правда, или справедливость» [9, с. 95]. Право и правда истекают из одного корня. «И все законодательства в мире, которые понимали свою высокую задачу, – пишет Чичерин – стремились осуществить эту идею в человеческих обществах».

Правда (справедливость), согласно Чичерину, связана с началом равенства. «Справедливым, – писал он, – считается то, что одинаково прилагается ко всем. Это начало вытекает из самой природы человеческой личности: все люди суть разумно-свободные существа, все созданы по образу и подобию Божьему и, как таковые, равны между собою». При этом Чиче-

рин (со ссылкой на римских юристов) подчеркивал, что правда (справедливость) состоит в том, чтобы каждому воздавать свое.

Идеи русских социалистов были созвучны борьбе с капитализмом XIX в. Вместе с тем для деятелей России особой проблемой были права крестьян. Отмену крепостного права А. И. Герцен расценивал как торжество «человеческих прав и справедливости» [10, с. 331]. Утверждение свободы мысли, печати, преподавания, равноправие мужчин и женщин А. И. Герцен считал неотъемлемой частью справедливости и подлинной цивилизации.

Н. Г. Чернышевский связывал свои надежды на изменение положения человека в России с падением крепостного права и самодержавия и внедрением суда присяжных в стране, как гаранта отстаивания справедливости.

М. А. Бакунин решал вопрос о правах человека на основании собственного понимания общества будущего, именуемого «анархией». Его идеи были популярны в рабочем и крестьянском движении 60–70-х гг. XIX в. Революционное переустройство России, по его убеждению, заключалось в отмене классов и государства и всего, что называется юридическим правом, которое «перманентно отрицает все человеческое право» [11 с. 330].

Защита естественно-правовых идей свободы прав личности и справедливости занимает центральное место в творчестве П. И. Новгородцева (1866–1924). Его правовые взгляды находились под заметным влиянием кантианства и естественного права, необходимость возрождения которого является стержневой идеей всей его юридико-теоретической позиции.

Идеи свободы, справедливости, равенства и прав людей получили глубокую разработку и защиту в творчестве В. С. Соловьева (1853–1900). При этом он трактовал взаимосвязи естественного и положительного права как соотношение разумной сущности права и ее реального проявления в действующем праве.

Но свобода лица, пояснял Соловьев, превращается в право и справедливость только тогда, когда за всеми (по общему правилу) одинаково признается их свобода.

Справедливость и свобода личности была основной и главной проблемой всего творчества Н. А. Бердяева (1874–1948). Себя он называл «сыном свободы» и подчеркивал: «Я основал свое дело на свободе» [12, с. 254].

Русский философ Н. А. Бердяев отмечал, что согласно идеям славянофилов, высшее, религиозное призвание русского народа и его духовное желание требуют своего освобождения от политического властвования, бремени государственности [13, с. 21]. В своем учении о свободе человека Бердяев отличает личность от индивида. Индивид есть категория натуралистическая, биологическая, социологическая, а личность – категория духовная. Именно в качестве личности человек есть микрокосм, уни-

версум, а не часть или атом какого-то внешнего целого (космоса, общества, государства и т. д.). «Личность, – подчеркивал Бердяев, – есть свобода и независимость человека в отношении к природе, к обществу, к государству, но она не только не есть эгоистическое самоутверждение, а как раз наоборот. Персонализм не означает, подобно индивидуализму, эгоцентрической изоляции. Личность в человеке есть его независимость по отношению к материальному миру, который есть материал для работы духа. И вместе с тем личность есть универсум, она наполняется универсальным содержанием».

Личность не готовая данность, а задание, идеал человека. Личность самосоздается. Ни один человек, подчеркивал Бердяев, не может про себя сказать, что он вполне личность. «Личность есть категория аксиологическая, оценочная». Личность должна совершать самобытные, оригинальные творческие акты, и только это делает ее личностью и составляет ее единственную ценность. Если индивид более детерминирован и поэтому в своем поведении «больше подчинен общеобязательному закону», то «личность иррациональна», она «должна быть исключением, никакой закон не применим к ней».

Осмысление проблем прав человека в России без учета ее исключительно сложных и противоречивых процессов в прошлом и настоящем едва ли конструктивно. Очевидны существенные отличия в развитии России от многих стран, начиная со стран Запада, которые, при всех издержках и отрицательных факторах, сами способствовали становлению прав человека в их современном естественно правовом понимании. Тем не менее в Российском государстве вопросы реализации справедливости и прав человека стояли тоже на первом плане и руководители страны обращали на это большое внимание. На примере можно обозначить отклики зарубежных политиков на состояние обеспечения прав человека на территории России и Советского государства. На Западе люди ума и чести признают: не будь Советского Союза, впервые в истории человечества давшего гарантии социальных прав человека труду, никогда бы капитал не пошел на развитие социально-ориентированной экономики. А наоборот только в 1972 году конгресс США одобрил поправку к Конституции о предоставлении женщинам равных с мужчинами прав, тогда, когда аналогичное право нашим женщинам было предоставлено сразу после 1917 года.

Проанализировав все вышесказанное можно сделать, вывод о том, что при всей критике западных ораторов к истории нашего государства в части обеспечения прав человека и общечеловеческих ценностей (на основе экономических, социальных, духовных и политических факторов), мы от других стран не отставали, а динамично развивались, в центре внимания находился всегда человек, его благосостояние.

Политико-правовая мысль того периода активно развивалась с учетом текущей политической ситуацией как внутри страны так и за ее

пределами. Процессы, происходящие в обществе в то время, несомненно, находили свое отражения в трудах мыслителей прошлого и получали поддержку населения страны. Воззрения ученых дореволюционной России носили естественный характер и имели под собой твердую основу в виде необходимости закрепления и развития института прав человека для обеспечения справедливости в обществе и государстве.

1. Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. Издание второе, переработанное и дополненное. М.: Юридическая литература, 1994.
2. Хроника ООН // Ежеквартальный журнал. Т. XXVIII. 1992. № 4.
3. Гриб В. В. Историко-правовые этапы развития общественного контроля в дореволюционной России и СССР // История государства и права. 2015. № 20.
4. Права человека: учеб. для вузов / отв. ред.-член-корр. РАН, д-р юрид. наук Е. А. Лукашева. М.: Изд. группа НОРМА-ИНФРА, 1999.
5. Радищев А. Н. Избранные философские сочинения. М., 1949.
6. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов. М., 1951. Т. 1.
7. История государства и права России: учеб. / под ред. Ю. П. Титова. М.: «Проспект», 2001.
8. История России: учеб. / под ред. М. Н. Зуева и А. А. Чернобаева. М.: «Высшая школа», 2001.
9. Чичерин Б. Н. Философия права.
10. Герцен А. И. Письма издалека. М., 1984.
11. Бакунин М. А. В Первом Интернационале. М., 1928.
12. Бердяев Н. А. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. М., 1993.
13. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М., 1995.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Юнусов Самур Абдулжабарович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
административного и финансового права
юридического факультета
(Академия ФСИН России)

Жеребцова Елена Николаевна
(Академия ФСИН России)

Баранчикова М. В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМАХ О НАРУШЕНИИ ПРАВИЛ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

В современных условиях актуальным направлением российской уголовной политики является реализация принципа законности в нормотворческой и правоприменительной деятельности.

По справедливому утверждению М. В. Бавсуна, принципы уголовной политики «зачастую не находят своего проявления в процессах изменения уголовного законодательства и его последующего применения. «Оторванными» от реальной действительности в таких условиях оказываются и принципы уголовного права..» [1, с. 3].

Значение принципов состоит в том, что через их призму необходимо оценивать и корректировать законотворчество и практику применения Уголовного кодекса Российской Федерации. При этом особого внимания с точки зрения оценки законности требуют нормы с бланкетными диспозициями, в том числе предусматривающие ответственность за преступные нарушения правил дорожного движения.

В соответствии с принципом законности, предусмотренным ст. 3 УК РФ, «преступность деяния и его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Применение уголовного закона по аналогии не допускается».

Формулировка данного принципа оставляет открытым вопрос о применении тех актов, которые к уголовному закону не относятся. Это касается норм других отраслей права, к которым отсылают бланкетные диспозиции уголовно-правовых норм, в том числе ст. 264, 264.1, 268 УК РФ, а также разъяснений Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» [2]. Нормы указанных актов применяются для квалификации преступных нарушений правил дорожного движения, это позволяет сделать вывод, что не только Уголовный кодекс РФ определяет преступность деяний.

Очевидно, что существование норм с бланкетными диспозициями неизбежно при формулировании составов преступлений в сферах, связан-

ных с использованием транспортных средств. По мнению Н. И. Исаева, «в изложении ст. 264 УК РФ без бланкетной диспозиции не обойтись» [3, с. 45]. Это не противоречит принципу законности и определяется системным характером права, все отрасли и нормы которого взаимосвязаны. Однако правильной представляется ситуация, когда бланкетные нормы уголовного закона связаны с нормами равных по юридической силе нормативных правовых актов.

Сегодня наличие в уголовном законе ст. 264, 264.1, 268 УК РФ, имеющих бланкетные диспозиции, в большинстве случаев сопутствует существованию нормативных актов федерального уровня, ссылки на которые эти нормы содержат. Так, Федеральный закон РФ от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» содержит значительную часть основных понятий, используемых при квалификации преступных нарушений правил дорожного движения [4]. В то же время ряд других важных для уголовно-правовой квалификации терминов нашло отражение в Постановлении Правительства РФ от 23 октября 1993 г. № 1090 (ред. от 30 июня 2015 г.) «О Правилах дорожного движения» [5], которое не относится к федеральному законодательству.

Кроме того, в указанных и других нормативных актах не содержится определение «управление транспортным средством», что порождает дискуссии в установлении такого факта при применении норм о преступных нарушениях правил дорожного движения.

Наличие бланкетных диспозиций в составах дорожно-транспортных преступлений, требующих обращения к различным нормативным актам, а также смежность данных составов с административными правонарушениями в области безопасности движения и эксплуатации транспорта затрудняет реализацию принципа законности [6, с. 56].

Важным обстоятельством выступает согласованность норм различной отраслевой принадлежности, криминологическая обусловленность мер уголовной ответственности за определенные виды нарушений правил дорожной безопасности.

Составы преступных нарушений правил дорожного движения неоднократно подвергались законодательным изменениям с целью обеспечения законности и справедливости их оформления и реализации. Были декриминализованы ст. 265 УК РФ, нарушения правил дорожного движения, повлекшие средний тяжести вред здоровью; введеноотягчающее обстоятельство, связанное с нахождением водителя в состоянии опьянения в ст. 264 УК РФ. Целый ряд изменений претерпели санкции ст. 264 УК РФ, которые коснулись введения новых видов наказаний, корректировки и ужесточения существующих его видов.

Федеральным законом от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере

безопасности дорожного движения» [7] уголовный закон дополнен статьей 264.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию. Им же было скорректировано примечание к ст. 264 УК РФ, которое изменило подход к оценке понятия «механическое транспортное средство».

С точки зрения обеспечения законности уголовной ответственности большинство изменений уголовно-правовых норм о нарушениях правил дорожного движения были обоснованы криминологически, оправданы недостатками их законодательного оформления. В частности изменение наказания «в виде лишения права управлять транспортным средством» на «лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью» [7] позволило обеспечить его приведение в соответствие со ст. 47 УК РФ, и тем самым реализовать принцип законности в отношении единообразия наказаний в Общей и Особенной частях уголовного закона.

Очевидно, что «эффективность уголовно-правовой нормы в первую очередь зависит от правильного законодательного описания признаков состава преступления. Норма должна быть самодостаточной, исключающей проблемы толкования и применения» [8, с. 114].

В современный период осложняет реализацию принципа законности недостатки оформления редакции статьи 264.1 УК РФ, в которой наблюдается несоответствие ее названия содержательной части диспозиции. Указание на «наличие судимости» в диспозиции данной нормы как одного из альтернативных обязательных признаков субъекта преступления противоречит формулировке названия статьи, где указано на нарушение правил дорожного движения только лицом, подвергнутым административному наказанию. Такое несоответствие требует устранения, корректировки рассматриваемой уголовно-правовой нормы.

Реализация уголовно-правового принципа законности направлена на обеспечение точности, корректности законодательных формулировок, единства и взаимосвязи всех норм уголовного закона. Эффективность всей уголовной политики в значительной мере обеспечивается соблюдением принципа законности в законотворческом процессе современной России.

1. Бавсун М. В. Влияние системы принципов уголовного права на достижение целей уголовно-правового воздействия // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2012. № 3 (62). С. 3–9.

2. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от

9 декабря 2008 г. № 25: ред. от 23 декабря 2010 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. Исаев Н. И. Уголовная ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств: научно-практическое пособие. М.: Юриспруденция, 2011. 192 с.

4. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 15 ноября 1995 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

5. О Правилах дорожного движения [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

6. Баранчикова М. В. Реализация принципов законности и справедливости при привлечении к уголовной ответственности за дорожно-транспортные преступления: монография. Орёл: ОрЮИ МВД России, 2011. 81 с.

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу усиления ответственности за совершение правонарушений в сфере безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 декабря 2014 г. № 528-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

8. Козун А. В. Пробелы законодательного конструирования признаков состава преступления, предусматривающего ответственность за нарушение Правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и пути их устранения // Современное право. 2014. № 8. С. 114–116.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Баранчикова Марина Вячеславовна,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры уголовного права,
криминологии и психологии
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Выходов А. А.

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ СТРАТЕГИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РФ ДО 2020 ГОДА НА ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО РОССИИ В 2010–2015 ГОДАХ

В настоящей статье рассматриваются итоги реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до в 2020 года в

2010–2015 годах. Автор анализирует положения указанного нормативного правового акта, а также делает вывод о его реальном воплощении в государственно-правовую действительность.

Ключевые слова: национальная безопасность, Стратегия, внешне-экономическая конъюнктура, социально-экономическое развитие, вооруженные силы.

28 июня 2014 года Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» закрепил, что «стратегия национальной безопасности Российской Федерации – документ в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, который ... корректируется каждые шесть лет» [1].

Таким образом, к концу 2015 года, утвержденная в 2009 году Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года будет скорректирована и заменена. Вместе с тем, вне зависимости от содержания нового основополагающего документа в области стратегического планирования национальной безопасности России представляется целесообразным обратить внимание на итоги действия настоящей стратегии, а именно её влияние на государственно-правовое строительство в 2010–2015 годы.

Однако прежде чем детально анализировать данный вопрос необходимо обратить внимание на условия в которых принимался данный документ. В главе II Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отражено современное положение дел, на тот момент времени, и ожидаемые тенденции развития.

Одной из них, являлось «закрепление (Российской Федерации) в числе государств-лидеров в мировой экономике на основе эффективного участия в мировом разделении труда, повышения глобальной конкурентоспособности национального хозяйства, оборонного потенциала, уровня государственной и общественной безопасности» [2].

Несомненно, значительное влияние на формирование этих составляющих, оказал продолжающийся в тот момент финансовый кризис и события августа 2008 года. Однако, спустя почти 6 лет, можно утверждать, что Россия не стала одним из лидеров мировой экономики, и если отталкиваться от необходимости выполнения всех обозначенных выше составляющих, то, прежде всего, не было обеспечено эффективное участие в мировом разделении труда и повышена конкурентоспособность национального хозяйства, в том числе за счет ограничительных мер введенных в отношении Российской Федерации рядом стран Западной Европы и США. В новой Стратегии должны быть учтены новые подходы для достижения данной цели.

Кроме того, одним из краеугольных постулатов Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года была её привязка к Концепции долгосрочного социально-экономического развития

Российской Федерации на период до 2020 года [3]. Однако события последних лет показали, что макроэкономические показатели инновационного развития экономики до 2020 года, на наш взгляд, недостижимы, а ряд глобальных угроз и вызовов не учтены.

В этой ситуации, не смотря на фундаментальную взаимосвязь планирования Стратегии и Концепции, говорить об их «фундаментальной взаимосвязи реализации» не приходится. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года оказывала влияние на государственно-правовое развитие государства опосредованно, подчас не коррелируя с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года.

В целом, несмотря на неохваченные определенные тенденции в экономической сфере, применительно к событиям внешней и внутренней политики 2010–2015 годов Стратегия была вполне адаптирована. Так, например, в п. 12 Стратегии отмечалось, что «может быть нарушен сложившийся баланс сил вблизи границ Российской Федерации и границ ее союзников». В этом случае становится очевидным, что возможность украинских событий 2014 года не были таким уж непредсказуемыми для государства. Кроме того, отдельные моменты внешнеполитической деятельности государства отражены в утвержденной Президентом России Концепции внешней политики Российской Федерации [4].

Рассмотрим реализацию обеспечения основных приоритетов обеспечения национальной безопасности: национальной обороны, государственной и общественной безопасности.

В области национальной обороны следует признать одним из ключевых событий принятие наиболее значимого документа в данной сфере – Военной доктрины [5].

Кроме того, следует отметить изменившийся облик вооруженных сил, их профессиональное мастерство, укомплектованность, возросший государственный оборонный заказ, происходящий процесс перевооружения как ядерных, так и неядерных сил, а также появления нового вида войск – Воздушно-космических сил. Всё это нашло свое подтверждение в событиях «крымской весны», закрепившей за военнослужащими ВС России термин «вежливые люди», а также событиях в Сирийской арабской республике.

Вместе с тем, одним из заметных итогов реализации, как Стратегии, так и Военной доктрины, стало появление нового приоритета в области национальной безопасности – усиление позиций России в Арктике, основные направления которого были закреплены в утвержденной Президентом России Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [6].

В п. 38 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечено, что «главными направлениями государствен-

ной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере».

В указанный период произошла коренная реформа правоохранительных органов, в результате которых произошло изменение компетенции и назначения деятельности органов внутренних дел. Были изменены не только организационно-штатная структура, но и изменены основные акценты их деятельности.

В международной сфере активно заработало и расширяет свою сеть представительств Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству [7].

В сфере противодействия экстремизму и терроризму происходит усиление роли Национального антитеррористического комитета, а в сфере противодействия распространению наркотических веществ – Государственного антинаркотического комитета.

В целях реализации государственной экономической политики в области обеспечения продовольственной безопасности Российской Федерации, направленной на надежное обеспечение населения страны продуктами питания, развитие отечественного агропромышленного и рыбохозяйственного комплексов, оперативное реагирование на внутренние и внешние угрозы стабильности продовольственного рынка, эффективное участие в международном сотрудничестве в сфере продовольственной безопасности действует Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации [8].

Кроме того, вызывает тревогу, что в указанный период, не претерпела каких-либо изменений принятая еще в 2000 году Доктрина информационной безопасности [9].

Таким образом, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года, несмотря на объективные проблемы её реализации, оказала значительное влияние на государственно-политическое развитие государства в 2010–2015 годы. Кроме того, представляется весьма справедливым закрепление необходимости её коренной переработки раз в 6 лет, так как существующее её содержание не всегда способно адекватно реагировать на изменившиеся внешнеэкономическую и политическую конъюнктуры. Вместе с тем, в указанный период значительно усилилась практика принятия Доктрин и Концепций по основным направлениям обеспечения национальной безопасности, что свидетельствует о полном

переходе на плановой подход в сфере обеспечения национальной безопасности.

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 12 мая 2009 г. № 537. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс]: Утв. Президентом Рос. Федерации 12 февраля 2013 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
5. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]: Утв. Президентом Рос. Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
6. Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]: Утв. Президентом Рос. Федерации. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
7. Вопросы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 8 мая 2013 г. № 476. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
8. Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 30 января 2010 г. № 120. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Выходов Александр Александрович,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Гарашко А. Ю.

ИГРОВОЙ ФАКТОР В ФОРМИРОВАНИИ ИСТОЧНИКОВ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В статье исследуется влияние игрового фактора на международное правотворчество.

Ключевые слова: источники международного права, правотворчество, игровой фактор.

Современная международная обстановка и процессы трансформации, происходящие в рамках основных существующих правовых систем, заставляют по-новому взглянуть на формирование источников права в целом, и источников международного права в частности.

На первый взгляд, сфера права чрезвычайно отдалена от сферы игры, так как, по словам автора знаменитой работы по теории игры Й. Хейзинга, священная серьезность и живейшие интересы отдельного человека и общества в целом царят во всем, что касается права [1, с. 118]. Однако при исследовании правовых феноменов в контексте более широкого типа правопонимания закономерно прийти к иным выводам.

Следует признать, что ранее априорно признаваемые объективные факторы воздействия на право (исторические, этнические, географические, экономические и ментальные особенности) в настоящее время дополнились все более актуализирующимся субъективным фактором, носящим, в том числе, игровой характер. Все чаще процесс создания правовых норм, особенно в контексте международного правотворчества, становится зависим от антропосоциальных детерминант, наиболее устойчивой и глубокой из которых является стремление превращения всех управляемых разумом человека явлений в игровые феномены, обладающие всеми присущими игре характеристиками (азарт, риск, блеф и др.). Особенно актуальным это представляется на примере современного западного и западноориентированного мира.

Указанная характеристика сознания человека была проявлена еще в древние времена. Так появились античные легенды и мифы, главные герои которых – боги, наделялись чертами простых людей, ритуалы и обряды носили игровой оттенок (ритуальные предметы, одежда, действия, слова), распространены были предсказания оракулов, жребий и т. д. Из игры в предельно широком ее смысле, то есть, как симиотического, направленного на получение, как правило, социально полезного результата, но при этом обладающего долей риска и осуществляемого в рамках специально установленных норм, деяния, позднее появились практически все формы общественного сознания (особенно ярко влияние игры заметно в рамках политического и религиозного сознания), исключением для которых не стало

и право. На заре его появления очевидность когеренции с игрой была неоспорима, однако позднее игровые факторы, под воздействием развития общественных отношений и объективной формализации жизни согласно правилам, устанавливаемым государством в качестве готовых форм для реализации им же предоставленных прав, а также нивелирования индивидуального, были «вымыты» из права.

Для права сегодня, особенно, национального права государств, характерно доминирующее воздействие десакрализации, что является закономерным отражением тенденции преобладания государственного юрицированного права в обществе [2, с. 26; 3].

Вместе с тем, игровой фактор до сих пор имеет большое значение для международного правотворчества, что связано, прежде всего, с ценностно-правовым характером международного права, синтезирующим принципы и идеалы различных правовых семей, и необходимостью обладать императивностью, что для международного права в целом тождественно легитимности, в отношении решений государственных лидеров для максимально широкого круга субъектов (наций, народов, этносов и др.) при фактическом отсутствии властного ресурса, которым, в отличие от внутригосударственных органов, не обладают международные институты.

С привнесением игрового фактора в международное право связано, прежде всего, значительно усилившееся воздействие политики и международных отношений на процесс правотворчества. Право становится заложником стратегических и тактических решений и операций участников большой мировой игры, в том числе, проходящей, по словам известного американского исследователя мировой политики З. Бжезински, на «Великой шахматной доске», постепенно теряя самостоятельность и утрачивая свое первоначальное назначение – установление порядка и баланса в общественных отношениях. Источники права из способа закрепления и выражения правовых норм трансформируются в средство политического давления, маскировки, шантажа, либо становятся формальностью, данью правовым традициям классического либерального западного общества.

Основными проявлениями игрового фактора в формировании источников международного права являются следующие.

1. Очевиднее всего игровой фактор проявляется при создании таких источников международного права, как судебные прецеденты. Сам процесс создания прецедента в рамках судебного заседания напоминает игру: осуществляется по строгим правилам-ритуалам (правилам игры), участники на момент самого процесса получают соответствующие поименования и статусы, облачаются в символические одежды (мантия, парики), проходит в стенах особым образом декорированных государственной и иной символикой зданиях (гербы, флаги, статуи Фемиды и др.). Игровой элемент здесь выражен в символике и сакрализации деяний.

«Кроме того, возможность родства между игрой и правом делается очевидной для нас, как только мы замечаем, что правовая практика независимо от того, какие идеалы положены в основание права, – носит в высшей степени состязательный характер» [1, с. 118]. На суде состязательность представлена сторонами защиты и обвинения, а также внешним арбитром – судьей. Роль последнего также значительна, как и в игре, и приносит в процесс долю риска, недосказанности и до последнего момента неясности результата судопроизводства (игры), поддерживающего азарт в других участниках.

Мотивация принятия участия в игре в данном случае выражена не только в получении желаемого результата, но и в достижении его согласно определенной процедуре, то есть, в данном случае процедура не менее важна, чем сам итог.

2. Еще одним распространённым источником международного права является нормативный договор (соглашение), в котором проявлено взаимное добровольное участие сторон в некоей форме политической игры по определенным правилам. Сторона в договоре всегда обладает ценностями, достигнуть или приобщиться к которым желает противоположная сторона, предоставив при этом в обмен имеющиеся у нее блага, поэтому у игроков здесь есть, что «ставить на кон» и есть, что терять при срыве заключения международного соглашения, им ясны и рационально приемлемы цели договорных отношений [4; 5; 6; 7].

При отказе одной из сторон принимать участие в договорных отношениях, соглашение, как правило, заключается заново с иными действующими участниками, а закрепление в договорах положений о взаимной ответственности оппонентов, свидетельствует о желании достижения сторонами максимально полезного результата для себя. Нарушающих правила игры, как и положения договоров, подвергают санкциям и иным негативным последствиям.

3. Задачи источников права и задачи игры – идентичны и заключаются в стремлении преобразовать реальность вокруг себя, создать модель желаемой ситуации. Игра, как и источники международного права, служат формообразованию, переходу из возможности в действительность (при помощи Хартий, конвенций, коммюнике и др.), подготовке к дальнейшим действиям.

С этим также связано проявление завуалированности ряда принимаемых политических решений, подтекст которых проявляется только по прошествии многих лет и в момент оформления завуалирован общими лозунгами и принципами международного права, что характерно и для игры – осуществление участниками отвлекающих и иных обманных ходов (блеф).

4. Политизированность источников международного права также привносит в данное право элементы игрового начала, присущие политике

по содержанию: риск, азарт, везение, блеф, фора, состязательность, стремление к победе и т. д. В этом праве, в отличие от внутригосударственного, преобладание политического и культурного аспектов, придает нормам содержательную насыщенность [8; 9; 10; 11; 12].

5. Еще один источник международного права – общепризнанные правовые принципы – выступают подобно правилам игры, признаваемым, соблюдаемым и в ряде случаев сакрализуемым. Между тем придавать правилам игры, как и правовым принципам, священную значимость способны только сторонние наблюдатели, неигроки. Ими игра может действительно восприниматься всерьёз, приобретая характер жребия. Настоящие игроки, как в процессе игры, так и на мировой арене, отдают себе отчет в, по большей части, символичности ряда проявлений игры, которым они, тем не менее, обязаны следовать, чтобы оставаться в игре. Это касается и общепризнанных принципов международного права, «содержательность» и «продуктивность» которых известна соответствующим практикующим юристам и остается во многом непонятной, в силу чего, наделяется силой и приобретает власть над обычными людьми. Стремление субъектов права соблюдать здесь правовые принципы отчасти сродни зависимости игроков от игры, желанию не покидать ее как можно дольше, залогом чего выступает «игра по правилам».

6. Особенностью международного права и его источников является максимальная легитимация, по сравнению с внутригосударственным правом, что обусловлено наличием перечисленных выше и иных игровых элементов. Отсутствие последних постепенно приводит право к формализации, огосударствлению и в итоге, к правовому нигилизму и падению уровня правовой культуры и правосознания общества.

Рассмотрев основные проявления игрового начала в формировании источников международного права, следует отметить следующее.

Современное общество призвано сталкиваться с все возрастающим количеством социальных кризисов и фрустраций, значительная часть из которых формируется либо обуславливается международными отношениями. Именно политика в настоящее время становится краеугольным камнем дальнейшего развития человечества, оказывающим влияние и на правовые явления. Наиболее тесная диалектическая связь права и политики представлена в международном праве.

На формирование источников и норм международного права в современном мире неопределимое воздействие оказывает такой феномен культуры человечества, как игра. Игровой фактор, детерминируя правила поведения, используемые субъектами международного права, придает правовым отношениям специфическую содержательную насыщенность, которая выступает одним из критериев отличия международного права от права национального, обеспечивает синкретичность правовой и политической форм общественного сознания.

1. Хейзинга Йохан. Homo ludens. Человек играющий / сост. предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; коммент., указатель Д. Э. Харитоновича. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015.
2. Клименко А. И. Идея права человека в контексте международной правовой идеологии // Закон и право. 2008. № 3. С. 26.
3. Медушевская Н. Ф., Сигалов К. Е. Русская философия, ее специфика и особенности: историософские и политико-правовые аспекты становления. Москва, 2000.
4. Гарашко А. Ю. Понятие и эволюция представлений об источниках происхождения права // Юридическая теория и практика в истории и современной России: сборник научных статей. Москва, 2010. С. 22.
5. Барабанов О. Н. Проблемы глобального управления: выбор аналитической парадигмы // Вестник международных организаций: наука, образование, новая экономика. 2009. № 2. С. 5–13.
6. Степанюк В. В. Административная ответственность: генезис, признаки и структура // Наука и практика. 2014. № 3 (60). С. 100–103.
7. Рязанова Н. А. К вопросу о понятии и сущности категории «правомерность» // Проблемы правоохранительной деятельности и образования: сборник научных трудов докторантов, адъюнктов, аспирантов, соискателей / Белгородский юридический институт МВД РФ. Белгород, 2009. С. 147–148.
8. Рыжов А. А. Право политического убежища в Российской Федерации (теоретико-правовой аспект): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002.
9. Кулакова Ю. Ю. Нормативный договор в системе форм российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Московский университет МВД Российской Федерации. Москва, 2005.
10. Уголовный процесс. Досудебное производство / В.К. Бобров и др. Москва, 2006.
11. Алексеева Л. А. К вопросу о понятии и видах федерации // К 40-летию образования кафедры государственно-правовых дисциплин Московской высшей школы милиции МВД СССР: сборник научных статей. Москва, 2015. С. 304.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гарашко Анна Юрьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
государства и права
(Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя)

Капустина Е. Г., Лимарева Е. С.

ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК СУБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИКИ БЕЗНАДЗОРНОСТИ И ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, ЗАЩИТЫ ИХ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ

В статье рассматривается роль подразделений по делам несовершеннолетних, как субъекта профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: подразделения по делам несовершеннолетних, несовершеннолетние, профилактика, безнадзорность, правонарушения.

Происшедшие в России с 90-х годов XX столетия реформы в политической и социально-экономических сферах привели к развитию новых рыночных отношений, предусматривающих монополизацию государственной и устанавливающих множественность форм собственности, свободу предпринимательства и иной экономической деятельности. При этом данный процесс оказался не только сложным и экономически нестабильным, повлекшим негативные последствия в социально-экономическом плане, но и значительный рост общеуголовной корыстной и насильственной, экономической, организованной, коррупционной и иной преступности, в том числе преступлений, совершаемых несовершеннолетними и молодежью [1].

Важной задачей и неременным долгом общества являются воспитание граждан, защита их прав и законных интересов. Забота о подрастающем поколении, о несовершеннолетних, которые в условиях, обостряющихся социальных проблем, все чаще становятся на путь совершения преступлений и правонарушений, имеет особое значение для Российской Федерации [2].

Система профилактики правонарушений несовершеннолетних, представляет собой совокупность органов и учреждений, выполняющих определенный круг задач для достижения единой цели.

Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» под профилактикой безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних понимает систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних, осуществляемых в совокупности с индивидуальной профилактической работой с несовершеннолетними и семьями, находящимися в социально опасном положении [3].

Как отметил 15 марта 2016 г. на расширенном заседании коллегии МВД России Министр внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцев»: «В 2015 году особое внимание уделялось предупреждению безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних, защите детей, их прав и законных интересов.

В данной сфере органами внутренних дел (в 2015 году) рассмотрено более одного миллиона жалоб, заявлений и обращений.

Складывающаяся на сегодняшний день ситуация вызывает серьезную обеспокоенность. Дети все чаще становятся жертвами преступлений. Причём в шестидесяти процентах случаев – насилия со стороны членов их семей.

Такое поведение взрослых наносит психологические, а зачастую физические травмы, которые могут иметь непоправимые последствия.

Убежден, решение указанной проблемы также напрямую зависит от эффективности межведомственного взаимодействия. Рассмотрение соответствующих вопросов на заседаниях региональных комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав должно носить постоянный характер и быть максимально результативным» [4].

Среди специализированных служб органов внутренних дел подразделения по делам несовершеннолетних играют первостепенную роль по предупреждению правонарушений подростков и производству по делам об административных правонарушениях подростков. Деятельность ПДН основывается на принципах законности, демократизма, гуманного обращения с детьми, поддержки семьи и взаимодействия с ней, индивидуального подхода к исправлению детей, соблюдения конфиденциальности полученной информации [5].

Подразделения по делам несовершеннолетних не только играют ключевую роль в предупреждении правонарушений детей, но и являются их связующим звеном, обеспечивающим эффективное взаимодействие в решении вопросов, возникающих в связи с деятельностью по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Именно поэтому правовое регулирование указанных подразделений, их задачи и функции основаны на законодательном закреплении полномочий соответствующих должностных лиц обеспечивать надлежащее взаимодействие с иными субъектами, осуществляющими меры по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Подразделения по делам несовершеннолетних проводят индивидуальную профилактическую работу, выявляют лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступления, осуществляют в пределах своей компетенции меры по выявлению несовершеннолетних, объявленных в розыск, а также несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства, рассматривают в установленном порядке заявления и сообщения об ад-

министративных правонарушениях несовершеннолетних, общественно опасных деяниях несовершеннолетних, осуществляют иные полномочия.

Важнейшей из мер по предупреждению безнадзорности, беспризорности, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних и выявлению и устранению причин и условий, способствующих этому, является контроль за работой с семьями, находящимися в социально опасном положении или относящимися к группе риска.

Одним из направлений профилактической деятельности ПДН является осуществление ранней профилактики противоправного поведения подростков в процессе совместной педагогической деятельности педагогов (руководителей) общеобразовательных школ и сотрудников ПДН с учетом особенностей той территории, на которой расположена конкретная школа, микрорайона, в котором проживают ее учащиеся (экономических, ментальных, природных, культурных и др.) [6].

Инспектор ПДН не подменяет сотрудников образовательных организаций, призванных в силу своих должностных обязанностей проводить работу по профилактике безнадзорности и правонарушений среди учащихся (заместителей директоров по воспитательной работе, по безопасности, а также классных руководителей), а организует свою деятельность в тесном взаимодействии с ними, что ни в коем случае не направлено на ущемление прав несовершеннолетних или вмешательство в учебно-воспитательный процесс [7].

Проводимая работа в определенной степени способствует снижению количества преступлений, совершаемых несовершеннолетними или при их участии.

Так, например, на территории Орловской области в 2015 году криминальная активность несовершеннолетних возросла на 17,5 % (с 280 до 329). Удельный вес таких преступлений составил 5,7 % (+0,7 %). В совершении преступлений приняли участие 260 несовершеннолетних (+14,5 %), из них в возрасте: 14–15 лет – 94 (+19), 16–17 лет – 166 (+14). Ими совершено 1 убийство (на уровне), 4 (+2) умышленных причинения тяжкого вреда здоровью, 10 (+5) преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, 240 (+32) краж, а также 4 разбойных нападения (-1), и 14 грабежей (-3).

По фактам совершения подростками административных правонарушений УМВД России по Орловской области направлено 605 административных материалов для рассмотрения в комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также 2 598 аналогичных материалов – в отношении родителей, не исполняющих обязанности по их воспитанию.

В отношении несовершеннолетних совершено 609 преступлений (+35), 14 из них являются тяжкими, 18 – особо тяжкими [8].

Приведенные цифры свидетельствуют о необходимости усиления управленческого влияния со стороны руководства территориальных органов МВД России всех уровней в вопросах оказания методической и практической помощи в части организации надлежащего взаимодействия с другими субъектами профилактики по защите несовершеннолетних от преступных посягательств, недопущению их вовлечения в совершение противоправных действий, снижению агрессивности в их поведении.

В настоящее время реорганизация системы предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних предполагает правовые и организационные мероприятия. В связи с чем, необходимо продолжить формирование законодательной и иной нормативно-правовой основы по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, повысить статус комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, при этом важно последовательное создание административно-правового механизма предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних. Следует обратить внимание на совершенствование механизмов привлечения к административной ответственности лиц, вовлекающих в противоправную деятельность несовершеннолетних.

Таким образом, органы внутренних дел предметно и целенаправленно осуществляют свою работу, направленную на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предотвращение вовлечения несовершеннолетних в асоциальные группы и криминальные структуры. В условиях усиления роста негативных тенденций в подростковой среде правильная организация деятельности полиции по предупреждению и пресечению правонарушений, совершаемых несовершеннолетними, и профилактике детской безнадзорности, является необходимым условием решения проблем предупреждения правонарушений несовершеннолетних и защиты их прав. Система предупреждения их противоправной деятельности должна основываться на следующих принципах: индивидуального подхода к личности несовершеннолетних как особой группы населения, которая имеет особый правовой статус; комплексности мер, применяемых в сфере предупреждения и пресечения правонарушений несовершеннолетних со стороны субъектов профилактики их противоправной деятельности.

1. Жадан В. Н. Некоторые подходы к определению причины условий преступности несовершеннолетних и молодежи // Молодой ученый. 2014. № 17.1. С. 35.

2. Административная деятельность полиции: учебник / под редакцией Ю. Н. Демидова. М.: ЮНИТИ, 2014.

3. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. URL: <https://82.mvd.ru/news/item/7393280>.
5. Организация деятельности служб и подразделений полиции по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: учебник для студентов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / под ред. В. В. Гордиенко. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012.
6. Обыденова Т. В. Правовая и педагогическая профилактика в деятельности подразделений по делам несовершеннолетних // Административное и муниципальное право. 2014. № 8. С. 32.
7. Помогалова Ю. В. К вопросу о роли школьных инспекторов в системе профилактики правонарушений несовершеннолетних // Административное право и процесс. 2010. № 4. С. 29–33.
8. Аналитические материалы УМВД России по Орловской области за 2015 год [Электронный ресурс]. URL: <http://www.umvd.ru/r/57/news>.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Капустина Елена Геннадьевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Лимарева Елена Станиславовна,
старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Лимарева Е. С.

МЕЖДУНАРОДНАЯ МИГРАЦИЯ ТРУДА – НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧАСТЬ СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И ПОЛИТИКИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с влиянием миграционных процессов на экономику и политику стран, которые эти процессы затрагивают. Отмечается, что политическое состояние современно-

го общества определяется двумя взаимоисключающими факторами: глобализацией, с одной стороны, и суверенизацией, связанной с образованием национальных государств, – с другой.

Ключевые слова: миграция, национальная безопасность, негативные последствия, государство, миграционные процессы.

Развитие миграции в мире сегодня идет крайне противоречиво: обостряются противоречия между странами, принимающими мигрантов, и странами-эмитентами. Остро ощущается недостаток конструктивного сотрудничества между этими двумя сторонами миграционного взаимодействия. Миграционная политика стран в большинстве своем является малоэффективной и формируется методом проб и ошибок, вместе с этим углубляются противоречия между национальными интересами отдельных государств и правами конкретного человека.

Объективно миграция является неотъемлемой характеристикой динамичного образа жизни современного общества, она выполняет важные функции перераспределения трудовых ресурсов, преодоления различий в уровне и образе жизни, сближения, взаимопроникновения и взаимообогащения культур. А международная миграция труда является неотъемлемой частью современной мировой экономики и политики.

Сегодня проблема миграции стоит очень остро в нашей стране. Широко обсуждаются ее позитивные и негативные моменты. Ведутся поиски максимально адекватных способов для решения вопросов, связанных с миграцией.

Однако само понятие «миграция» ввиду своей многоаспектности и сложности имеет большое количество различных толкований. Этимологически термин «миграция» происходит от латинского слова «migratio», означающего перемещение, переселение [1, с. 247], поэтому в широком смысле под миграцией населения принято понимать перемещение людей в самых разных контекстах и ситуациях.

Политическое состояние современного общества определяется двумя взаимоисключающими факторами: глобализацией, с одной стороны, и суверенизацией, связанной с образованием национальных государств, – с другой. Оба фактора, характеризующие политическую ситуацию в мире, в общем итоге приводят к усилению миграционных потоков. Однако миграцию населения небеспричинно связывают с угрозой безопасности государства. «Уже при первом приближении миграция представляет собой реальный или потенциальный вызов безопасности. Она, так или иначе, действует на безопасность как состояние» [2].

Концепции национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. [3] и 2000 г. [4] делают акцент на негативных последствиях миграции населения, которые проявляются, прежде всего, в росте национализма, сепаратизма. Условием для возникновения данных явлений является мас-

совая миграция. В Концепции 2000 г. негативными последствиями в данном случае неконтролируемой миграции указаны: усиление национализма, политического и религиозного экстремизма, этносепаратизма. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [5] в качестве угроз экономической безопасности России называет незаконную миграцию.

Успешное развитие и существование России как суверенного государства невозможно без обеспечения ее национальной безопасности. Сам термин «национальная безопасность» в современном российском праве, различного рода доктринах, концепциях, публикациях используется достаточно часто.

Под национальной безопасностью Российской Федерации следует понимать безопасность всего многонационального народа России как носителя суверенитета и единственного источника власти в стране. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. понимает под национальной безопасностью состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права и свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства. Обеспечение национальной безопасности России охватывает все сферы жизнедеятельности личности, государственный суверенитет и стабильное функционирование общества. Оно направлено на защиту национальных интересов страны. В частности, говоря об укреплении государственного суверенитета России, подразумевается обеспечение национальной безопасности государства и в миграционной сфере.

Миграция населения, будучи естественным процессом, позволяет сбалансировать социально-экономическую, политическую, духовную сферу мирового сообщества и, с этой точки зрения, является явлением положительным, поскольку в результате перемещения населения происходит социокультурный обмен, удовлетворяются потребности мировой экономики.

В то же время миграция населения может представлять довольно серьезную угрозу национальной безопасности государства. Активизация миграционных процессов несет угрозу национальной безопасности в той мере, в какой государство оказывается подверженным неконтролируемой, незаконной миграции.

Отток населения из Забайкалья и Дальнего Востока, Приморья и Крайнего Севера в европейскую часть страны (если за 20 лет постперестроечной эпохи численность населения России сократилась на 4 %, то численность населения Дальнего Востока уменьшилась на 20 %) способствует ослаблению пограничного контроля и создает условия для «миграционной экспансии» китайских иммигрантов на эти российские территории [6].

Кроме естественных причин, которые формируют благоприятные условия для образования миграционных потоков из Китая в Россию, существуют другие факторы, называемые субъективными, которые усугубляют для России ситуацию, облегчая развитие такого процесса, как китайская миграция. Эти факторы вызваны отсутствием со стороны центральных органов власти РФ продуманных долгосрочных планов развития регионов, наиболее подверженных китайскому влиянию, а также отсутствием в российском законодательстве необходимых мер по контролю над процессами миграции граждан КНР на территорию нашей страны.

Следовательно, угроза национальной безопасности предполагает угрозу территориальной целостности и независимости, т. е. угрозу государству как суверенному субъекту международного права, некое посягательство на внешнее выражение суверенитета государства.

Одной из составляющих национальной безопасности является общественная безопасность, выраженная преимущественно на уровне защищенности от внутренних угроз. Общественная безопасность имеет многоплановый характер и представляет собой совокупность общественных отношений, создающую нормальные безопасные условия общественной жизни. Обеспечение общественной безопасности – это гарантии государством создания в обществе таких социальных условий, при которых реализуются положения Конституции Российской Федерации.

Безопасность – состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних угроз. К основным объектам безопасности относятся: личность – ее права и свободы; общество – его материальные и духовные ценности; конституционный строй государства, суверенитет и его территориальная целостность.

Субъектом безопасности является государство, осуществляющее функции в этой области через органы законодательной, исполнительной и судебной власти.

Личность является объектом безопасности личности, общество – общественной безопасности, а государство – объект национальной безопасности. «В качестве принципов обеспечения национальной безопасности выступают: законность, соблюдение баланса жизненно важных интересов личности, общества и государства, взаимная ответственность личности, общества и государства за обеспечение безопасности, интеграция с международными системами безопасности» [7, с. 27].

Безопасность неразрывно связана с суверенитетом: только абсолютно суверенное государство может стать полноценным субъектом международной безопасности. Обеспечение безопасности возможно только силами государства посредством закона. Любое государство во избежание распада должно определить и согласовать национальные интересы, учитывая при этом возможные источники напряжения, и использовать государственно-правовые механизмы для разрешения противоречий исключительно демо-

кратическим путем. Поэтому миграционные процессы, потенциально несущие угрозу национальной и общественной безопасности, должны четко регулироваться законодательством и управляться на основе научно обоснованных концепций и программ.

Стабилизация демографической ситуации, воспроизводство трудовых ресурсов в России и национальная безопасность государства нашли свое отражение в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Существенное влияние на современную социально-политическую и экономическую ситуацию в России и на состояние национальной безопасности оказывает незаконная миграция и связанные с ней проблемы. В связи с этим в стране были приняты конкретные меры по дальнейшему совершенствованию миграционной политики Российской Федерации, определены действенные подходы в области правового регулирования миграционных процессов, разработаны и вступили в действие соответствующие нормативные правовые акты. При этом опыт показывает, что наибольший результат по пресечению данного негативного явления достигается при тесном взаимодействии всех правоохранительных структур, принятии жестких организационных и управленческих решений руководством страны, а также своевременном и адекватном изменении законодательства [8].

Решение миграционных проблем должно базироваться не только на ограничительных мерах в рамках борьбы с незаконной миграцией, но и на мерах по стимулированию легализации мигрантов и привлечения их потенциала для обеспечения экономики страны и ее регионов необходимыми трудовыми ресурсами. Реализация данной задачи стала возможной с принятием Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» [9].

«Серьёзные риски связаны с неконтролируемыми миграционными потоками. Анализ данных за прошлый год показывает, что на 10 процентов выросло количество преступлений, совершённых иностранными гражданами, прежде всего, конечно, гражданами СНГ.

Очевидно, что помимо уже принятых решений, призванных навести порядок в миграционной сфере, а я хочу подчеркнуть, что это не какая-то кампанейщина – это наша серьёзная работа, нацеленная на оздоровление ситуации в этой области, так вот, нужно продумать дополнительный комплекс мер для эффективной профилактики подобных преступлений, использовать совместные наработки, оперативную информацию и помощь наших коллег из стран Содружества.

Такой же подход надо применять и в противодействии нелегальной миграции, налаживать более тесную координацию с органами безопасности, миграционной службой, службой судебных приставов, в первую очередь – для выявления и пресечения структур, организующих незаконную миграцию, особое внимание уделить приграничным территориям», – под-

черкнул Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин 15 марта т. г. на расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России, обращаясь к присутствующим [10].

Таким образом, сочетание действенного контроля за миграционными процессами и обеспечение прав и свобод, как мигрантов, так и прав и свобод, интересов коренного населения – это залог совершенной миграционной политики, которая, в свою очередь, снизит риски и угрозы безопасности личности, общества и конечном счете государства.

-
1. Толковый словарь русского языка. В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. Т. 1. М., 2000.
 2. Миграция и безопасность в России [Электронный ресурс] / Центр стратегических исследований Приволжского федерального округа «Группа «Русский Архипелаг». URL: <http://antropotok.archipelag.ru>.
 3. Концепция национальной безопасности Российской Федерации 1997 г. (документ утратил силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации». 1997. № 52, ст. 5909.
 4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации 2000 г. (документ утратил силу) // Собр. законодательства Рос. Федерации». 2000. № 2, ст. 170.
 5. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
 6. Краснова К. А., Сибатуллин Э. Т. Роль миграционного законодательства в укреплении государственного суверенитета и обеспечении общественной безопасности Российской Федерации // Миграционное право. 2011. № 3.
 7. Киселев И. Ю., Смирнова А. Г. Проблема безопасности в современных международных отношениях. Ярославль: ЯрГУ, 2005.
 8. Патрушев Н. П. Особенности современных вызовов и угроз национальной безопасности России // Журнал российского права. 2007. № 7.
 9. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Лимарева Елена Станиславовна,
старший преподаватель кафедры административного права
и административной деятельности ОВД
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Майорова С. А.

К ВОПРОСУ О АДМИНИСТРАТИВНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД

В рамках научной статьи рассматриваются некоторые особенности административной деятельности полиции в форме административного надзора.

Ключевые слова: административная деятельность полиции, административный надзор.

Одним из значимых направлений административной деятельности полиции является административный надзор.

Надзор не является застывшим, статичным явлением. Это постоянный, длящийся процесс, заключающийся в наблюдении (можно сказать, надзирании) за определенными субъектами либо объектами, позволяющее не только устанавливать соответствие действий или состояний правилам и требованиям (контрольная составляющая надзора), но и поддерживать состояние соответствия (корректирующая составляющая надзора).

Данная деятельность находится в поле постоянного внимания со стороны полиции. Вполне понятно, что намного проще предупредить развитие каких-либо отклонений от заданных законом направлений, чем впоследствии их исправлять радикальным образом.

Целями государственного административного надзора полиции являются обеспечение соблюдения юридическими лицами и гражданами, требований законодательства об обеспечении общественного порядка и общественной безопасности, недопущение совершения ими правонарушений.

Будучи методом административной деятельности полиции, надзор выполняет функцию государственного контроля в сфере общественного порядка и безопасности. Одна из основных задач – проведение комплекса мероприятий, позволяющих обеспечить достижение наибольшей точности в процессах деятельности субъектов по исполнению или соблюдению ими установленных правил поведения в данной сфере правоотношений.

Таким образом, административный надзор полиции означает комплекс государственно-организационных мероприятий по наблюдению и своевременной принудительной коррекции точности соблюдения субъектами права установленных законодательством и иными правовыми актами обязательных правил поведения в целях обеспечения общественной безопасности и правопорядка, предупреждения и пресечения правонарушений, выявления и привлечения к ответственности правонарушителей.

Такое понимание вполне соответствует содержанию статьи 1 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном над-

зоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы», содержащей основные понятия, используемые в законе: «Для целей настоящего Федерального закона используются следующие основные понятия:

1) административный надзор – осуществляемое органами внутренних дел наблюдение за соблюдением лицом, освобожденным из мест лишения свободы, установленных судом в соответствии с настоящим Федеральным законом временных ограничений его прав и свобод, а также за выполнением им обязанностей, предусмотренных настоящим Федеральным законом;

2) административное ограничение – временное ограничение прав и свобод лица, освобожденного из мест лишения свободы, установленное судом в соответствии с настоящим Федеральным законом» [1].

Административный надзор относится к внешней административной деятельности полиции и осуществляется в отношении лиц, не находящихся в отношениях служебной либо иной подчиненности полиции. Вместе с тем это управленческо-организационная деятельность. Поэтому административный надзор полиции не одномоментное, разовое действие, а комплексное, системное, плановое взаимодействие многих подразделений полиции.

На это указывает Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818 «О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы».

Пункт 4 данного порядка определяет, что «Административный надзор осуществляется территориальными органами путем систематического наблюдения за соблюдением поднадзорными лицами по месту жительства или пребывания установленных судом административных ограничений и выполнением ими предусмотренных Федеральным законом обязанностей» [2].

Комплексность надзорных мероприятий, в частности, подчеркивается тем, что «сотрудники подразделения по надзору или иные должностные лица при осуществлении административного надзора:

- заводят по поручению начальника территориального органа дела административного надзора, регистрируют их в установленном порядке. Ведут учет поднадзорных лиц, организуют работу по осуществлению наблюдения за ними в течение срока административного надзора;

- запрашивают дело административного надзора в случае непоступления из территориального органа, с территории обслуживания которого к месту жительства (пребывания) прибыло поднадзорное лицо;

- вызывают поднадзорное лицо в территориальный орган, получают от него объяснения в устной или письменной форме и другие сведения по вопросам соблюдения им установленных судом административных ограничений и выполнения возложенных Федеральным законом обязанностей.

- запрашивают ежемесячно необходимую информацию и материалы по фактам привлечения поднадзорных лиц к административной ответст-

венности в информационных центрах и подразделениях по исполнению административного законодательства территориальных органов. При наличии доступа к информационным базам (банкам) данных регионального уровня получают такую информацию самостоятельно» [3].

Надзор не означает вместе с тем стороннего, незаинтересованного наблюдения полиции. Контроль соблюдения субъектами конкретных правил в сфере общественного порядка и безопасности предполагает в соответствующих случаях применение мер принудительного характера с тем, чтобы скорректировать поведение участников отношений. Таким образом, надзор всегда подразумевает применение мер административного принуждения. Собственно это подчеркивает тот факт, что поднадзорные субъекты не относятся к полиции как подчиненные. В противном случае речь должна идти о соблюдении правил служебной дисциплины.

Так, согласно статье 19.3 КоАП РФ: «1. Неповиновение законному распоряжению или требованию сотрудника полиции, военнослужащего либо сотрудника органа или учреждения уголовно-исполнительной системы в связи с исполнением ими обязанностей по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, а равно воспрепятствование исполнению ими служебных обязанностей –

влечет наложение административного штрафа в размере от пятисот до одной тысячи рублей или административный арест на срок до пятнадцати суток» [3].

Законодательством установлены соответствующие правила поведения либо обретения и сохранения правового статуса, соблюдение которых возводится в ранг юридической обязанности.

В этой связи в зависимости от круга поднадзорных субъектов следует различить ряд видов административного надзора полиции:

- общенормативный или общий административный надзор полиции, который осуществляется в отношении неконкретизированного, неопределенного круга субъектов, фактически в отношении каждого гражданина или должностного лица. Как правило, обязательные установления такого общенормативного характера закрепляются на федеральном уровне нормотворчества и касаются типичных вопросов обеспечения общественной безопасности и правопорядка, например, при пользовании общественным транспортом, соблюдении правил дорожного движения, организации и проведении культурно-массовых мероприятий, предвыборных и избирательных кампаний.

- конкретизированный административный надзор полиции в отношении определенной категории субъектов по общим для них признакам или отношениям. Речь в данном случае идет о субъектах, которые оказываются вовлеченными в конкретную сферу административной деятельности полиции, например, лицензионно-разрешительную, паспортно-визовую, учетно-регистрационную. Это может быть надзор за соблюдением

иностранными гражданами правил пребывания (проживания), исполнением российскими гражданами правил приобретения, пользования и хранения огнестрельного оружия.

Так, начальники дежурных смен дежурных частей линейных отделов (управлений) полиции на транспорте, начальники линейных отделений (пунктов) полиции осуществляют надзор за соблюдением правил пользования гражданами железнодорожным транспортом.

- индивидуализированный или специальный административный надзор, осуществляемый на основе отдельного нормативного правового акта в отношении строго определенной категории граждан. В данном случае неверно говорить о персонификации надзора, ибо вопрос решается не в отношении отдельной личности, а группы лиц, имеющих единый для них квалифицирующий признак. Например, лицами, освобожденными из мест лишения свободы или условно осужденными. Это могут быть лица, которым назначены виды наказания, не связанные с лишением свободы. Индивидуализированный административный надзор полиция осуществляет в отношении несовершеннолетних, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних.

Согласно статье 4 Федерального закона от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» [1] в отношении поднадзорного лица могут устанавливаться следующие административные ограничения:

- «1) запрещение пребывания в определенных местах;
- 2) запрещение посещения мест проведения массовых и иных мероприятий и участия в указанных мероприятиях;
- 3) запрещение пребывания вне жилого или иного помещения, являющегося местом жительства либо пребывания поднадзорного лица, в определенное время суток;
- 4) запрещение выезда за установленные судом пределы территории;
- 5) обязательная явка от одного до четырех раз в месяц в орган внутренних дел по месту жительства или пребывания для регистрации».

Среди методов, используемых полицией в ходе осуществления административного надзора необходимо выделить следующие:

- проверка соблюдения субъектами установленных правил. Такие проверки могут проводиться полицией как в инициативном порядке (плановом или оперативном), так и по запросам или обращениям других субъектов (граждан должностных лиц общественных и государственных органов).

Проверка может проходить как непосредственно в контакте с объектом проверки, так и опосредованно, в заочном режиме. Важно обратить внимание и на то, что проверки не исключают «подключения» к полиции иных государственных органов в целях повышения эффективности общей работы и достижения целей проверки.

1. Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. О порядке осуществления административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 8 июля 2011 г. № 818. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Кодекс Рос. Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Майорова Светлана Анатольевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административной деятельности ОВД
(Нижегородская академия МВД России)

Миловидова А. С.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ И УПОЛНОМОЧЕННОГО ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА В СУБЪЕКТЕ РФ

В данной статье вопросы законности и правопорядка в правоприменительной деятельности подразделений Министерства внутренних дел Российской Федерации рассматриваются через призму деятельности уполномоченного по правам человека в субъекте. За основу анализа взяты материалы близкого для автора региона – Нижегородской области, где выявлены наиболее частые точки соприкосновения интересов двух указанных правозащитных структур, исследованы области их взаимодействия.

Ключевые слова: законность и правопорядок, правоприменение, МВД России, Уполномоченный по правам человека в субъекте.

Проблемы обеспечения законности и правопорядка в обществе – тема, к которой можно обращаться бесконечно. На конституционном уровне законодательством предоставлена возможность для граждан обеспечить свои права. Этой цели служит, например, институт Уполномоченного по правам человека. Его деятельность сегодня набирает все большие обороты. Его задачи связываются с необходимостью способствовать восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства Российской

Федерации о правах человека и гражданина и приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права, развитию международного сотрудничества в области прав человека, правовому просвещению по вопросам прав и свобод человека, форм и методов их защиты [1]. И если на федеральном уровне этот правозащитный институт с информационной точки зрения достаточно открыт, то на уровне каждого конкретного региона механизмы разнятся. Естественно, цель Уполномоченного по правам человека остается единой. Законодательство Нижегородской области констатирует: «Деятельность Уполномоченного дополняет существующие средства защиты прав и свобод человека и гражданина» [2].

Аналогичное мнение высказывается и в научной литературе. Так в одном из диссертационных исследований отмечается, что всем без исключения омбудсменам мира свойственна следующая черта: этот институт не конкурирует с другими государственными органами, а является самостоятельным звеном в цепи правового механизма защиты прав и свобод человека и гражданина [3, с. 11]. Полагаем, что наиболее эффективные результаты в сфере обеспечения законности и правопорядка в нашем обществе могут быть достигнуты лишь при взаимодействии всех правообеспечительных структур. Следовательно, органы внутренних дел и Уполномоченный по правам человека, будучи институтами, деятельность которых напрямую направлена на обеспечение прав и свобод человека, не могут осуществлять свои функции абсолютно обособленно друг от друга.

Безусловно, этому вопросу уделяется внимание не только на теоретическом уровне. Так одно из заседаний Координационного совета российских уполномоченных по правам человека (24 июня 2013 года) было непосредственно посвящено вопросу «О формах и методах взаимодействия российских уполномоченных по правам человека с органами внутренних дел». Правовую основу такого взаимодействия сегодня составляет Меморандум от 14 сентября 2004 года «О сотрудничестве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации в области соблюдения и восстановления нарушенных прав и свобод человека». В этом документе говорится, что стороны: «...выражают намерение действовать посредством: объединения усилий по обеспечению и соблюдению прав и свобод человека; усиления информационного взаимодействия; совершенствования законодательства в сфере правоохранительной деятельности и миграции» [4].

Однако согласимся с О. Ю. Корабельниковой в том, что «в настоящее время в науке российского конституционного права еще не сложилась целостная система совместной деятельности Уполномоченного по правам человека в РФ и уполномоченных по правам человека в субъектах Российской Федерации с органами исполнительной власти, не выработаны единые правовые основы сотрудничества» [5, с. 8]. Именно поэтому мы реши-

ли начать с малого и постарались проанализировать доступные материалы в одном из узких направлений. Выбор пал на регион, наиболее близкий нам по территориальному принципу – Нижегородскую область, где уже более 10 лет функционирует институт Уполномоченного по правам человека в субъекте, причем функционирует в тесном взаимодействии с ГУ МВД России по Нижегородской области [6].

Говоря о наиболее ярко проявляющихся сферах взаимодействия, предлагаем первоначально выделить две значительных группы на основании следующего. Итак, сегодня разработаны разнообразные методы и способы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в субъекте и подразделений МВД России. Так, уже в год своего учреждения как должности Уполномоченный в Нижегородской области подписал соглашение о сотрудничестве с Главным управлением внутренних дел Нижегородской области. Цель такого соглашения – координация усилий по обеспечению соблюдения и восстановления нарушенных прав, обмен информацией, содействие в проведении проверок, выработка предложений, направленных на совершенствование законодательства в сфере правоохранительной деятельности.

Однако отчеты о деятельности Уполномоченного пестрят и абсолютно противоположенными ситуациями, в которых он вступает в конфликт с иными правоохранителями. Это «вынужденное взаимодействие», возникающее при нарушении прав граждан в рамках правоохранительной деятельности. Наглядно представить масштабы взаимодействия указанных институтов позволят представленные в таблице цифры о количестве обращений к Уполномоченному, касающихся «прав в деятельности правоохранительных органов» [7] от общего числа зарегистрированных обращений. Следует отметить, что ежегодно данная тематика входит в тройку наиболее актуальных среди обратившихся.

Год	% от общего числа зарегистрированных обращений
2005	2
2006	8,5
2007	12,5
2008	9,7
2009	7,4
2010	4,5
2011	6,9
2012	6,9
2013	9,2
2014	12,8

Для того чтобы подчеркнуть особую роль Уполномоченного, ему законом Нижегородской области предоставлено право требовать всю необходимую информацию, а именно: «...органы государственной власти области, органы местного самоуправления, их должностные лица оказывают содействие в предоставлении Уполномоченному материалов и копий документов, иной информации, необходимой для осуществления его полномочий» [8].

Таким образом, условно взаимодействие подразделений МВД России и Уполномоченного по правам человека как на федеральном уровне, так и на уровне субъекта может быть добровольным и вынужденным. Первое связывается с профилактикой нарушений прав, второе – с разрешением возникших проблем в правоприменении.

Обращения к Уполномоченному граждан по поводу нарушения их прав со стороны МВД России в Нижегородской области весьма разнообразны. И если в 2005 году, в момент учреждения института Уполномоченного по правам человека в данном субъекте одна из первых жалоб касалась нарушения права граждан на получение ответа в установленной нормативными правовыми актами процессуальной форме сотрудниками органов внутренних дел (что, безусловно, подрывало доверие граждан к деятельности органов внутренних дел, но не влекло тяжелых последствий), то в последующем отмечались более серьезные нарушения законодательства. Они связывались с незаконным получением признательных показаний (в том числе применением насилия и других незаконных методов ведения следствия), необоснованным привлечением граждан к административной ответственности, неэффективным (затягивание сроков), ненадлежащим расследованием уголовных дел. Например, следователи 6 раз приостанавливали предварительное следствие в связи с якобы неустановлением подозреваемых лиц. Эти постановления признавались городской прокуратурой необоснованными и отменялись, но скорее формально, так как затем все повторялось заново [9]. Частым обращением к Уполномоченному стали жалобы о необоснованном отказе в защите прав потерпевшего, имитации предварительного следствия (которая нередко ведет к пропуску срока привлечения к уголовной ответственности) и халатности сотрудников правоохранительных органов по отношению к документам и имуществу подследственных. Здесь же в отдельную группу имеет смысл выделить вопросы инспектирования уполномоченным изоляторов временного задержания. Уполномоченный также был вынужден оказывать содействие потерпевшим в возбуждении и расследовании уголовного дела по факту смерти обвиняемого, содержавшегося под стражей. А в 2008 году он констатирует, что необоснованные отказы правоохранительных органов в защите прав граждан далеко не единичны, «что никак не соответствует неоднократным публичным заявлениям высших руководителей этих органов о безуслов-

ных приоритетах защиты прав граждан в деятельности их подчиненных» [10].

Неконфликтное взаимодействие осуществляется в разнообразных формах в тех ситуациях, когда Уполномоченный и структурное подразделение органа внутренних дел проводят совместные мероприятия информационного характера, в целях разъяснения гражданам их прав, направленные на профилактику нарушений прав человека и пропаганду правопослушного поведения среди населения.

Ежегодные отчеты уполномоченного также содержат соответствующие разделы. В частности, Уполномоченный по правам человека в Нижегородской области вошел в состав общественного совета при ГУ МВД России по Нижегородской области. Традиционными являются рабочие встречи с непосредственным руководителем и руководителями структурных подразделений ГУ МВД России по Нижегородской области, проведение Уполномоченным или по его поручению работниками аппарата лекций-бесед с личным составом органов внутренних дел и их отдельных служб, участие в методических сборах (начальников и дежурных изоляторов временного содержания ОВД, руководителей аппарата ГУ МВД России, начальников ОВД Нижнего Новгорода), в других встречах с личным составом органов внутренних дел по их приглашениям. В рамках указанной группы одна из ключевых задач Уполномоченного – обратить внимание на типичные ошибки и нарушения прав граждан в правоприменительной деятельности, которые негативно отражаются и на судьбах людей, и на их доверии к органам внутренних дел.

Представляет интерес также высказанные впервые в докладе от 2007 года Рекомендации по совершенствованию деятельности государственных и муниципальных органов по обеспечению и защите прав человека, в том числе касающиеся ГУВД Нижегородской области: «...с участием руководителей ГУВД по Нижегородской области, прокуратуры области и областного суда проработать вопрос о ...» [11]. Однако в последующем подобной формы воздействия Уполномоченного на правоприменение не было выявлено.

Сегодня также реализуется, пусть и в незначительной степени, взаимодействие по вопросам правотворчества. Так, Уполномоченным направлялся в Законодательное Собрание отзыв на проект Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации», внесенный Нижегородской академией МВД РФ, где, в частности, регламентировался порядок обращения с жалобами на судебные решения в Европейский суд по правам человека.

Вместе с тем, очевидно, что динамика общественных отношений такова, что ограничиться исключительным перечнем вопросов общих интересов МВД и уполномоченного по правам человека не возможно. В этой связи всегда следует оставлять оговорку о предполагаемых иных ситуаци-

ях взаимодействия, которые следует выявить в перспективе. В частности самостоятельно можно рассмотреть обращение к Уполномоченному сотрудников, в том числе бывших сотрудников органов внутренних дел, по поводу нарушения их прав в период и после прохождения службы. Здесь указанные лица выступают как любые другие граждане, и, как правило, указывают свое место работы, чтобы показать обоснованность заявленных правоприязнаний с моральной точки зрения.

Таковыми в наиболее общем приближении нам видятся основные сферы сотрудничества Уполномоченного по правам человека и подразделений МВД России в субъекте Российской Федерации. Мы видим, что практика сложилась, причем как с положительной стороны, так и практика в отношении конфликтов Уполномоченного с иными правоохранительными институтами, когда парадоксально структуры, призванные защищать, сами становятся источником нарушений. Полагаем, что дальнейшие исследования в указанной сфере помогут решить эту проблему.

1. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. конст. закон Рос. Федерации от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Об Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области [Электронный ресурс]: Закон Нижегородской области от 9 января 2004 г. № 3-З. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Корабельникова Ю. Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов исполнительной власти в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
4. О сотрудничестве Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и Министерства внутренних дел Российской Федерации в области соблюдения и восстановления нарушенных прав и свобод человека: меморандум // Рос. газ. 2004. 15 окт.
5. Корабельникова Ю. Л. Конституционно-правовые основы взаимодействия Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и органов исполнительной власти в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.
6. Начальник Нижегородского ГУ МВД России и региональный уполномоченный по правам человека провели прямую линию с населением [Электронный ресурс]. URL: <https://52.mvd.ru/news/item/1104489> (дата обращения: 16 июля 2013 г.).
7. По материалам докладов о деятельности Уполномоченного [Электронный ресурс]. URL: <http://www.upchnn.ru> (дата обращения: 22 сентября 2015 г.).

8. Об Уполномоченном по правам человека в Нижегородской области [Электронный ресурс]: Закон Нижегородской области от 9 января 2004 г. № 3-З. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
9. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области в 2007 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urchnn.ru> (дата обращения: 22 сентября 2015 г.).
10. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области в 2008 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urchnn.ru> (дата обращения: 22 сентября 2015 г.).
11. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Нижегородской области в 2007 году [Электронный ресурс]. URL: <http://www.urchnn.ru> (дата обращения: 22 сентября 2015 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Миловидова Анастасия Сергеевна,
кандидат юридических наук

Нестеренко У. А.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА В ОТНОШЕНИИ НЕКОТОРЫХ КАТЕГОРИЙ ГРАЖДАН

Рассматриваются организационные и правовые проблемы применения полиграфа правоохранительными органами при раскрытии преступлений. Доказывается, что законодательство не в должной мере регулирует использование полиграфа в отношении некоторых категорий граждан, как например находящихся с некотором психическом состоянии или имеющих психическое заболевание, а также употребляющих алкоголь или наркотические средства.

Ключевые слова: полиграф, правовое регулирование, опрос с применением полиграфа, организация опроса с применением полиграфа.

Полиграф (детектор лжи) – техническое устройство, представляющее собой комбинацию медико-биологических приборов, позволяющих синхронно и непрерывно фиксировать динамику психофизиологических реакций лица на вопросы, задаваемые полиграфологом [1, с. 43], предназначенный для оценки достоверности получаемой информации [2].

Применение полиграфа при раскрытии преступлений оперативными подразделениями ОВД возможно при осуществлении ОРМ опрос, при котором, в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г.

144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» возможно применение технических средств, не наносящих ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющих вреда окружающей среде.

По мнению ряда специалистов полиграфологов, применение полиграфных устройств адекватно вписывается в систему методов и средств оперативно-розыскной деятельности [3]. Однако, на сегодняшний день, применение полиграфа в оперативно-розыскной деятельности сталкивается с недостаточностью, а в ряде случаев противоречивостью внутри правового поля, регламентирующего осуществление ОРМ.

Необходимо отметить, что оперативно-розыскные мероприятия с применением полиграфа, как процедура исследования с особым субъектом и предметом, отличающимся от общего представления о субъекте и предмете оперативно-розыскного мероприятия, имеет ряд условий частного характера, свойственные только оперативно-розыскным мероприятиям с применением полиграфных устройств. Основным условием, влияющем на эффективность применения полиграфа при раскрытии преступлений принято считать психофизиологическое состояние опрашиваемого лица, а также наличие заболевания, могущего оказать влияние на результаты опроса с применением полиграфа.

Еще на этапе становления практики применения полиграфа в оперативной деятельности при раскрытии преступлений некоторые ученые говорили о необходимости детального изучения условий эффективности применения полиграфа. Так, В. М. Николайчик, на основе анализа зарубежной литературы, предлагал ввести перечень заболеваний и состояний, при которых противопоказано использование полиграфа при раскрытии преступлений. В данный перечень он отнес: снижение или повышение артериального давления, болезни сердца, расстройства в области дыхания, умственные расстройства, различные психические заболевания, психоневрозы, психопатии [4]. Многие из этих заболеваний и состояний являются условиями, при которых запрещено применение полиграфа.

Результаты некоторых исследований показывают, что на одну тысячу психически здоровых лиц приходится столько же совершенных преступлений, сколько и на одну тысячу лиц с психическими заболеваниями [5]. Из общего числа установленных и задержанных лиц, по фактам совершенных преступлений, в отношении которых проводилась судебно-психиатрическая экспертиза, у более 50 % из них были выявлены различные формы психических расстройств [6].

По статистическим данным, в число преступников, осужденных за преступления насильственного характера, входят лица с психическими аномалиями, не исключающими вменяемость. Например, среди насильников: психопатов 15,8 %; хронических алкоголиков 9,0 %; олигофренов 6,8 %; лиц с остаточными явлениями травм черепа 2,8 % [7]. По оценке Роберта Хеара, от 15 до 20 % осужденных в США и Канаде преступников,

признанных психически здоровыми, соответствуют критериям психопатии, а среди серийных насильников и насильников-убийц – психопатов от 33 до 43 % [8].

Однако, проводя анализ психических заболеваний или расстройств, наличие которых запрещает применение полиграфа, обращает на себя слишком большая обобщенность и поверхностный подход к проблеме.

Так, например, рассматривая психические заболевания, являющимися противопоказанием для осуществления опроса с применением полиграфа, следует обратить внимание на Международную классификацию болезней 10-го пересмотра, общепринятую классификацию для кодирования медицинских диагнозов, в том числе и психиатрических. МКБ-10 включает в себя такие психические заболевания как органическое эмоционально лабильное или астеническое расстройство (шифр F06.6), характеризующееся эмоциональной несдержанностью или лабильностью и утомляемостью, однако не влияющее на основные психические процессы, что позволяет проводить с лицами, имеющими подобный диагноз опросы с использованием полиграфа. К подобным заболеваниям (при которых допустимо применение полиграфа в отношении граждан при раскрытии преступлений), по нашему мнению, можно отнести легкое когнитивное расстройство F06.7, различные расстройства поведения F91.0- F91.2 и т. д.

Опираясь на результаты многих научных исследований, направленных на выявление эффективности применения полиграфа в отношении лиц имеющих некоторые патологии и аномалии [9], мы приходим к выводу о возможности применения полиграфа оперативными сотрудниками при раскрытии преступлений в отношении большинства лиц с психическими заболеваниями и состояниями, кроме больных с психотическими нарушениями, из-за их неспособности адекватно воспринимать объективную реальность, что также подтверждается результатами исследований [10].

Критика формализованности подхода к выделению заболеваний и состояний, влияющих на эффективность применения полиграфа при раскрытии преступлений, в полной мере относится и к употреблению опрашиваемого лица алкоголя, наркотических средств или сильнодействующих лекарственных препаратов. В последние годы отмечается стабильный рост наркопреступности [11], где 80 % уличных преступлений в России совершают наркоманы [12], вместе с тем, до 80 % убийств совершается лицами употребляющими алкоголь [13].

Озвученные результаты предполагают высокую вероятность наличия психического заболевания, а также систематичности употребления наркотических средств или алкоголя, у лица представляющего оперативный интерес, в отношении которого планируется осуществление опроса с применением полиграфа. В то же время многие ученые указывают на высокую значимость ориентирующей информации, получаемой при проведении оперативно-технических мероприятий [14], хотя получение достоверной

информации в современных условиях, в процессе раскрытия преступления становится все более проблематичным [15].

Употребление наркотических средств является условием, при котором ограничено проведение ОРМ с применением полиграфа, что практически приводит к невозможности осуществления опроса в отношении наркоманов, токсикоманов всех стадий и форм. Хотя некоторые наркотические формы предполагают достаточно длительную сохранность как интеллекта, так и физиологических процессов наркомана. По нашему мнению основным условием возможности осуществления ОРМ с применением полиграфа является выход из наркотического или иного опьянения, а также отсутствие абстинентного синдрома, влияющего на психофизиологическое состояние и психические процессы, при обязательной общей сохранности интеллектуальной, психической и физиологической функций организма опрашиваемого лица.

Исследования изменений в психике и психофизиологии у лиц страдающих алкоголизмом разных стадий [16] также говорят об обоснованности внесения в условия, при которых не эффективно применение полиграфа, помимо простого алкогольного опьянения, некоторых стадий алкоголизма, а также различных абстинентных синдромов.

Однако, мы придерживаемся мнения, что заключение о возможности применения полиграфа при подобных диагнозах должен давать специалист после изучения психического состояния объекта ОРМ с применением полиграфа, а также сохранности его психических процессов. Это относится и к заболеваниям, влияющим на интеллектуальную, мыслительную и эмоциональную сферы, но находящимся на начальной стадии или в состоянии стойкой ремиссии.

Сложившаяся ситуация заставляет более пристрастно отнестись к условиям осуществления ОРМ с применением полиграфных устройств, как источника оперативной информации, в том числе к изучению различных психических заболеваний или расстройств, а также иных заболеваний и состояний, при наличии которых запрещено проведение опроса с применением полиграфа при раскрытии преступлений.

1. Комиссарова Я. В., Килессо Е. Г., Перч В. О. Криминалистика + криминалисты = опыт борьбы с преступностью. М., 2005.

2. Государственные требования к минимуму содержания и уровню требований к специалистам для получения дополнительной квалификации «Специалист по проведению инструментальных психофизиологических опросов». М., 2001.

3. Холодный Ю. И. Применение полиграфа в России: современный уровень и перспективы развития // Юридические, организационные и методические проблемы использования полиграфа в правоохранительной практике: материалы международной научно-практической конференции. М.:

- ВНИИ МВД России, 2004. С. 18; Комиссарова Я. В. Актуальные вопросы использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России // Вестник полиграфолога. 2007. № 3. С. 14–17 и др.
4. Николайчик В. М. «Сыворотка правды» и «лай-детектор» – возвращение к инквизиционному процессу // Советское государство и право. 1964. № 12. С. 120–126.
 5. Копыткин С. А. Расследование преступлений, совершенных лицами с психическими расстройствами: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. С. 3.
 6. Модернизация психиатрической службы – необходимое условие общественного психического здоровья (организационные, терапевтические и профилактические аспекты): материалы четвертого национального конгресса по социальной психиатрии, посвящ. 90-летию ФГБУ «Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского», и Всероссийской конференции «Повышение эффективности лечебно-реабилитационной помощи психически больным» / под ред. З. И. Кекелидзе, В. Н. Краснова. СПб., 2011. С. 123–154.
 7. Антонян Ю. М., Эминов В. Е. Личность преступника. Криминологическое психологическое исследование. М., 2010. С. 144.
 8. Бартол К. Психология криминального поведения. СПб., 2004. С. 86.
 9. Баскина Н. Ф. Особенности вегетативной реактивности при неврозах и неврозоподобных формах шизофрении (по данным сосудистых и кожно-гальванических реакций) // Вопросы психоневрологии. Труды государственного научно-исследовательского психоневрологического института им. В. М. Бехтерева. Т. XVIII. 1959.
 10. Кирилов М. А., Мешкова А. В., Панченко П. Н. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых в состоянии наркотического опьянения в семейно-бытовых и досуговых отношениях. М., 2010.
 11. Выступление председателя ГАК, директора ФСКН В. П. Иванова на круглом столе по теме «Законодательное обеспечение создания и функционирования национальной системы реабилитации и ресоциализации наркозависимых лиц» (Государственная дума 22.11.2012 г.) [Электронный ресурс]. URL://www.fskn.gov.ru (дата обращения: 9 апреля 2015 г.).
 12. Гостева С. Р. Наркомании и наркотизация, алкоголизм и алкоголизация, табакокурение – угроза здоровью народонаселения Российской Федерации // Грамота. 2011. № 2 (8). В 3 ч. Ч. I. С. 46–53.
 13. Жиров Р. М. Значение оперативно-розыскной информации в раскрытии и расследовании преступлений против жизни // Новый университет. Йошкар-Ола, 2012. № 10 (20). С. 47–51.
 14. Черепанов Г. Г., Шмидт А. А. Гипноз как нетрадиционный способ проведения оперативно-розыскного мероприятия «опрос» // Юридическая наука и правоохранительная практика. М., 2013. Вып. № 3 (25). С. 83–87.

15. Уманская П. С. Клинико-динамическая характеристика психотических форм алкоголизма и суицидального поведения у лиц молодого возраста (гендерный и реабилитационный аспекты): автореф. дис. ... канд. мед. наук. Тюмень, 2014. С. 24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Нестеренко Ульяна Александровна,
оперуполномоченный БСТМ
(ГУ МВД России по Воронежской области)

Перков А. А.

ФОРМИРОВАНИЕ У КУРСАНТОВ И СЛУШАТЕЛЕЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ МВД РОССИИ СПОСОБНОСТИ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ ПРАВОВОЕ ИНФОРМИРОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ

В статье рассматриваются особенности формирования у курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России. Рассматриваются такие особенности компетентностного подхода, как ценности обучаемого, развивающая среда. Учитывается специфика применения компетентностного подхода в деятельности сотрудников полиции.

Ключевые слова: компетенция; развивающая среда; ценность; правовое воспитание; способность.

Освоение курсантами и слушателями ведомственных вузов МВД образовательных программ является необходимым условием становления их в качестве специалистов. Предполагается освоение набора компетенций, которые прописаны в нормативных правовых документах, обеспечивающих всестороннюю подготовку, ведь профессионализм сотрудника органа внутренних дел складывается из многих составляющих. Одной из существенных способностей выпускника является умение осуществлять правовое информирование и воспитание.

Под правовым воспитанием понимается целеустремленное и систематическое влияние на сознание, чувства и психологию воспитуемых с целью формирования у них устойчивых правовых представлений, убеждений и чувств, привития им высокой правовой культуры, навыков и привычек активного правомерного поведения [8, с. 618]. Данный вид воспитания является неотъемлемой частью юридической деятельности, осуществляемой

сотрудниками органов внутренних дел. Может принимать разные формы – ликвидация пробелов в знаниях, разъяснение ответственности, предупреждение о последствиях реализуемых действий, информационно-пропагандистские мероприятия, другие. Выпускники ведомственных вузов должны обладать профессиональной компетентностью, предполагающей умение осуществлять данный вид деятельности.

Психологические особенности формирования способности правового воспитания и информирования многообразны, так как сама деятельность сотрудника Госавтоинспекции имеет сложный характер. Здесь необходимо привести положение, выдвинутое Дж. Равеном, который отмечал, что «...развитие компетентности должно основываться на системе личных ценностей» [3, с. 247]. Это утверждение противоречит мнению, согласно которому само содействие когнитивной деятельности обучающегося является первоочередной задачей и самооценностью.

Здесь следует сделать акцент на том, что сама когнитивная деятельность требует у учащегося наличия любопытства, готовности использовать книги для поиска информации, способности к обобщению и планированию, умения предвидеть возможные затруднения и придумывать способы их разрешения [3, с. 246], что предполагает наличие неких ценностных ориентиров, опоры на систему ценностей, которая тесно связано с другими компетентностями.

Определение, что значимо и незначимо, то есть содержания ценностей, является сложной задачей, решение которой возможно лишь при осуществлении выборов в значимых ситуациях. Ситуация, когда учащийся берет на себя ответственность за возможные личные и социальные последствия принятого им решения, играет большую роль в выявлении ценностей [7, с. 144–147].

Развитие или выявление у обучающихся ценностей, повышающих эффективность процесса обучения возможно только в условиях открытости, доверительности и доброжелательности. Отсутствие такой атмосферы, где человек будет чувствовать себя в безопасности при принятии решений, не боясь осуждений и насмешек, будет способствовать возвращению обучающегося к той модели поведения, которая приводила к минимальному успеху. Процесс выявления ценностных установок можно облегчить, если наделить людей понятиями для анализа своих ценностей, компетентности, социальных институтов, которые на них воздействуют. Обсуждение последствий отдельных действий и поступков помогает укрепить знание обучающегося о том, как себя следует вести в той или иной ситуации.

Приобретение ценностей, направленных на саморазвитие и самодетерминацию, может быть более успешным, если у обучающегося будут примеры того, что такие изменения в принципе возможны и происходят. Более того, для того, чтобы обладать необходимыми ценностями, необходимо иметь ориентиры, ту идеальную модель, которую можно принять за

образец. Важно, чтобы обучающиеся имели представление о том, как думают, чувствуют и ведут себя люди с другими побуждениями и ценностями [3, с. 255]. Для этого, в рамках образовательной деятельности, им необходимо помогать адаптироваться в условиях образовательной среды.

Формирование способности осуществлять правовое информирование и воспитание не может идти в отрыве от развития ценностей саморазвития и самодетерминации. Но этого недостаточно. Согласно принципам компетентностного обучения, предложенным Н. Ф. Ефремовой [2, с. 156], развитие компетентности возможно при условии: партнерского взаимодействия, проблемности содержания учебной деятельности, рефлексивного поведения студентов и преподавателей, интеллектуально-эмоционального напряжения и расслабления, разделение ответственности участниками образовательной деятельности. Эти принципы способствуют формирования образовательной среды, так необходимой для развития компетентности и подготовки современного специалиста.

Согласно Дж. Равену, развивающая среда – это среда, где люди имеют возможность стремиться к интересующим их целям и в процессе этого развивать свою компетентность [3, с. 266]. Здесь строится коммуникация с единомышленниками, со старшими товарищами, с преподавателями.

При наличии развивающей среды процесс обучения будет протекать эффективно, так как в такой среде [3, с. 267] обучающийся имеет возможность обсуждать свои ценности и разрешать ценностные конфликты в атмосфере уважительности, открытости, честности и поддержки; может опробовать различные способы поведения с правом на ошибку; находить поощрение, развивая новые способы поведения в процессе достижения привлекательных и значимых для них целей; получает в готовом виде (или сформулирует) новые понятия, помогающие обдумывать свое поведение, способы мировосприятия и возможное влияние альтернативных воззрений на свою жизнь.

Развитие способности осуществлять правовое информирование и воспитание сотрудника происходит не только в рамках учебного процесса. Развивающая среда должна быть сформирована не только в ВУЗе, но и на рабочем месте, так как процесс становления профессионала протяжен во времени.

Обращая внимание на психологические особенности формирования компетентности сотрудника Госавтоинспекции необходимо отметить, что в основе учебной деятельности положены базовые способности, которые следует развивать в первую очередь, среди них [2, с. 166]:

- способность строить коммуникацию;
- способность проектировать свою деятельность;
- использовать навыки поиска и использования информации;
- способность оценивать результаты обучения.

Необходимо отметить, важность мониторинга личностных качеств курсантов и слушателей, которые могут препятствовать им в реализации полномочий сотрудника Госавтоинспекции, являться противопоказанием к замещению этой должности. Выявление таких психологических особенностей в процессе обучения поможет построить актуальную программу самосовершенствования сотрудника и корректировки его поведения.

Выпускник должен иметь четкое осознание того, что ему предстоит делать в своей профессиональной деятельности, какие качества для этого необходимы. Он должен быть способен разрабатывать план самосовершенствования и четко следовать ему, развивая свой профессионализм.

Таким образом, психологические особенности компетентностного подхода в подготовке сотрудников Госавтоинспекции разнообразны и требуют учета и анализа. Реформирование системы отечественного образования процесс, который только находится в начальной стадии, поэтому большинство изменений еще предстоит внедрить. Это касается, в том числе, и формата обучения. По мнению С. Адама [1, с. 61], результат обучения – это письменные формулировки того, что обучающийся будет готов делать. Ключевым здесь является точность рассмотрения того, что именно приобретает обучающийся при успешном завершении того или иного этапа учебной программы. То есть, необходима переориентация результатов «на выход» – что слушатель будет способен делать.

1. Блинов В. И., Виненко В. Г., Сергеев И. С. Методика преподавания в высшей школе: учебно-практическое пособие. М.: Издательство Юрайт, 2013. 315 с.
2. Ефремова Н.Ф. Компетенции в образовании: формирование и оценивание. М.: Издательство «Национальное образование», 2012. С. 16; Равен Дж. Компетентность в современном обществе. Выявление, развитие и реализация. М.: Когнито-Центр, 2002. 396 с.
3. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505/htm> (дата обращения: 18 октября 2015 г.).
4. Кашлев С. С. Интерактивные методы обучения: учеб.-метод. пособие. 2-е изд. Минск: ТетраСистемс, 2013. 224 с.
5. Ковалева Т. М. Обоснование компетентностного подхода как основы обновления содержания образования [Электронный ресурс]. URL: http://www.langinfo.ru/index.php?sect_id=2792 (дата обращения: 27 мая 2015 г.).
6. Козловская Е. А. Профессиональный отбор кандидата на должность инспектора дорожно-постовой службы Госавтоинспекции: методическое пособие. М.: НИЦ ГАИ МВД России, 1995. 152 с.
7. Костина Л. Н. Традиционные и нетрадиционные подходы к формированию у курсантов (слушателей) коммуникативной компетентности // Наука и практика. 2015. № 3 (64).

8. Военная педагогика: учебник для вузов / под ред. О. Ю. Ефремова. СПб.: Питер, 2014.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Перков Артем Александрович,
преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и психологии
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Приходько Н. Ю.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В БОРЬБЕ С КОНТРАБАНДОЙ

В статье автор пытается рассмотреть взаимодействие правоохранительных органов на железнодорожном транспорте в предупреждении, пресечении и борьбе с контрабандой на железнодорожном транспорте.

Ключевые слова и словосочетания: контрабанда, предупреждение, борьба, взаимодействие, транспортная полиция.

Важное место в стратегии предупреждения контрабанды занимают организационные меры, которые прямо могут и не быть направлены на борьбу с преступлением, но выполняют важную роль обеспечения наиболее рационального применения специальных предупредительных мер. Организационные меры формируют цели и задачи, а также определяют устройство органов, в нашем случае – транспортной полиции либо системы правоохранительных органов и их служб на железнодорожном транспорте, их структуру и взаимодействие. Необходимо отметить, автор уже рассматривал системный подход к предупреждению контрабанды [1; 2]. Наряду с координацией как самостоятельную функцию в профилактической деятельности можно выделить взаимодействие между различными службами транспортной полиции. Под взаимодействием И. В. Шалахин предлагает считать «взаимный обмен информацией, совместное планирование мероприятий, деловые встречи и обсуждение предстоящей работы, осуществление взаимных консультаций, совместную практическую деятельность с оказанием различной помощи друг другу, последовательную (эстафетную) работу» [3].

Основными федеральными органами исполнительной власти, осуществляющие деятельность по борьбе с контрабандой, основными функциями

ми и задачами которых является предупреждение контрабанды, являются: Главное управление по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы России (ГУБК ФТС России), Главное управление на транспорте Министерства внутренних дел РФ (ГУТ МВД РФ), Управление по надзору за исполнением закона на транспорте и в таможенной сфере Генеральной прокуратуры РФ, Управление на транспорте МВД России по Центральному Федеральному округу (в том числе линейные подразделения: ЛО МВД России на станции Орёл, Брянское ЛО МВД России на транспорте, Белгородское ЛО МВД России на транспорте, Курское ЛО МВД России на транспорте и др.), Московское межрегиональное следственное управление на транспорте Следственного комитета РФ.

Главное управление по борьбе с контрабандой Федеральной таможенной службы России (ГУБК ФТС России) входит в состав Федеральной таможенной службы и в своей деятельности основывается на законодательстве РФ, в частности, ТК ТС, Постановлении Правительства РФ от 16 сентября 2013 г. № 809 «О Федеральной таможенной службе» [4] и международных договорах и конвенциях РФ.

Основными направлениями деятельности ГУБК ФТС России являются: борьба с контрабандой наркотических средств, психотропных, сильнодействующих, ядовитых, отравляющих веществ; выявление и пресечение незаконного международного оборота прекурсоров через таможенную границу РФ; борьба с контрабандой взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, взрывчатых веществ, боеприпасов, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, а также материалов и оборудования, которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, в отношении которых установлены специальные правила перемещения через таможенную границу РФ; борьба с контрабандой стратегически важных сырьевых товаров; пресечение незаконного международного оборота культурных ценностей, в отношении которых установлены специальные правила перемещения их через таможенную границу РФ; пресечение незаконного международного оборота объектов дикой флоры, фауны и их дериватов, в отношении которых установлены специальные правила перемещения их через таможенную границу РФ; выявление и пресечение административных правонарушений, отнесенных к компетенции таможенных органов; взаимодействие с таможенными и правоохранительными органами зарубежных стран, а также международными правоохранительными организациями; организация контроля и инспектирования оперативно-разыскной деятельности таможенных органов; оперативно-аналитическое и оперативно-информационное обеспечение оперативно-разыскной деятельности; организация ведения и ведение информационно-поисковых систем, оперативно-справочной работы; информационно-

аналитическое обеспечение оперативно-служебной деятельности оперативных таможен и оперативно-разыскных подразделений таможенных органов, осуществляющих борьбу с контрабандой и иными преступлениями, отнесенными к компетенции таможенных органов, обобщение и анализ поступающей информации о состоянии оперативной обстановки, выявление признаков совершения преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов; разработка и осуществление системы мер, направленных на повышение эффективности борьбы с преступлениями, отнесенными к компетенции таможенных органов; участие в проведении оперативно-технических мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению и раскрытию контрабанды и иных преступлений, отнесенных к компетенции таможенных органов, а также выявлению и задержанию лиц, их совершивших; организация и осуществление международных, межрегиональных и иных контролируемых поставок, контроль за их проведением, осуществление координации и взаимодействия при проведении международных, межрегиональных и иных контролируемых поставок с иными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность; участие в составе следственных групп в расследованиях уголовных дел; выполнение поручений следователя и дознавателя по уголовным делам, отнесенным к компетенции таможенных органов.

Второй важной организационной структурой, наряду с ГУБК ФТС России, ведущей работу по предупреждению контрабанды, выступают правоохранительные органы, и в частности Министерство внутренних дел РФ. В связи с темой диссертационного исследования необходимо более подробно остановиться на одном из структурных подразделений министерства, а именно, Главном управлении на транспорте МВД РФ (далее – ГУТ МВД РФ). Непосредственной задачей управления является нормативно-правовое регулирование в области обеспечения правопорядка на объектах железнодорожного, водного и воздушного транспорта. ГУТ МВД РФ осуществляет взаимодействие по вопросам своей деятельности с органами, организациями и подразделениями системы МВД, соответствующими подразделениями правоохранительных, государственных и муниципальных органов, организациями и правоохранительными органами иностранных государств. Проведя анализ положения о ГУТ МВД РФ (приложение к Приказу МВД России от 16 июня 2011 г. № 680), можно выделить следующие основные функции и полномочия, непосредственно направленные на борьбу с контрабандными преступлениями:

- выявление, предупреждение и раскрытие тяжких и особо тяжких преступлений на объектах транспорта, совершенных организованными группами, преступными сообществами (преступными организациями), носящих транснациональный или межрегиональный характер, а также вызывающих большой общественный резонанс;

- организация в отделах внутренних дел на транспорте (ОВДТ) в соответствии с законодательством РФ оперативно-разыскной деятельности, ведение и учет дел оперативного учета;

- организация в ОВДТ в соответствии с законодательством РФ производства дознания по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия необязательно; неотложных следственных действий по уголовным делам, по которым производство предварительного следствия обязательно, отнесенных к подследственности органов внутренних дел;

- выявление, обобщение положительного опыта организации и тактики проведения оперативно-разыскных мероприятий, обеспечение его внедрения в деятельность органов, организаций и подразделений системы МВД России;

- принятие в пределах своей компетенции мер по выявлению и устранению условий, способствующих совершению преступлений и административных правонарушений;

- осуществление оперативного сопровождения уголовных дел, возбужденных по материалам ГУТ МВД РФ;

- предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений в сфере экономики, борьбы с коррупцией на объектах транспорта;

- участие в проведении мероприятий по противодействию организованной преступности, экстремизму и терроризму на объектах транспорта.

В непосредственном подчинении ГУТ МВД РФ находятся Управление на транспорте (далее – УТ), органы внутренних дел на транспорте (далее – ОВДТ). УТ осуществляет непосредственный контроль подразделений ОВДТ, координацию их деятельности, оказывает научно-правовое обеспечение, кроме того, организует и контролирует в ОВДТ оперативно-разыскную деятельность.

Наряды полиции ОВДТ организуют свою работу, основываясь на Инструкции по организации работы нарядов полиции линейных управлений (отделов) МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте и работников локомотивных и поездных бригад по обеспечению правопорядка в поездах дальнего следования и пригородного сообщения, утвержденной Приказом МВД России/Минтранса России от 27 декабря 2013 г. № 1022/487. ОВДТ осуществляют сопровождение пассажирских поездов в целях охраны общественного порядка, обеспечение общественной безопасности, предупреждение, выявление и пресечение преступлений и административных правонарушений, обеспечение безопасных условий для проезда пассажиров и деятельности работников локомотивных и поездных бригад. Перечень сопровождаемых поездов утверждается руководителем ОВДТ, согласовывается с организациями-перевозчиками и корректируется в соответствии с оперативными данными. График сопровождения составляется ежемесячно на основе анализа преступлений и админи-

стративных правонарушений, совершенных в поездах с учетом предложений руководителей транспортных организаций и утверждается начальником линейного отдела внутренних дел.

О сопровождении поездов между сопредельными ЛОВД организуется постоянный обмен информацией. Сопровождающий наряд во время следования по маршруту постоянно взаимодействует с работниками железнодорожного транспорта, в т. ч. с сотрудниками ведомственной охраны железнодорожного транспорта. В процессе движения поезда наряд обходит весь состав, осматривает его, устанавливает взаимодействие с проводниками и работниками вагона-ресторана.

Однако проведенное исследование позволило выявить факторы, влияющие на низкую раскрываемость контрабанды, к которым можно отнести: специфику работы ЛОВД МВД России на железнодорожном транспорте (36 %), совместную преступную деятельность контрабандистов и сотрудников железнодорожного транспорта (32 %), высокую латентность данного вида преступлений (20 %), коррупцию в ЛОВД МВД России на железнодорожном транспорте и таможенных органах (8 %) и низкую эффективность работы таможенных органов (15 %).

Кроме того, в качестве основной причины, определяющей уровень латентности контрабандных преступлений на железнодорожном транспорте, по мнению сотрудников, осуществляющих расследование данной категории преступлений, является отсутствие должной скоординированности работы правоохранительных органов – 67 % [5].

Давая краткий обзор организационных структур по предупреждению контрабанды на железнодорожном транспорте, необходимо остановиться на задачах и функциях еще одного органа, имеющего непосредственное отношение к теме заявленного диссертационного исследования, а именно Генеральной прокуратуры РФ, в состав которой входят Московская межрегиональная транспортная прокуратура и Управление по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере. Выполнение задач и целей данными органами осуществляется на основании законодательства РФ, ратифицированном международном законодательстве, а также непосредственно определяется Законом РФ «О прокуратуре», Федеральным законом РФ «О транспортной безопасности» от 9 февраля 2007 г. № 16-ФЗ, Положением об Управлении по надзору за исполнением законов на транспорте и в таможенной сфере, утвержденным Генеральным прокурором РФ 30 июля 2009 г. Анализ нормативно-правовой базы применительно к профилактике контрабандной преступности позволяет выделить следующие моменты. Основными задачами и целями транспортной прокуратуры, непосредственно закрепленными в нормативно-правовой базе выступают:

- защита интересов государства и национальной безопасности, в том числе исключение фактов терроризма, провоза наркотических средств, незаконной миграции и т. д.;

- координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью и правонарушениями на транспорте.

Рассмотрев основные организационные структуры предупреждения контрабанды, необходимо отметить, что основной задачей должна выступать координация деятельности исполнителей разных ведомств (внешнее взаимодействие) и разных подразделений одного ведомства (внутреннее взаимодействие).

1. Антохина Н. Ю. Криминологические меры предупреждения контрабандной преступности // Наука и практика. 2013. № 3 (56). С. 6–9.
2. Антохина Н. Ю. Системный подход в предупреждении контрабанды // Наука и практика. 2014. № 1 (58). С. 7–11.
3. Криминология и организация предупреждения преступлений / под. ред. Э. И. Петрова. М., 1995. С. 178.
4. О Федеральной таможенной службе [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 16 сентября 2013 г. № 809. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
5. Приходько Н. Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Приходько Наталья Юрьевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права, криминологии и психологии
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Рыжов А. А.

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ СОДЕРЖАНИЯ ПРАВА ПОЛИТИЧЕСКОГО УБЕЖИЩА

В статье исследуются проблемы определения понятия и содержания политического убежища.

Ключевые слова: право политического убежища, субъективные права.

Право политического убежища представляет собой гарантированную возможность лиц, преследуемых в стране своей гражданской принадлежности или постоянного пребывания за непротиворечащую демократическим принципам политическую деятельность получить на территории Российской Федерации личную юридическую безопасность.

Право политического убежища является одним из видов субъективного права участников общественных отношений, а поэтому должно рассматриваться под углом зрения соответствующих общетеоретических конструкций. Издавна существовало множество подходов к раскрытию сущности субъективного права, раскрывающих его место и назначение в системе правового регулирования в обществе. Оно рассматривалось как открытая для человека возможность совершения известного рода поступков, размер возможной самостоятельности лица по отношению к другому лицу или предмету, признанная законом за лицом в известном направлении и в известных пределах свобода действий, юридическая власть человека над вещами и действиями других лиц, размер личной мощи по отношению к вещам, объем деятельности отдельной воли в границах установленного порядка, сфера влияния и юридической власти человека в обществе, законные индивидуальные возможности, возможность хотеть и действовать в соответствии и в границах установленных императивов [1].

Сегодня общепризнанной и апробированной является точка зрения, в соответствии с которой права и свободы всегда и прежде всего, означают определенную для субъектов юридическую возможность поступать установленным законом образом [2; 3; 4]. Именно категория возможности является тем универсальным средством, которое позволяет раскрыть сущность любого субъективного права.

В философском понимании возможность – это категория, выражающая объективную тенденцию развития, заложенную в существующих явлениях, наличие условий возникновения объекта (предмета, явления) или, по крайней мере, отсутствие таких обстоятельств, которые исключали бы его возникновение. Реальная возможность означает наличие необходимых условий, при которых она реализуется. Чем больше условий и чем они существеннее, тем более реальной оказывается возможность. Возможность диалектически связана с действительностью, представляющей собой любой объект (предмет, состояние, ситуация), который уже существует как результат реализации некоторой возможности [5].

Не следует смешивать право политического убежища как возможность получения политического убежища и политическое убежище как реализованное субъективное право. К сожалению, это, в общем-то, элементарное условие, не всегда соблюдается в существующей литературе. В результате предоставление возможности укрыться от преследования называют политическим убежищем, а право политического убежища – оказани-

ем государством покровительства эмигранту, в виде предоставления ему прав и свобод [6].

Такое смещение различных правовых явлений, мягко говоря, не способствует выявлению гарантий права политического убежища, то есть тех условий, при которых возможность превращается в действительность, реализуется. Между тем, практическая ценность субъективных прав, в том числе и права политического убежища, состоит в обеспеченности его преобразования в реальное поведение субъектов. Поэтому прав И. Сабо, рассматривающий субъективное право как гарантированную правовую возможность, превращение которой в общественную реальность обеспечивается материальными, политическими, социальными, культурными и иными условиями [7].

Учитывая сформулированные выше положения, можно предварительно определить право политического убежища как гарантированную международными документами и внутригосударственным законодательством возможность лиц, преследуемых в стране своей гражданской принадлежности или в стране постоянного проживания по политическим мотивам, получить укрытие и защиту в другом государстве.

Узловым аспектам исследования всякого субъективного права, а значит и права политического убежища, является раскрытие его содержания. Содержание субъективного права как установленной законом меры возможного поведения включает в себя ряд возможностей, правомочий. При этом в качестве ядра содержания субъективного права рассматривается, как правило, триада правомочий, включающая в себя право на собственные действия; право требовать от других не препятствовать осуществлению данного субъективного права; право обращаться за защитой нарушенного субъективного права в компетентные органы.

Вместе с тем существуют и несколько иные интерпретации правомочий субъективного права. Так, со ссылками на действующее законодательство аргументируется мнение, что в зависимости от вида субъективного права перечень правомочий, составляющих его субъективное право может быть различным. Представители данной точки зрения полагают, что, например, субъективное право потребителя, которому продали товар с неоговоренными продавцом недостатками, состоит из пяти правомочий, выражающихся в требованиях: безвозмездного устранения недостатка; соразмерного уменьшения покупной цены; замены на товар этой же марки; замены на товар другой марки; расторжения договора и возмещения убытков [8].

Конечно, было бы нелепо отрицать наличие перечисленных правомочий потребителя, поскольку они зафиксированы в Законе «О защите прав потребителей». Однако, как представляется, все они в своей совокупности вполне укладываются в рамки второго правомочия традиционно вы-

деляемой триады правомочий субъективного права – права требовать от других не нарушать данное право.

Высказывается также мнение, что содержание субъективного права включает в себя и правомочие обладать определенным благом, например, владеть, пользоваться и распоряжаться собственностью [9]. Думается, что не только перечисленные возможности носителя субъективного права составляют право на собственные действия, что, разумеется, не снимает необходимости выявления социального блага, на получение которого направлено любое субъективное право.

По мнению известного юриста Г. Ф. Шершеневича, исследовавшего соотношение субъективного права и связанных с ним социальных благ, пользование этими благами опосредуется интересом, который является опосредующим аспектом субъективного права [10]. В современной юридической литературе социальное благо рассматривается и как структурный элемент содержания субъективного права, и как цель, достигаемая благодаря реализации субъективного права. Думается, что социальное благо, все-таки, вряд ли можно рассматривать в качестве одного из правомочий содержания субъективного права. В противном случае, неизбежно смешивание правомочий содержания субъективного права с социальным благом, достижение которого как раз и обеспечивается благодаря реализации этих правомочий.

Сформулированные выше общетеоретические конструкции субъективного права имеют методологическое значение и для раскрытия понятия права политического убежища. Представляется, что именно их недостаточный учет представителями науки международного и конституционного права является одной из причин слабой разработанности данного аспекта проблемы института политического убежища.

Ядром содержания права политического убежища, как и любого субъективного права [11], выступают правомочия, характеризующие варианты возможного поведения самого управомоченного. Это правомочие понимается в юридической литературе как возможность безопасного проживания в иностранном государстве, как возможность получения разрешения на проживание в предоставляющем убежище государстве, как возможность просить любое государство о предоставлении ему покровительства [12]. Во Всеобщей декларации прав человека речь идет о праве искать убежище и праве пользоваться этим убежищем. Нетрудно заметить, что перечисленные подходы к раскрытию вариантов возможного поведения самого субъекта права политического убежища отражают лишь отдельные стороны рассматриваемого правомочия и поэтому нуждаются в корректировании и классификации.

Очевидно, например, что возможность безопасного проживания в иностранном государстве является ничем иным как частью (элементом) права пользоваться предоставленным политическим убежищем. Последнее

правомочие, в свою очередь было бы точнее назвать правом пользоваться статусом политического эмигранта, поскольку именно благодаря ему институт политического убежища открывает возможность пользоваться таким социальным благом, как личная безопасность.

Недостаточно определенным представляется «право искать» политическое убежище, поскольку под этим термином можно понимать, например, и право поиска в справочной литературе информации о наиболее приемлемых для проживания политико-правовых системах, осуществление которого вообще находится за пределами правового регулирования. Думается, что юридический характер право искать политическое убежище, все-таки приобретает лишь в связи с правом обращения индивида к иностранному государству с просьбой о предоставлении политического убежища.

Таким образом, к числу правомочий на собственные действия субъекта права политического убежища есть основания отнести: возможность обращаться с ходатайством к иностранному государству о предоставлении политического убежища; возможность юридического оформления политического убежища; возможность пользоваться статусом политического эмигранта.

Практика свидетельствует о том, что реализация перечисленных выше правомочий субъектов права политического убежища в Российской Федерации не всегда обеспечивается эффективно [13]. В этих условиях существенное значение приобретает теоретико-правовое обоснование и выделение правомочий содержания права политического убежища, отражающих возможность его субъектов требовать не препятствовать осуществлению своих правомочий, а также обращаться в компетентные органы за их защитой.

Право требовать состоит, прежде всего, в возможности требовать от государственных органов, в компетенцию которых входит решение вопросов предоставления политического убежища, выполнения возложенных на них обязанностей, оказания содействия, помощи. К этим органам относятся органы Федеральной миграционной службы, Министерство иностранных дел, Комиссия по вопросам гражданства при Президенте Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации [14].

В случае невыполнения или ненадлежащего выполнения перечисленными государственными органами своих обязанностей, повлекшего ущемление правомочий субъекта права политического убежища, последний может обращаться за защитой в компетентные органы. Возможность субъекта права политического убежища обращаться за защитой в органы Российского государства вытекает как из общепризнанных принципов и норм международного права, так и из норм внутригосударственного законодательства. Субъект права политического убежища обладает возможностью обращаться за защитой своих правомочий, как в административном, так и в судебном порядке.

Таким образом, в случае нарушения правомочий субъекта права политического убежища он может обратиться за защитой: к вышестоящему должностному лицу, занимающемуся вопросами рассмотрения ходатайств о предоставлении политического убежища; в органы прокуратуры; в судебные органы. За защитой в суд общей юрисдикции субъект права политического убежища может обращаться с жалобой, как на единоличные, так и на коллегиальные решения органов, принимающих ходатайства о предоставлении политического убежища или рассматривающих их по существу. Такие жалобы могут быть поданы в суд общей юрисдикции, если нарушены правомочия субъекта права политического убежища, созданы препятствия их осуществлению, незаконно возложена какая-либо обязанность, в том числе в виде юридической ответственности [15; 16].

Если субъект права политического убежища усомнится в конституционности правовой нормы, на основе которой суд общей юрисдикции отказал в удовлетворении его жалобы, то у него возникает право обратиться с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации. Если он признает нормы закона, примененные по отношению к субъекту права политического убежища, не соответствующими Конституции Российской Федерации, данное дело, во всяком случае, подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке: судебные решения, не вступившие в законную силу, обжалуются в кассационную инстанцию, а вступившие в законную силу – подлежат пересмотру в процедуре возобновления дела по вновь открывшимся обстоятельствам.

Рассмотренные выше аспекты права политического убежища позволяют сделать, по крайней мере, следующие выводы. В посвященной праву политического убежища литературе слабо учитываются апробированные общетеоретические конструкции института прав и свобод. В результате понятие и особенно содержание права политического убежища как элемента правоотношения между индивидом и государством остается практически не исследованным.

Содержание права политического убежища включает в себя право индивида на собственные действия, право требования, право на защиту. Право на собственные действия предполагает возможность обращаться с ходатайством к Российскому государству о предоставлении политического убежища, возможность юридического оформления политического убежища, возможность пользоваться статусом политического эмигранта. Право требования состоит в возможности требовать от государственных органов, компетентных решать вопросы предоставления политического убежища, выполнения возложенных на них обязанностей, оказания содействия и помощи. Право на защиту дает возможность индивиду в случае нарушения его правомочий, создания препятствий для их осуществления, незаконного возложения обязанности или юридической ответственности, обратиться с жалобой в административные или судебные органы.

1. Муромцев С. Определение и основное разделение права. М., 1879. С. 58.
2. Гарашко А. Ю. Понятие и эволюция представлений об источниках происхождения права // Юридическая теория и практика в истории и современной России сборник научных статей. Москва, 2010. С. 15–28.
3. Клименко А. И. Идея права человека в контексте международной правовой идеологии // Закон и право. 2008. № 3. С. 26–27.
4. Кулакова Ю. Ю. Способность государства к демократии // История государства и права. 2012. № 11. С. 42–44.
5. Малахов В. П. Основы философии права: учебное пособие для вузов. Москва, 2005.
6. Международное право / под ред. Ю. М. Колосова, В. И. Кузнецова. М., 1995. С. 114.
7. Сабо И. Социалистическое право. М., 1995. С. 326.
8. Теория государства и права / под ред. В. К. Бабаева. М.: Юрист, 2003.
9. Общая теория права и государства / под ред. В. В. Лазарева. М., 1994. С. 145.
10. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1912. С. 600–618.
11. Мамонтов А. Г. Понятие, структура и принципы основ правового статуса личности. Москва, 2001.
12. Каламкарян Р. А. Право международных договоров. Применение международных договоров во времени и пространстве. М., 2015.
13. Тункин Г. И. Теория международного права. М., 2016.
14. Рыжов А. А. Изменения правового положения лиц, получивших политическое убежище на территории российской федерации // Проблемы развития государства и права в современном российском обществе: сборник научных статей. Москва, 2007. С. 205–208.
15. Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 27 июля 1997 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
16. Правкин И. В. Правоохранительная система в условиях реформирования российского государства: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Рыжов Александр Анатольевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
теории государства и права
(Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя)

Сорокин А. И.

ТОЛКОВАНИЕ ПОНЯТИЯ «СИСТЕМАТИЧНОСТЬ» В СТАТЬЕ 117 УК РФ

В статье дается трактовка признака «систематичность» нанесения побоев, которая вызывает у практических работников большие сложности. Применительно к истязанию систематичность нанесения побоев означает не просто многократность периодически совершаемых насильственных действий, но их взаимосвязь, внутреннее единство, образующие определенную линию поведения виновного в отношении одной и той же жертвы, при которых последней причиняются не просто физическая боль, но и психические страдания.

Ключевые слова: побои, систематичность, физическое насилие.

Значение оценочных признаков и их относительная определенность в уголовном законодательстве – проблема, которая остается нерешенной и по сей день. Несомненно, современное уголовное законодательство не в состоянии обойтись без них. Это обусловлено, с одной стороны, относительно невысоким уровнем законодательной техники, с другой – требованиями современной действительности. Так, существуют ситуации, которые невозможно охарактеризовать однозначно, и законодатель описывает их в достаточно общих чертах, предлагая ориентироваться на все обстоятельства совершенного общественно опасного деяния. С одной стороны, это сужает до минимума возможность виновному уйти от ответственности, с другой – их толкование и, соответственно, применение нормы, в которой эти признаки содержатся, в большей степени зависят от правосознания, профессиональной этики правоприменителя, которые, к сожалению, не всегда безупречны. Это, в свою очередь, может привести к несправедливому применению закона. Конечно, некоторые из них находят (не всегда идеальное) толкование в самом законе. Так, указанные признаки могут быть описаны в диспозиции статьи, но чаще всего в нормах-примечаниях. И как мы можем судить из пятнадцатилетнего периода существования Уголовного кодекса Российской Федерации, именно эти нормы подвержены реформированию. Необходимо отметить, что существующее в законе расположение норм-дефиниций затрудняет их поиск, если категории, описанные данными нормами, содержатся и в иных статьях Уголовного кодекса (особенно когда статьи расположены в разных главах или разделах). Таким образом, что поддерживается многими специалистами, существует необходимость, во-первых, дать законодательную трактовку некоторым оценочным признакам, во-вторых, систематизировать применяемые в законе термины, например в рамках одной главы или статьи. Применительно

к ст. 117 УК РФ таковыми являются: страдания, систематичность, насилие, пытка.

В рамках представленной статьи мы рассмотрим только один из перечисленных признаков – систематичность, потому что:

- во-первых, именно в нем в наибольшей степени проявляется недостаток нормы;

- во-вторых, при трактовке физических или психических страданий, а также иных насильственных действий в истязании учитывается данный признак;

- в-третьих, в подавляющем большинстве случаев истязание так или иначе совершается путем систематического нанесения побоев;

- в-четвертых, в рамках данной статьи невозможно рассмотреть все вышеперечисленные признаки, так как это требует более емких исследований.

Р. Д. Шарапов считает, что специфической формой физической боли являются физические страдания – следствие насилия, указывающее на проявление виновным особой жестокости по отношению к потерпевшему [1].

Страдание как специфическая форма боли не имеет четких законодательных границ. Поэтому данный признак истязания является оценочным. Говоря об объективном критерии страдания, необходимо выделить временной показатель как основной, а характер воздействия на организм человека – как второстепенный. Временной критерий выражается в том, что болевые ощущения, недомогание и истощение, психические переживания в результате насилия человек испытывает более или менее продолжительное время. Характер воздействия на организм человека свидетельствует о том, мог ли он испытать особо сильную боль или нет.

Если виновный, применяя физическое насилие в форме нанесения ударов или побоев, может причинить потерпевшему физическую боль, то насилие в форме нанесения таких действий два и более раз причиняет особенно сильную боль и страдания. Страдания – это либо боль с постоянным ожиданием возможности ее повторения, либо особенно сильная боль. Отсюда и новое качество [2].

Так, обоснование страданий в первую очередь основывается на систематичности нанесения побоев.

Что касается иных насильственных действий при истязании, то в ст. 117 УК РФ они расположены после «систематического нанесения побоев». Подобным образом законодатель ориентирует на то, что боль, причиняемая иными насильственными действиями, не должна носить меньший качественный характер, чем боль, причиняемая систематическим нанесением побоев.

Как было уже отмечено, систематичность как понятие не раскрывается законодателем. Это, в свою очередь, порождает разногласия в теории

уголовного права, а также влечет за собой определенные трудности в судебно-следственной практике, а порой и ошибки.

Говоря о систематичности, ряд авторов выделяют количественный ее характер. В более ранний период развития российского законодательства систематичность (применительно к хищению) понималась как неоднократность [3]. Д. С. Читлов под систематичностью воздействия при истязаниях понимает более или менее часто наносимые различными предметами однотипные телесные повреждения [4]. Комментируя ст. 154.1 УК РСФСР, Б. С. Никифоров считал, что для ее наличия необходимо совершение согласованных преступных действий четыре и более раз [5]. Ряд авторов говорят о систематичности, когда преступление совершается «не менее трех раз» [6]. На это обстоятельство указывает и Пленум Верховного Суда РСФСР [7].

Но если правоприменитель более или менее определил количественную сторону нанесения побоев, то его позиция в отношении временного критерия нанесения побоев не совсем ясна. И вовсе не однозначно доктринальное толкование данного вопроса.

Однако существует иная точка зрения в определении систематичности. Ее приверженцы исходят из качественной характеристики деяний, образующих систематичность. А. А. Жижиленко считал, что совершение деяния систематически предполагает наличие не простого повторения одного и того же преступного деяния, а ряда таких действий виновного, в которых можно усмотреть проявление известного общего плана его действий или укоренение в виновном известных преступных навыков – все его преступные деяния, неоднократно учиненные, должны быть внутренне связаны друг с другом [8]. А. Н. Трайнин понимал под систематичностью действий не сумму разрозненных актов, а внутреннюю их согласованность [9]. И. Самолук указывал, что систематичность – это неоднократные действия, свидетельствующие о том, что причинение страданий потерпевшему характерно для поступков виновного, которые являются опасной тенденцией его поведения [10]. В. И. Симонов писал: «...количество всего лишь симптом качества» [2, с. 61]. Исходя из этого под систематичностью нанесения побоев при истязании он понимал физическое насилие, состоящее как минимум из двух общественно опасных актов, разорванных во времени, при установлении умысла на совершение неопределенного числа их в последующем. Эти акты должны выступать как части одного преступления в цепи действий, являясь выражением определенной линии поведения виновного [2, с. 62]. Такая позиция авторов противоречит судебной практике, однако является, на наш взгляд, более обоснованной, кроме того, как было уже отмечено, количественная характеристика систематичности имеет существенный недостаток – временной критерий. Иными словами, каков должен быть промежуток времени между побоями для наличия систематичности.

Л. В. Алферов считает, что интересным является вопрос о минимальном промежутке времени между побоями, который отграничивает истязание от единичного насильственного акта. «Необходимо руководствоваться жесткой позицией, которая в этом случае предполагает констатировать наличие признаков истязания даже в случае небольших разрывов во времени между эпизодами побоев вплоть до нескольких минут, если кратковременные перерывы в нанесении побоев сделаны преступником умышленно, в целях усиления психических страданий потерпевшего» [11].

Таким образом, большинство авторов: Г. И. Чечель, И. Портнов, В. И. Симонов, Р. В. Алферов, А. Д. Тартаковский, Э. Ф. Побегайло и др. – предлагают при определении систематичности нанесения побоев учитывать не только количественную, но и качественную характеристику деяния, учитывая все обстоятельства дела. Таким образом, рассматриваемый оценочный признак состава истязания будет иметь более прозрачные границы. Это, в свою очередь, может привести к еще большей путанице и нарушениям законности со стороны правоприменителя. Кроме того, правоприменителю, исходя из конструкции рассматриваемой нормы в процессе ее применения, исходя из материалов дела, учитывая обстоятельства дела, необходимо выявлять, способно ли преступное деяние причинить физические и психические страдания. Сказанное относится и к деянию в форме систематического нанесения побоев. В связи с вышеизложенным представляется, что законодателю следует отказаться при конструкции состава истязания от такого оценочного признака, как систематическое нанесение побоев.

1. Шарапов Р. Д. Физическое насилие в уголовном праве. СПб., 2011. С. 121.
2. Симонов В. И. К вопросу о понятии истязания // Вопросы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью: межвузовский сборник научных трудов. Свердловск, 1983. С. 60.
3. Малков В. Понятие систематичности в уголовном законодательстве // Сов. юстиция. 1970. № 1. С. 21.
4. Читлов Д. Охрана здоровья граждан от тяжких насильственных посягательств. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1974. С. 98.
5. Комментарий УК РСФСР. М., 1964. С. 333.
6. Погребняк И. Отграничение преступлений от проступков по признакам объективной стороны деяния // Сов. юстиция. 1969. № 9. С. 21; Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов. М., 2011. С. 122; Мельниченко А. Б., Кочубей М. А., Радачинский С. Н. Уголовное право: Особенная часть: учебник для юридических факультетов колледжей и средних специальных учебных заведений. Ростов-на-Дону: Феникс, 2011. С. 52.

7. О практике рассмотрения судами жалоб и дел о преступлениях, предусмотренных ст. 112, ч. 1 ст. 130 и ст. 131 УК РСФСР: Постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 25 сентября 1979 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961–1993. М., 1995. С. 230.
8. Жижиленко А. А. Должностные (служебные) преступления. Практический комментарий. 2-е изд. М., 1924. С. 25.
9. Трайнин А. Н. Уголовное право РСФСР. Часть Особенная. Л., 1925. С. 158.
10. Самолук И. Ответственность за истязание // Советская юстиция. М., 1965. № 1, 2.
11. Алферов Л. В. Квалификация истязания, совершаемого путем нанесения многократных побоев, и его употребление в качестве признака особой жестокости при убийстве // Проблемы, связанные с совершением тяжких преступлений против личности: материалы 1-й Междисциплинарной научно-практической конференции Ставропольского института им. В. Д. Чурсина (6 декабря 2008 г.). Ставрополь, 2008. С. 9.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сорокин Алексей Иванович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры уголовного права,
криминологии и психологии
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Строева О. А.

ЗАКОННОСТЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ КАК ВЫСШИЕ ЦЕННОСТИ ПРАВА

В статье рассматривается понятие ценность права, анализируются представления о справедливости и законности в качестве высоких идеалов правосознания и основных принципов права.

Ключевые слова: ценность, право, правовая действительность, правосознание, законность, справедливость.

Право воспринимается посредством его оценки в повседневной и профессиональной жизни через правосознание. То, насколько такая оценка будет успешной, в значительной мере зависит от процесса правового мышления. Выявление ценностей права, т. е. правовых смыслов правосоз-

нения, – необходимое условие их последующего усвоения. Это обусловлено, в первую очередь, тем, что ценности определяют образ поведения и составляют доминанты правового мышления. Так, по справедливому замечанию В. А. Сулова, ценности служат мотивом, определяют цели и средства, являются основой принятия решений и критерием того, чего нужно избегать, выполняют важную роль в решении внутренних конфликтов и вносят устойчивость в поведение личности [1].

Актуальным представляется точка зрения М. Н. Марченко, согласно которой: «ценности возникают вследствие сознательно-волевого освоения человеком действительности, как некое субъективное отношение к миру... действительность предстает людям посредством ценностей и в форме ценностей» [2]. Логичность высказанной позиции предполагает, что правосознание предстает как явление правовой действительности, которое возможно представить в форме ценностей. Толкование ценности в качестве значимой идеи, явления или предмета правовой действительности позволяет определить ее как то, что определяет ориентиры правового поведения. Надо полагать, правозначимые ценности играют роль фундаментальных норм действий [3], благодаря которым правовое сознание и право приобретают свое реальное содержание, раскрывают правовую реальность.

Таким образом, правовые ценности имеют регулирующее значение, поскольку именно они определяют борьбу мотивов правомерного и противоправного поведения, способствуют принятию правозначимых решений и формируют не только практическую, но и духовную направленность личности [4, с. 384]. Неслучайно Д. А. Керимов приводит развернутый тезис, согласно которому в процессе функционирования правосознания ценности не просто воспроизводятся, но критически осмысливаются и преобразуются с учетом целесообразности [4, с. 389].

О важности ценностей говорит Н. Неновски, полагая, что невозможно раскрыть сущность права, выявить проявления правосознания в общественной жизни, понять связь правосознания с обществом вне ценностей [5]. Влияние ценностей на правовое сознание определяет характер реального правового мышления, раскрывает «живую» правовую действительность, адекватность воспроизведения в мышлении правозначимых социальных ценностей.

Впрочем, существует ряд ценностей, неизменных при любых условиях и присущих праву и правосознанию в целом. Свобода, справедливость, равенство, законность – идеальные ценности благополучного состояния людей и общества. Вследствие этого, чтобы понять саму сущность данного правового явления, раскрыть действие права, необходимо рассмотреть отдельные ценности. Правовые ценности, законность, справедливость – все это многочисленные выражения правосознания, без которых неосуществимо право.

Правосознание включает понимание объективной необходимости законности и справедливости как высших ценностей права, научно обоснованные взгляды и представления о путях и способах установления законности и справедливости и их гарантиях. Законность и справедливость как важнейшие ценности являются ведущими правовыми принципами современного правосознания. «Правовые принципы – это ведущие начала не только формирования правовой системы. Они являются определяющей ценностной основой реализации права» [6].

В теории права общепризнанной точкой зрения является определение законности в виде неуклонного и точного соблюдения законов и иных нормативных актов всеми субъектами права. Хотя соблюдение и исполнение норм права, содержащихся в нормативных актах, вовсе не показывает, что в обществе есть режим законности. И дело не только в том, что правовые нормы находят выражение и в иных формах права (правовой обычай, нормативный договор и др.). Ведь состояние законности обязательно предполагает полноценную и эффективную реализацию не только нормативных, но и всех других правовых предписаний, содержащихся в правоприменительных и иных юридических актах.

Это и есть идеальная правовая модель законности, выработанная правосознанием. Это сама ценность, идеальная модель правовой жизни общества, без которой право «умрет» в том смысле, что люди просто потеряют ориентиры правового поведения, критерии правомерного и неправомерного, возможного и должного, нормативного и индивидуального в юридической сфере общества. Эти «идеальные» представления заложены в правосознании, они его ценности и ценности всей правовой действительности.

Законность является предпосылкой правопорядка, ядром общественной дисциплины, важнейшим элементом демократии и культуры, основой осуществления прав и свобод человека и гражданина. Законность – необходимое условие и средство формирования правового государства. Нарушения законности препятствуют эффективному осуществлению функций государства, ущемляют права граждан, снижают престиж закона и власти в глазах населения. В то время как государство, напротив, призвано защищать и выражать интересы граждан, способствовать практическому осуществлению законов, заинтересованности в укреплении легитимности и правопорядка. В связи с этим, следует отметить, недопустимы нарушения законности, поскольку они способны подорвать правовые основы государственной деятельности, массового правового сознания и политической системы общества. Законность – важнейшая категория юридической науки и практики, важнейшая ценность современного государства [7]. Таким образом, законность выступает безусловным требованием уважения права, закона, личности, ее конституционных прав и свобод. Проведение в жизнь, воплощение определенных требований законности является надежной

предпосылкой упрочения правовой основы и правосознания современного российского общества.

Как видим, законность, рассматриваемая нами в контексте важнейшей ценности права, предстает в качестве объективированного итога действий. Законность в правосознании реализуется в идеях соблюдения и уважения права, в укреплении правопорядка, в понимании культурной и духовной ценности права, выражая тем самым его защитную функцию.

Важнейшей целью формирования правосознания граждан является необходимость дать им прочную мотивационную основу поведения, что осуществимо лишь посредством существования в сознании личности таких ценностей, как законность и справедливость. Наряду с законностью целесообразно рассматривать и справедливость. Высказанная В. С. Нерсесянцем мысль о том, что «справедливость входит в понятие права, право по определению справедливо, а справедливость – внутреннее свойство и качество права» [8], связана, в первую очередь со всеобщим характером права, и раскрывает в самых ярких красках ценность данной категории для права.

Кроме того справедливость представляет собой, по точному замечанию Г. Ю. Семигина, совокупность универсальных принципов, определяющих право граждан на общественное устройство, отвечающее стремлению к социальному идеалу и обеспечивающее всем гражданам юридическое равенство и политические свободы, высокое качество жизни, возможность самореализации и социальное партнерство [9].

Право задает нормативную меру справедливости, придавая ей свойства законности, обязательности и всеобщности, а справедливость контролирует осуществление определенных требований, предъявляемых с точки зрения установившихся оптимальных общественных критериев [10]. Таким образом, справедливость представляет собой высшую ценность права, причем, вместе они обеспечивают должные общественные отношения.

Прежде всего, справедливость выражает сущность права и сущность правосознания. Поскольку справедливость – это самосознание, самовыражение и самооценка права, потому, вместе с тем, она – правовая оценка всего остального, неправового. В связи с этим полагаем, роль справедливости в современном обществе как важнейшей ценности права, сильнейшего побудителя человека к действию напрямую согласуется с ролью правосознания, которое является направляющей этих действий [11].

Таким образом, такие важнейшие ценности права как законность и справедливость, составляют общемотивационный строй права, в котором сочетаются непосредственные практические задачи с общими социальными ориентирами, сконцентрированными в правовых ценностях правосознания. Идеология ценностей оказывает существенное влияние на сознательно-волевое отношение к ценностям, выработанным правовой практикой и правовой жизнью общества. Будучи базовым, основополагающим

фактором, определяющим ориентиры правового поведения и направленность личности, наполняющим правовую жизнь смыслом, ценности, в частности, вносят устойчивость в поведение личности, формируют предрасположенность личности к восприятию содержания нормы права, определяют борьбу мотивов правомерного и противоправного поведения, влияют на принятие правозначимых решений, задают правосознанию векторы его функционирования и раскрывают действительность права.

1. Суслов В. А. Правосознание в уголовном процессе. Владивосток, 2000. С. 30.
2. Марченко М. Н. Философия права. Т. 1. М.: Проспект, 2013. С. 309.
3. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 628–630.
4. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М.: Аванта+, 2001.
5. Неновски Н. Право и ценности. М.: Прогресс, 1987. С. 34.
6. Лукашева Е. А. Социалистическое правосознание и законность. М., 1973. С. 108.
7. Пашкова Н. В. Законность в деятельности органов внутренних дел: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 6.
8. Нерсисянц В. С. Право как необходимая форма равенства, свободы и справедливости // Социологические исследования. 2001. № 10. С. 63.
9. Семигин Г. Ю. Социальная справедливость и право. Основы взаимодействия // Социологические исследования. 2009. № 3. С. 80.
10. Мальцев Г. В. Социальная справедливость и право. М.: Мысль, 1997. С. 89.
11. Нестерук Е. С. Справедливость в современном российском правосознании: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 17.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Строева Оксана Александровна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Тихалева Е. Ю.

НАПРАВЛЕНИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ОХРАНЫ С ОБЩЕСТВЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ

Взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений – это необходимая часть государственной политики. Автором рассмотрены основные направления взаимодействия органов государственной охраны и общественных объединений.

Ключевые слова: органы государственной власти, органы государственной охраны, общественные объединения, военнослужащий.

Органы государственной охраны представляют собой органы государственной власти, деятельность которых направлена на обеспечение безопасности высших должностных лиц государства. Осуществляя эту деятельность, они выполняют цели и задачи, поставленные перед ними в соответствии с законодательством.

Говоря о функциях и деятельности органов государственной власти и, в частности, органов государственной охраны, нельзя не затронуть вопрос об их взаимодействии с общественными объединениями.

Общественные объединения представляют собой значительную часть гражданского общества. Эти организации создаются в целях реализации права граждан на объединение, гарантируемого Конституцией Российской Федерации [1]. Они выполняют различные социальные, культурные, религиозные и иные задачи и стремятся к удовлетворению определенных потребностей своих участников. Можно сказать, что общественные объединения – это представители интересов общества.

Взаимодействие органов власти и общественных организаций необходимо, поскольку перед государством стоят задачи социального обеспечения, культурного развития своих граждан, защиты их прав и интересов. Выполнить эти задачи возможно только при непосредственном сотрудничестве и оказании органами государственной власти поддержки и необходимого содействия в деятельности общественных объединений. Характер взаимодействия государства и общественных объединений – это показатель уровня демократичности государства.

В свою очередь, органы государственной охраны могут взаимодействовать с общественными объединениями в процессе осуществления своих полномочий по обеспечению государственной охраны высших должностных лиц. Например, такое взаимодействие может осуществляться при планировании визита охраняемого должностного лица в том или иной город. Возможно, например, участие объекта государственной охраны в благотворительных или иных акциях, которые организуются общественными

объединениями. В этом случае сотрудники органа государственной охраны решают вопросы обеспечения безопасности объекта государственной охраны на мероприятии, проводимом общественной или религиозной организацией.

В целом специального правового регулирования взаимодействия органов государственной охраны и общественных организаций не осуществляется. Взаимодействие основывается на общих нормах права, регулирующих взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений.

Можно выделить также следующие направления взаимодействия органов государственной охраны и общественных объединений:

- обсуждение плана проводимых общественными объединениями мероприятий, в которых участвует должностное лицо, являющееся объектом охраны;

- обсуждение и согласование проводимых мероприятий безопасности, например, местоположения сотрудников охраны, времени участия должностного лица в мероприятии и т. д.;

- обсуждение применяемых технических средств и оружия, а также планов действия в чрезвычайных ситуациях;

- обращение члена общественного объединения в орган государственной охраны за решением тех или иных организационных вопросов (например, в случае, если общественной организации необходимо оказать содействие в обеспечении мер безопасности; хотя эта задача и не входит в круг обязанностей органов государственной охраны, но они по своей инициативе могут оказать содействие по такому обращению);

- организация совместных социально-культурных мероприятий, посвященных значимым датам в истории России.

В качестве примеров совместной деятельности общественных объединений и органов государственной охраны можно привести следующие организованные мероприятия.

Так, 23 апреля 2015 года на Поклонной горе в г. Москве в честь 70-летия Великой Победы и в память о погибших в годы Великой Отечественной войны сотрудниками государственной охраны и правительственной связи комитетом Общероссийской общественной организации ветеранов органов государственной охраны совместно с фондом «Стрелец» и Ассоциацией ветеранов «Девятичи» осуществлена высадка 45 голубых елей. Для участия в церемонии пригласили участников Великой Отечественной войны, ветеранов и молодых сотрудников ФСО России, военнослужащих Президентского полка, представителей государственных и общественных организаций, работников средств массовой информации [2].

Сотрудники органов государственной охраны, кроме того, могут являться членами общественных объединений и непосредственно участвовать в их работе. Согласно ч. 2 ст. 9 Федерального закона от 27 мая 1998 г.

№ 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» военнослужащие могут состоять в общественных, в том числе религиозных, объединениях, не преследующих политические цели, и участвовать в их деятельности, не находясь при исполнении обязанностей военной службы. Таким образом, сотрудники органов государственной охраны, которые являются военнослужащими, могут участвовать в деятельности общественных объединений лично (на добровольных основах), не находясь при исполнении служебных обязанностей (необходимое условие). Военнослужащим не запрещено участвовать в таких общественных объединениях, предусмотренных Федеральным законом «Об общественных объединениях», как общественная организация, движение, фонд и т. д., создаваемых в целях реализации социально-экономических прав и законных интересов военнослужащих, например, таких, как профессиональные союзы военнослужащих [3].

Таким образом, основой взаимодействия органов государственной охраны и общественных организаций является совместное решение задач возложенных на органы государственной охраны в совокупности с удовлетворением интересов и потребностей членов общественных объединений.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. URL: www.deviatichi.ru/news/296.html.

3. Корякин В. М., Кудашкин А. В., Фатеев К. В. Военно-административное право (военная администрация): учебник. М., 2008. С. 215.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Тихалева Елена Юрьевна,
кандидат юридических наук
(Академия ФСО России)

Афони́на Е. Г.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ СО СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО ВОПРОСАМ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДЕТСКОГО ДОРОЖНО-ТРАНСПОРТНОГО ТРАВМАТИЗМА

В настоящей статье рассматривается понятие «взаимодействия» с различных научных точек зрения. Автором анализируется деятельность конкретных субъектов взаимодействия по вопросам предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма.

Ключевые слова: детский дорожно-транспортный травматизм, взаимодействие, информационное взаимодействие, субъекты взаимодействия.

В настоящее время в странах Европы и мира причиной гибели, получения травм и увечий людей разного возраста, стали дорожно-транспортные происшествия, при этом детская смертность и инвалидность в результате аварий вызывает особое беспокойство. В сложившейся обстановке стремительно развивающейся автомобилизации, обществу просто необходим механизм, который станет стабилизирующим фактором, влияющим на частоту ДТП с участием детей. С целью снижения до минимума уровня аварийности, необходима аккумуляция сил и средств заинтересованных субъектов. Эффективность деятельности структурных подразделений ГИБДД МВД России по взаимодействию с другими субъектами по вопросам предупреждения детского дорожно-транспортного травматизма зависит от их заинтересованности, осознания необходимости взаимодействия для решения общей задачи по обеспечению безопасности на дорогах, умения наладить тесное сотрудничество.

По мнению В. К. Звирбуль, «под взаимодействием понимается всякая согласованная деятельность государственных органов и общественных организаций по выполнению общих задач» [1].

Знаменательно мнение таких ученых как И. И. Веремеенко, С. С. Стрельникова, В. Г. Аксенова, которые определяют взаимодействие как «деятельность, согласованную между собою по целям, месту и времени при рациональном распределении существующих сил и средств» [2].

Нельзя не согласиться и с А. Н. Сагиндыковой и А. Б. Южаковым [3], понимающими под взаимодействием «совместную согласованную дея-

тельность субъектов в целях борьбы с правонарушениями, в том числе и в области обеспечения безопасности дорожного движения».

В свою очередь, представляет особый интерес, следующая трактовка термина «взаимодействие» «... согласованные по целям, времени и месту усилия и взаимная помощь всех служб и подразделений милиции, а также других органов государства и общественных организаций при выполнении стоящих перед ними задач по охране общественного порядка и общественной безопасности» [4].

В толковом словаре слово «взаимодействие» имеет следующее значение: «соблюдать обоюдность, равные, взаимные действия и отношения» [5].

Субъектами деятельности по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма являются: подразделения по делам несовершеннолетних, участковые уполномоченные полиции, заинтересованные федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления, образовательные учреждения и организации, общественные объединения, СМИ [6].

Учитывая то, что ребенок в раннем возрасте усваивает полученную им информацию гораздо лучше, чем взрослый человек, и способность к обучению и восприятию у детей очень высока, то и изучение Дорожной грамоты должно начинаться с детского сада, продолжаться в школе, в средне-специальных и высших учебных заведениях.

Обучение детей навыкам дорожной безопасности должно включать в себя изучение Правил дорожного движения – именно как документа, правила, которое необходимо соблюдать повседневно, отработку алгоритма действий поведения на дороге и вблизи нее, объясняя ребенку, что он является полноценным участником дорожного движения. Этими действиями возможно добиться положительного результата и начать формировать у детей дошкольного возраста правовую культуру поведения и правосознание.

В 1995 г. Закон РФ от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ «О безопасности дорожного движения» закрепил основные принципы и необходимую сферу регламентации безопасности дорожного движения, определил права и обязанности участников дорожного движения, рассмотрел основные требования по подготовке водителей [7].

В Законе сказано что, «обучение граждан правилам безопасного поведения на автомобильных дорогах осуществляется организациями, осуществляющими образовательную деятельность, в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами, предусматривающими такое обучение». В свою очередь, обучение «осуществляется на основании методических рекомендаций, разрабатываемых совместно с федеральными органами исполнительной власти, осуществляющими уп-

правление соответственно в области транспорта, образования, здравоохранения и социальной защиты населения». Данное обстоятельство, прописанное в законе, дает право утверждать, что органы полиции, в лице подразделений пропаганды и иных заинтересованных субъектов, имеют обязанность взаимодействия с учреждениями образования, что подтверждает пункт 4 анализируемого Закона: «органы внутренних дел Российской Федерации и государственные средства массовой информации обязаны оказывать помощь в проведении мероприятий по обучению граждан правилам безопасного поведения на дорогах» [8].

Кроме того, в статье 10 ФЗ «О полиции» сказано, что «полиция в пределах своих полномочий оказывает содействие государственным и муниципальным органам, общественным объединениям и организациям в обеспечении защиты прав и свобод граждан, соблюдения законности и правопорядка, а также оказывает поддержку развитию гражданских инициатив в сфере предупреждения правонарушений и обеспечения правопорядка», в свою очередь, «государственные и муниципальные органы, общественные объединения, организации и должностные лица должны оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей» [9].

Опираясь на вышеизложенное, и, учитывая существующие проблемы в сфере детского дорожно-транспортного травматизма, взаимодействие органов образования и подразделений полиции является необходимым в сложившейся обстановке мероприятием, требующим максимальной согласованности действий и постепенной реализации всех возможностей этих субъектов.

Средства массовой информации осуществляют свою деятельность на основании Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» [10].

В настоящее время, в России сложилась такая ситуация, которая дает право полагать, что пропаганда безопасности дорожного движения осуществляется не на должном уровне. Это стало возможным ввиду того, что на сегодняшний день в обществе не были сформированы ценностные ориентиры, касающиеся неукоснительного соблюдения Правил дорожного движения. С детства ребенка должны воспитывать в духе следования моральным ориентирам, которые бы обеспечили в будущем их законное поведение.

Представляется, что в век информационных технологий и быстрого развития науки и техники, наряду с постоянно растущим количеством автомобилей на дорогах и, соответственно, автоаварий, в том числе и с участием детей, просто необходимо искать качественно новые подходы в деятельности по пропаганде безопасности дорожного движения с участием детей. Представляется, что информационное воздействие, оказываемое на общество в рамках пропаганды безопасности дорожного движения должно

носить систематический, разноплановый и инновационный характер, при этом должен быть достигнут разумный компромисс между внедрением дорогостоящих современных технологий и рациональностью расходования бюджетных средств.

Безусловно, важным и наиболее массовым инструментом информационного воздействия на население является внедрение различных форм социальной рекламы, которая может быть реализована в виде специализированных видеороликов в кинотеатрах и на телевидении, различных мультимедийных решений, реализованных на интернет-сайтах государственных органов, а также путем размещения различной печатной продукции.

Таким образом, можно заключить, что в последние годы инструментарий для реализации различных форм пропаганды безопасности дорожного движения существенно расширился. В то же время наряду с появившимися многогранными возможностями реализации форм пропаганды, зачастую представителям средств массовой информации не хватает системного, комплексного подхода к освещаемой проблеме. Материалы подготавливаются поверхностно, без детального рассмотрения, отдельные события в работе ГИБДД привлекают внимание журналистов, и ими соответственно размещаются в СМИ. Однако, материалы могут оказаться искаженными, неверно изложенными в трактовке журналиста. Недостатком является и отсутствие достаточного количества профессиональных и заинтересованных в достоверных данных средств массовой информации, высоко профессиональных журналистов, отсутствие средств распространения информации.

На сегодняшний момент актуальной остается тема взаимодействия СМИ с Госавтоинспекцией при проведении различных профилактических мероприятий. Решение задач, стоящих перед данными субъектами, требует безотлагательного внедрения новых форм и методов пропагандистской деятельности подразделениями ГИБДД в тесном взаимодействии с населением, при этом основной акцент должен уделяться внедрению инновационных технологий в образовательный процесс подготовки и переподготовки сотрудников Госавтоинспекции.

-
1. Звирбуль В.К. Деятельность прокуратуры по предупреждению преступлений. М., 1971. С. 144.
 2. Аксенов В. Г., Веремеенко И. И., Стрельников С. С. Взаимодействие органов внутренних дел с добровольными дружинами. М., 1975. С. 7.
 3. Сагиндыкова А. Н., Ховралев А. Л., Южаков А. Б. Деятельность участковых уполномоченных милиции в сфере охраны общественного порядка (конституционные и административные аспекты): монография. Екатеринбург, 2004. 179 с.

4. Розин Л. М. Организация взаимодействия службы охраны общественного порядка с государственными органами и общественными организациями. М., 1978. С. 10.
5. Даль В. И. Толковый словарь великорусского языка. М., 1998. С. 466.
6. Об организации работы Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации по пропаганде безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 2 декабря 2003 г. № 930. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
7. Левшина Е. Н. Взаимодействие образовательных учреждений и Управления внутренних дел по профилактике детского дорожно-транспортного травматизма (на примере Ставропольского края): дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2005. С. 59.
8. О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
9. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
10. О средствах массовой информации [Электронный ресурс]: Закон Рос. Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Афониная Евгения Григорьевна,
адъюнкт кафедры организации деятельности ГИБДД
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Аюсинов А. Е.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ КАК ОСНОВА НЕДОПУЩЕНИЯ ПРОВОКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОВЕРОЧНОЙ ЗАКУПКИ

В статье анализируются проблемы, возникающие в связи с нарушением законности, органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность при проведении проверочной закупки, а также случаи признания таких действий провокацией преступления на основе анализа российской судебно-следственной практики.

Ключевые слова: проверочная закупка, провокация преступления, оперативно-розыскное мероприятие, незаконный оборот наркотических средств.

Законность проведения любого оперативно-розыскного мероприятия, в т. ч. проверочной закупки, означает строгое соблюдение правовых предписаний, предусмотренных действующим законодательством.

Основным нормативно-правовым актом, регулирующим порядок проведения оперативно-розыскных мероприятий, является Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». Одно из главных условий проведения проверочной закупки закреплено в ч. 7 ст. 8 вышеупомянутого Федерального закона: «проверочная закупка веществ, свободная реализация которых запрещена, проводится на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность» [1]. Кроме того, при определении законности любого оперативно-розыскного мероприятия следует отметить важность положения, содержащегося в п. 20 «Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору или в суд», утвержденной Приказом МВД России, ФСБ России/ФСИН России/ФСКН России и др. от 27 сентября 2013 г.: «результаты оперативно-розыскной деятельности, представляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, удовлетворяющие требованиям уголовно-процессуального законодательства, предъявляемым к доказательствам в целом, к соответствующим видам доказательств, содержать сведения, имеющие значение для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, указания на оперативно-розыскные мероприятия, при проведении которых получены предполагаемые доказательства, а также данные, позволяющие проверить в условиях уголовного судопроизводства доказательства, сформированные на их основе» [2].

В качестве примера нарушения вышеобозначенных требований законности к проведению оперативно-розыскных мероприятий следует упомянуть судебное решение по уголовному делу, приводимое в «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ», утвержденном Президиумом Верховного Суда РФ от 27 июня 2012 г. [3] Вольским районным судом Саратовской области Г. обвинялся по п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1, ч. 1 ст. 30, п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ. Однако, по отдельному эпизоду было установлено, что постановление о проведении оперативно-розыскного мероприятия было вынесено 11 марта 2011 г., тогда как по факту данное мероприятие было проведено гораздо раньше – 7 марта 2011 г. В итоге по данному эпизоду Г. был оправдан в части предъявленного обвинения.

Еще одной причиной пересмотра судебных решений является отсутствие обоснованности проведения оперативно-розыскного мероприятия. Именно в случае несоблюдения обоснованности проведения оперативно-розыскного мероприятия Верховный Суд РФ усматривает провокацию преступления со стороны правоохранительных органов. Ст. 6 Европейской Конвенции «О защите прав человека и основных свобод» свидетельствует, что общественные интересы в борьбе против наркоторговли не могут оправдать использование доказательств, полученных в результате провокации правоохранительных органов. В обозначенном нами выше Обзоре впервые на законодательном уровне было дано определение провокации со стороны сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность при выявлении лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Так, в качестве провокации сбыта Верховный Суд РФ обозначил подстрекательство, склонение, побуждение в прямой или косвенной форме к совершению противоправных действий, направленных на передачу наркотических средств сотрудникам правоохранительных органов (или лицам, привлекаемым для проведения ОРМ) [3].

Кроме того, законодательно установлено, что результаты оперативно-розыскного мероприятия могут быть положены в основу приговора, только если они получены в соответствии с требованиями закона и свидетельствуют о наличии у виновного умысла на незаконный оборот наркотических средств, сформировавшийся независимо от деятельности сотрудников оперативных подразделений.

Наиболее распространенными причинами пересмотра судебных решений из-за имеющегося факта провокации является наличие у сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, не подтвержденной должным образом информации о том, что то или иное лицо занимается преступной деятельностью. В качестве ничем не подтвержденных источников Верховный Суд РФ в своих решениях чаще всего указывает рапорта сотрудников, их утверждения в суде, показания свидетелей и иные источники информации.

Также следует отметить, что довольно распространенными ситуациями, идущими в разрез с задачами оперативно-розыскной деятельности, являются осуществление действий сотрудниками правоохранительных органов по проведению оперативно-розыскных мероприятий непосредственно после выявления фактов преступной деятельности, вместо ее пресечения. В рассматриваемом нами ранее «Обзоре судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ» Верховный Суд РФ указал, что необходимость проведения повторного оперативно-розыскного мероприятия, а также очередной проверочной закупки у одного и того же лица должны быть обоснованы и мотивированы,

в т. ч. новыми основаниями и целями, с вынесением нового мотивированного постановления, утвержденного в обязательном порядке руководителем органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность. При этом достаточно четким образом Верховный Суд РФ перечислил цели, при наличии которых проведение повторных оперативно-розыскных мероприятий не будет подвергаться сомнению: пресечение и раскрытие организованной преступной деятельности, установления всех соучастников преступления, выявление преступных связей участников незаконного оборота наркотических средств, установление каналов поступления наркотических средств и др. Также, в качестве оснований осуществления еще одной, к примеру, проверочной закупки, Верховный Суд РФ предусмотрел случаи, когда цели, при проведении предыдущего оперативно-розыскного мероприятия достигнуты, не были.

Так, приговором Набережночелнинского городского суда П. был признан виновным в трех покушениях на сбыт наркотических средств по ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 228.1, ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ за совершение двух преступлений. Верховным Судом Республики Татарстан приговор изменен, поскольку суд первой инстанции не привел в приговоре доказательств, подтверждающих необходимость проведения еще двух проверочных закупок, после того, как 8 апреля 2011 г. оперативные сотрудники выявили факт передачи П. героина. Согласно ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований уголовно-процессуального законодательства, являются недопустимыми. В результате в части осуждения П. по эпизодам 12 и 26 мая 2011 г. Верховный суд Республики Татарстан отменил [4].

Подчеркнем еще раз, что осуществление оперативно-розыскной деятельности подобным образом в корне противоречит Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности», в котором указано, что проведение любого оперативно-розыскного мероприятия должно своей целью иметь, во-первых, выявление, а, во-вторых, пресечение преступной деятельности.

Подводя итог вышесказанному, следует отметить, что в целом соблюдение такого важнейшего принципа как законность является одним из ключевых моментов, как в процессе предварительного расследования, так и на стадии судебного разбирательства. Ошибки, которые допускают правоохранительные органы в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности, нередко становятся причиной не только неправильной квалификации действий лиц, причастных к сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, но и ставят под сомнение наличие признаков состава преступления в их поведении в целом.

1. Об оперативно-разыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-разыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [Электронный ресурс]: Приказ МВД России/Минобороны России/ФСБ России/ФСО России/ФТС России/СВР России/ФСИН России/ФСКН России/СК России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Обзор судебной практики по уголовным делам о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ [Электронный ресурс]. URL://http://lawsrf.ru/vsrf/review/993 (дата обращения: 13 мая 2015 г.).
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Республики Татарстан за четвертый квартал 2012 года [Электронный ресурс]. URL: //http://vs.tat.sudrf.ru/modules.php?name=docum_sud&id=148 (дата обращения: 3 мая 2015 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Аюсинов Алексей Есимович,
адъюнкт
(Нижегородская академия МВД России)

Болотова А. А.

ЗАБИЮРОКРАТИЗИРОВАННОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЕЕ МЕСТО В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ ПО ИНДЕКСУ ВОСПРИЯТИЯ КОРРУПЦИИ

В статье автор проанализировал индекс восприятия коррупции и место Российской Федерации среди стран мирового сообщества по уровню коррупции. Антикоррупционная политика России и причины ее неэффективности.

Ключевые слова: степень коррупции, уровень коррупции, государственная служба, гражданское общество, антикоррупционная борьба, антикоррупционная политика.

Ежегодно Transparency International по итогам исследования составляется индекс восприятия коррупции, то есть рейтинг, отражающий оценку уровня коррупции аналитиками и предпринимателями по десятибалль-

ной шкале. Первые три места в общем рейтинге заняли Дания (91 балл), Финляндия (90 баллов) и Швеция (89 баллов).

Россия заняла 119 место (29 баллов), оказавшись в одном ряду с Азербайджаном, Гайаной и Сьерра-Леоне. В прошлом году наша страна получила 27 баллов и заняла 136 место [1]. Из-за нерешительных действий в преследовании коррупционных преступлений и хаотичности применения мер по противодействию коррупции Россия остаётся в последней трети Индекса восприятия коррупции (ИВК). Что крайне отрицательно сказывается как на перспективах экономического роста и повышении инвестиционной производительности Российской Федерации, так и на общем доверии граждан к эффективности усилий власти по противодействию коррупции.

На наш взгляд, Россия занимает свое место в ИВК по ряду основных причин:

1) Резонансные коррупционные дела стагнируют. Несмотря на работу профессиональных государственных институтов, расследования крупных коррупционных дел национального и международного уровня не дают необходимого результата. Ярким примером ухода от ответственности стало дело Оборонсервиса, обвинение по которому было предъявлено бывшей главой департамента имущественных отношений Минобороны России Евгении Васильевой. При этом экс-министр Анатолий Сердюков остался в статусе свидетеля, при всей очевидности его причастности к преступлениям. 4 октября 2013 года Васильевой было предъявлено обвинение в окончательной редакции, по четырем статьям Уголовного кодекса РФ – мошенничество, легализация преступных доходов, превышение и злоупотребление должностными полномочиями, по 12 эпизодам, общий ущерб по которым, составил более трех миллиардов рублей. По совокупности Васильевой могло быть назначено наказание до 12 лет лишения свободы, однако уже в августе 2015 года она была отпущена на основании условно досрочного освобождения. Таким образом, были нарушены основные принципы уголовного права – принцип неотвратимости уголовной ответственности, принцип справедливости, принцип равенства граждан перед законом. Наличие подобных явлений в правоприменительной практике свидетельствует о низкой эффективности борьбы с коррупцией и увеличивают индекс восприятия коррупции.

2) Низкий уровень международного антикоррупционного сотрудничества. Россия оказывается неспособной защитить свои национальные интересы, и привлечь к ответственности бывших должностных лиц, виновных в совершении коррупционных преступлений, несмотря на то, что Конвенция ООН противодействия коррупции в главе 4 предусматривает ряд инструментов для международного сотрудничества [2].

3) Эффективность такой меры борьбы с коррупцией как декларирование доходов также оказалась не высокой. Ряд государственных служа-

щих в официальных документах скрывают свои реальные доходы, получаемые вследствие своего должностного положения, регистрируя огромные состояния на своих приближенных. Угроза увольнения в связи с утратой доверия не может остановить чиновников создавать и дальше условия протекционизма для бизнеса своих друзей и родственников.

4) Давление на некоммерческие организации и независимые СМИ. Закон, ограничивающий долю иностранцев в СМИ, приравнивание блогеров к журналистам и запрет на рекламу на каналах кабельного телевидения создают объективные препятствия для расширения спектра средств массовой информации, освещающих проблему коррупции и проводящих независимые журналистские расследования.

5) Почву для коррупции создает доступ к финансовым средствам государства. Реализация крупных национальных и инфраструктурных проектов – выбор подрядчиков, налоговые льготы, бюджетные субсидии, непрозрачное назначение единственного поставщика становятся детерминантами коррупционной преступности. Такая ситуация не только негативно влияет на экономическую составляющую больших проектов, но и создаёт фон социального недоверия к заявленным целям.

Борьба с коррупцией сегодня – это один из важнейших вопросов в российской и международной повестке дня. Президентом России Владимиром Владимировичем Путиным 11 апреля 2014 г. был утвержден Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы [3]. Данный Национальный план является уже четвертым подобным документом. Впервые План противодействия коррупции был утвержден президентом Медведевым в июле 2008 г. и был рассчитан на 2008 и 2009 гг. Далее последовали Национальные планы 2010–2011 и 2012–2013.

Значительная часть перечисленных в Плате пунктов являются продолжением мер из предыдущих Национальных планов, а их исполнителями назначены все ветви федеральной и региональной власти.

Однако в документе отмечаются новеллы [4]:

- Создание в России автоматизированной системы мониторинга деклараций. До сих пор должностные лица и депутаты подают свои декларации в бумажном виде. В Национальном Плате предлагается модернизировать подачу деклараций посредством создания специальных электронных баз данных, которые будут аккумулировать все сведения.

- Банку России поручено наладить систему сбора информации о том, есть ли у чиновников высших категорий иностранные счета или вложения в финансовые инструменты.

- Приоритетом становится антикоррупционное просвещение молодежи. В Российских академиях народного хозяйства и государственной службы будут открыты специальные курсы для преподавателей – специалистов по противодействию коррупции. Вузам, которые готовят бакалавров по специальности «Государственное и муниципальное управление»,

настоятельно рекомендовано включить в программу специальный антикоррупционный курс.

- Правительству и Президиуму Совета по противодействию коррупции предписано разработать законопроекты по защите заявителей о коррупции от действий тех, о чьих правонарушениях они сообщают. Эта норма является крайне важным шагом в борьбе с коррупцией в Российской Федерации, необходима ее точная реализация на практике, выработка доверия граждан и реальное обеспечение безопасности лицам, пострадавшим от коррупционных преступлений. А это долгий и трудоемкий процесс.

- Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ назначен официальным и монопольным НИИ по теме противодействия коррупции. Специалистам Института предстоит провести научные исследования законодательства и правоприменительной практики по многим вопросам, включая правовую природу коррупционных преступлений и бездействия на них, административную ответственность юридических лиц за коррупцию, организацию защиты заявителей о коррупции, исполнение Россией международного законодательства с учетом национальных особенностей.

- Представителям средств массовой информации и других профессий, связанных с обеспечением общественных интересов в Плане, рекомендуется разработать порядок предания гласности сведений о доходах и расходах государственных служащих, деятельность которых вызывает общественный резонанс (например, популярные фигуры политических партий, кандидаты на замещение высших государственных должностей и другие) и разместить эти сведения на сайтах сети Интернет.

- Отдельным пунктом в Плане упоминаются Крым и Севастополь, на которые должны распространяться принятые антикоррупционные меры.

Национальный план по замыслу законодательных органов должен заработать сам по себе, исходя из внутренней мотивации органов и учреждений, упомянутых в документе закрыть собственные коррупционные возможности и прекратить акты проявления коррупции на своих внутренних морально-волевых качествах. Однако больше всего в борьбе с коррупцией нуждаются не должностные лица, а рядовые граждане и бизнесмены. Тем не менее, в Национальном плане они упоминаются вскользь, современным методам гражданского активного общества и контроля в нем места не выделено.

Основной риск, связанный с принятым документом состоит в его формальном выполнении, как это было с предшественниками Национального плана на 2014–2015 годы. Сложно говорить о доверии к власти как граждан, так и бизнеса, в условиях, когда граждане не могут обеспечить реальную представительность в органах власти всех уровней, а бизнес чувствует зависимость от администрации и не может отстаивать свои права «играя» по уже установленным правилам.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что нормативные правовые акты и меры, предпринимаемые государством в антикоррупционной политике, не эффективны. Что еще раз из года в год нам демонстрирует Индекс восприятия коррупции России и, ее место среди других стран мирового сообщества. Все по тому, что данные меры не заработают сами по себе. Нельзя начать с конкретной сферы жизни общества или отдельных граждан, так как коррупция подобно болезни, поразила все области жизнедеятельности людей. Необходимо разработать целый комплекс средств, направленных на борьбу с коррупционными проявлениями и начинать с «верхов» государственной власти, избегая неприкосновенности и политики двойных стандартов.

В правильном направлении начали действовать некоммерческие организации, создавая детские антикоррупционные пособия. Воспитание нового поколения должно пополнить ряды сильного и активного гражданского общества, с малых лет относящихся к коррупции как к злу. По данным Барометра мировой коррупции российское гражданское общество уже готово занять активную позицию в антикоррупционной борьбе. Помощь в реализации общественной борьбы должна исходить от государства, поощряться и контролироваться им, направляя деятельность общественных организаций в правильное русло, дабы избежать хаоса.

1. Индекс восприятия коррупции–2015 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.transparency.org.ru/indeks-vospriatiia-korruptcii/indeks-vospriatiia-korruptcii-2015-rossiia-podnialas-na-119-mesto> (дата обращения: 9 марта 2016 г.).

2. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята Генеральной Ассамблеей ООН 31 октября 2003 г.: ратифицирована Федер. законом Рос. Федерации от 8 марта 2006 г. № 40-ФЗ: с заявлениями. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. О Национальном плане противодействия коррупции на 2014–2015 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 11 апреля 2014 г. № 226. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Национальный план противодействия коррупции на 2014–2015 годы [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161699/3f23d22078dd93d70a5e45d0416ec686f2cd2537 (дата обращения: 5 марта 2016 г.).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Болотова Анна Андреевна,
курсант 401 учебной группы
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Алексеева Лилия Алексеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Гущина Е. М.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В настоящей статье рассмотрены некоторые теоретико-правовые аспекты исследования динамики общественного правосознания российского государства. Рассматривается общественное правосознание, как форма отражения объективной реальности, которая определяет происходящие в обществе и государстве процессы.

Ключевые слова: правосознание, общественное правосознание, теоретико-правовые аспекты общественного правосознания, общественное правосознание российского государства.

Исследование общественного правосознания представляется чрезвычайно актуальным, поскольку в процессах регулирования поведения людей правосознание представляет собой важный механизм включения правового предписания в сознании человека и выражения его в действиях и поступках.

Правосознание является сложным феноменом, важность которого обусловлена направленностью на постижение права во всех его формах и видах. С одной стороны, оно выступает специфическим способом духовного познания действительности. С другой, согласно традиционной отечественной юридической теории, правосознание отражает правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих деятельность людей в юридически значимых ситуациях [1]. Правосознание также образует необходимый психологический и идейно-мировоззренческий контекст соблюдения человеком юридических норм, определяя правовые представления о справедливости прав, обязанностей, дозволений и ограничений, запретов, оказывая влияние на формирование мотивов и установок поведения общества.

Правосознание оказывает существенное воздействие на регулирование многих жизненных процессов в обществе и государстве. Общественное правосознание – основа положительного функционирования политической и правовой систем.

Как достоверно отмечал Б. А. Кистяковский, что своего полного развития правовое государство достигает только при высоком уровне правосознания в народе и при сильно развитом в нем чувстве ответственности [2].

В настоящее время вопрос стоит о том, что изменения в правосознании определяют будущее правовой системы, следовательно, общественной системы в целом.

Таким образом, общественное правосознание выступает одним из важнейших управленческих ресурсов, с помощью которого управляющие общественные структуры совершенствуют социально-правовую практику.

Общественное правосознание, представляя собой форму отражения объективной реальности, отражает происходящие в обществе процессы, подвергаясь влиянию всей социальной системы, а также само оказывает существенное влияние на происходящие в нем процессы, участвуя как в правотворческой, так и в правоприменительной деятельности государства.

Общественное правосознание проявляется во всех областях деятельности государства, сказывается в устройстве и функционировании его государственных и общественных институтов, внутренней и внешней политике, духовной и материальной жизни общества.

Это обусловлено тем, что существование права неразрывно связано с волей и сознанием людей. Юридические предписания, представляющие требования общественной жизни, не могут быть выражены до тех пор, пока не пройдут через волю и сознание людей. Несмотря на это и воздействие права на общественные отношения осуществляются через волю и сознание граждан.

Поэтому, действующее в тот или иной исторический период право рассматривается, оценивается и корректируется с позиций общественного правосознания, а также моральных принципов и норм.

Таким образом, право как нормативная система регулирования поведения людей реализуется в той мере, в какой общество способно его осмыслить и усвоить, то есть является осознанным.

Любой процесс изменения общественного правосознания оказывает влияние не только на правотворчество, но и на правоприменительную практику, а также правовое поведение массы людей.

В правосознании общества аккумулируется правовой и духовный опыт государственной системы, поэтому трансформация, присущая правосознанию в те или иные исторические периоды, заслуживает особого внимания.

Именно поэтому, необходимо рассматривать исторический опыт политико-правового развития нашего государства, что является ценным для сегодняшнего дня. Важно не только оценить противоречивый характер этого опыта, но и проследить его в историческом развитии, в чередовании различных этапов, объективных достижений и явных неудач.

Рассмотрение общественного правосознания немыслимо вне исторического контекста, который предполагает обращение к факторам генезиса национального общественного правосознания, его смыслообразующим идеям и правоаксиологическим установкам.

Исследование общественного правосознания, путем обращения к историческим периодам развития российского государства, в значительной степени обусловлено объективной необходимостью разработки общенациональной государственно-правовой идеологии, ориентированной на позитивные, исторически детерминированные интенции национального общественного правосознания.

Постижение прошлого – не столько познавательный процесс, в котором, в сущности, нет ничего от исторического сознания, сколько определение индивидом, обществом, родом себя по отношению к прошлому, а именно или освобождение, отказ от него (стать не помнящим родства), или принятие его, вбирание в себя [3].

Вышесказанное имеет отношение не только к социальным ситуациям прошлого. Например, современная правоприменительная практика постоянно сталкивается с проблемой неисполнения законов, своеобразным «вакуумом» практического применения правовых норм и законопослушания. Но не только народ, чье поведение является объектом нормативно-правового регулирования, но и субъекты законодательной, исполнительной и судебной деятельности руководствуются в своих повседневных действиях неписаными нормами массовых правовых представлений, далеко не всегда совпадающих с правовыми нормами. Проблема соотношения законодательства и его практического применения – «вечная» проблема. Любые попытки ее решения требуют изучения правового опыта.

Большинство возникающих проблем и противоречий в процессе реформирования политической и правовой системы, с которыми сталкивается российская государственная власть, коренятся в особенностях национального общественного правосознания.

Рассмотрение проблемы подобного рода в теоретико-правовом аспекте целесообразно исследовать путем выхода на «человеческое» содержание, «общественное» измерение процесса формирования правосознания и права.

Таким образом, обращение к историческим этапам развития общественного правосознания, анализ деятельности партийно-государственных органов по формированию правосознания у населения позволяет не только восстановить общую картину формирования правосознания российского

государства, но и использовать положительный опыт прошлых лет в формировании системы правового регулирования современного российского общества.

Если мы понимаем, каковы доминанты духовности народа в конкретный исторический этап развития общества, тогда становится ясным и то, какие идеи господствуют и непременно должны выполнять системообразующую роль в реальном правосознании. В своей совокупности эти идеи выражают общественный «дух» конкретного исторического периода нашей страны, являются своеобразным «смысловым наполнителем» определенных социальных отношений [4].

Именно поэтому, изучение генезиса, динамики и функциональных характеристик, а также анализ общественного правосознания исторических периодов российского государства позволяют ответить на вопрос, почему те или иные институты, отношения и действия, существующие в различные исторические этапы, выделяются как правовые, почему различаются ценностные характеристики равнозначных, на первый взгляд, феноменов.

Поскольку современный мир является одной из самых динамичных систем, постоянно возникают новые социально-духовные ситуации, в том числе и правовые, переосмысление которых необходимо для уяснения закономерностей развития общества.

Таким образом, исследование характера российского общественного правосознания в различные исторические периоды позволяет уяснить существо и перспективы дальнейшего развития российского государства и общества, а также, непосредственно выводит на осмысление и решение целого комплекса вопросов правового воспитания.

-
1. Теория государства и права / под ред. В. П. Малахова, В. Н. Казакова. М.: Академический Проект, Екатеринбург: Деловая книга, 2002. 576 с.
 2. Кистяковский Б. А. В защиту права // Вехи: сб. статей о русской интеллигенции. М., 1991. С. 136.
 3. Исторические основания правовой науки: сборник научных статей. М.: Издательство «Юрист», 2012.
 4. Малахов В. П. Правосознание: природа, содержание, логика. М., 2001. С. 330–331.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Гущина Екатерина Михайловна,
адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Дерябина М. С.

ПРАВО НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ НА ЗАЩИТУ

В статье исследуется ряд проблем, связанных с нарушением права на защиту несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в современном уголовном процессе России. Приведены реальные примеры таких нарушений, основанные на данных, полученных из обзоров судебных практик. Кроме того, определены основные методы и способы решения выявленных нарушений.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетний, личность, охрана прав, процессуальный статус, подозреваемый, обвиняемый, право на защиту.

Одним из важнейших принципов уголовного судопроизводства является право на защиту. От его реализации зависит справедливость и объективность правосудия. Это право закреплено за каждым лицом, подозреваемым или обвиняемым в совершении преступления, независимо от его имущественного положения, гражданства, социального статуса, пола, расы, вероисповедания, возраста, в том числе оно закреплено за лицом, не достигшим к моменту совершения преступления 18 лет.

Несовершеннолетние – самая незащищенная и уязвимая категория социальных групп. Именно поэтому, создание дополнительных механизмов охраны их прав в процессе осуществления уголовного процесса – важнейшая задача государства и правоохранительных органов.

Особенности уголовно-правового положения несовершеннолетнего лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, закрепляются в главе 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) «Производство по уголовным делам в отношении несовершеннолетних». Основой обеспечения принципа права на защиту является обязанность органа, осуществляющего уголовное преследование, разъяснить несовершеннолетнему, подозреваемому или обвиняемому в совершении преступления, его права и обеспечивать в силу статьи 51 УПК РФ обязательное участие защитника и законного представителя, а также возможность защищаться всеми, не запрещенными УПК РФ способами и средствами лично, либо с помощью защитника и законного представителя. Помимо этого, при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно [1]. Данные правила, закрепленные в нормах УПК РФ, выступают в качестве дополнительных гарантий защиты прав несовершеннолетнего в уголовном судопроизводстве. Поэтому деятельность органов уголовного преследова-

ния по обеспечению и соблюдению прав и свобод, законных интересов несовершеннолетних находится под пристальным вниманием не только прокурорского, но и ведомственного контроля. Но, несмотря на это, в настоящее время на досудебных стадиях уголовного процесса, наблюдается нарушение прав несовершеннолетних сотрудниками органов уголовного преследования, в том числе сотрудниками ОВД.

Проблема обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве является одной из наиболее дискуссионных в юридической науке. Как правило, исследуется она в рамках отдельных подпроблем, связанных с особенностями процессуального статуса данных лиц. К наиболее разработанным вопросам следует отнести вопрос об обеспечении прав несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, процессуальный статус которых стал предметом научных исследований многих ученых: О. Ю. Андрияновой, О. Х. Галимова, Н. И. Гуковской, А. П. Гуськовой, А. С. Ландо, Э. Б. Мельниковой, С. В. Тетюева, Р. С. Хисматуллина и других.

Несмотря на множество высказанных мнений и точек зрения, проблема защиты прав несовершеннолетних в уголовном процессе остается актуальной на сегодняшний день и требует хорошо изученного, проанализированного и закрепленного в законодательстве пути решения. Рассмотрим наиболее часто совершаемые, на мой взгляд, примеры нарушений прав несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого на досудебной стадии уголовного судопроизводства.

Так, одним из наиболее распространенных нарушений прав данной категории лиц, является не соблюдение правила об участии педагога и психолога в проводимых следственных действиях (допрос, очная ставка) [1]. Показания лица, полученные без участия педагога или психолога, в силу части 2 статьи 75 УПК РФ являются недопустимыми доказательствами. Присутствие психолога и педагога позволяет обеспечить общую психологическую и эмоциональную поддержку несовершеннолетнего в течение всего уголовного судопроизводства, с одной стороны, но с другой стороны, знания в области подростковой психологии необходимы при разоблачении несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) во лжи, самоговоре, или даче ими правдивых показаний. Важное значение имеет установление психологического контакта с несовершеннолетними в ходе производства допроса. Экспертные опросы показали, что чаще всего это касается подростков дерзких, неконтактных, в особенности в возрасте 9–12 лет и 16–17 лет. Следовательно, как психолог, так и педагог способствуют установлению истины по делу, обеспечивают возможность устранения риска появления психической травмы у несовершеннолетнего.

Так, в соответствии с «Обзором судебной практики по результатам изучения рассмотренных в 2014 году судами Нижегородской области в порядке главы 50 УПК РФ уголовных дел о преступлениях, совершенных не-

совершеннолетними», при расследовании дел о преступлениях несовершеннолетних, в том числе при производстве их допроса, не всегда соблюдается установленное ст. 425 и 191 УПК РФ правило об участии педагога и психолога [2]. Так же о нарушении соответствующих норм сказано в «Обзоре нарушений процессуального закона, допускаемых органами предварительного расследования по Рязанской области» [3].

Отмечаются нарушения права на защиту несовершеннолетнего, связанные с не обеспечением языка уголовного судопроизводства [4]. В данном случае речь идет о представлении процессуальных документов на языке, которым несовершеннолетний обвиняемый не владеет, либо нарушения права несовершеннолетнего обвиняемого давать показания и разъясняться на родном языке, с не разъяснением права на помощь переводчика. В качестве примера можно привести следующее: в уголовном деле по обвинению группы подростков в грабеже, следователь, обладая сведениями о том, что лица обучались в национальной школе, в этой связи языком судопроизводства свободно не владеют, не обеспечил им переводчика. В проводимых следственных действиях вопросы задавались на языке производства (русском), а ответы обвиняемых, прозвучавшие на другом (якутском), переводились и одновременно вносились в протокол этим же следователем [5].

Статья 421 УПК РФ гласит о том, что на стадии предварительного расследования и судебного разбирательства, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в статье 73 УПК РФ, устанавливаются условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и особенности его личности. То есть, необходимо собрать информацию об обстановке, где происходило становление личности несовершеннолетнего, – наличие в семье, школе, ближайшем окружении несовершеннолетнего, тех или иных условий для нравственного формирования личности, включая материально-бытовые условия, выполнение родителями обязанностей по воспитанию, связи и знакомства несовершеннолетнего и иные данные, характеризующие личность данного лица. Отсутствие такой информации препятствует установлению мотива совершенного преступления, а, следовательно, и установлению истины по делу. Так, очень часто, сотрудники органов предварительного расследования, в отношении подростков, состоящих на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних, не предпринимали необходимых действий по установлению психологического портрета личности, ссылаясь на то, что, как правило, таким лица присуще девиантное поведение.

Как видно из вышеизложенного, защита прав несовершеннолетних не обеспечивается на должном уровне. На практике часто нарушается процессуальный порядок расследования уголовных дел с участием в качестве подозреваемого и обвиняемого несовершеннолетних лиц, что в свою очередь ведет, во-первых, к нарушению одного из важнейших принципов уго-

ловного судопроизводства – законности, а во-вторых, развитию у подростков асоциальных наклонностей и негативного отношения, как к правоохранительным органам, так и к суду.

На мой взгляд, основными способами решения данной проблемы являются следующие способы:

– повышение профессиональной подготовки лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. То есть, необходимо не только знание норм уголовно-процессуального права, но и психологическое понимание должностными лицами важности и необходимости соблюдения всех предписаний закона;

– повышение психолого-педагогических знаний должностных лиц, необходимых для установления контакта с подростком и формирования представления о его психологическом портрете;

– проведение профилактической работы с семьями несовершеннолетних, совершивших преступление;

– проведение встреч, конференций сотрудниками, осуществляющими уголовное преследование, с несовершеннолетними, с целью обеспечения профилактики совершения преступлений этими лицами.

В заключение хочется привести выдержку из статьи 10 «Пекинских правил» («Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних»): «Контакты между органами по обеспечению правопорядка и несовершеннолетним правонарушителем осуществляются таким образом, чтобы уважать правовой статус несовершеннолетнего, содействовать благополучию несовершеннолетнего и избегать причинения ей или ему ущерба, с должным учетом обстоятельств дела».

1. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. Официальный сайт Нижегородского областного суда. URL: <http://oblsudnn.ru>.

3. Официальный сайт Рязанского областного суда. URL: <http://oblsud.riz.sudrf.ru>.

4. Мелкумян Т. Виды нарушений права обвиняемого на защиту и устранение их судами вышестоящих инстанций // Адвокатская практика. 2003. № 4. С. 33–39.

5. Уголовное дело № 1-915-10 // Архив Якутского городского суда.

6. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) [Электронный ресурс]. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дерябина Марина Сергеевна,
студентка 3 курса юридического факультета
(Орловский государственный
университет имени И. С. Тургенева)

Журило П. И.

О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются некоторые проблемы, возникающие в связи с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ в современной России.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества.

Одной из главных и возможно самых опасных с точки зрения здоровья населения, правопорядка и законности в обществе и государства, является проблема незаконного оборота наркотических, психотропных и иных запрещенных на территории Российской Федерации веществ.

Данная проблема на наш взгляд обладает высокой латентностью и скрывает от официально обнаруженной и изобличенной статистики большое число фактов незаконной перевозки, хранения и сбыта, а самое главное употребления наркотических и иных вышеуказанных веществ. В подтверждение данного факта издано ряд научных трудов такими авторами как М. А. Дугушкиным [1], В. С. Болотиным [2], исходя из материалов которых следует, что явления наркомании в период с 2000 по 2010 возросло в 2,2 раза. Такая же динамика прослеживается и в настоящее время.

Очевидно, что столь высокий рост данного явления обусловлен рядом факторов, среди которых как социально-культурная среда, наличие внегосударственных поставок запрещенных веществ, а так же уровень государственно-правового регулирования оборота наркотических и иных психотропных веществ.

Рассматривая и анализируя информацию, предоставляемую средствами массовой информации, не сложно обнаружить положительную тенденцию в деле борьбы с наркоманией. Пропаганда здорового образа жизни среди молодежи находит свое воплощение на телевидении, в сериалах и шоу, в шоу-бизнесе, по средствам популяризации и воспевания идеалов здоровья певцами и исполнителями, которые пользуются наибольшей популярностью у молодежи – основного потребителя наркотических и психотропных веществ.

Согласно аналитическим данным Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков основными каналами поставки наркотических средств на территорию России являются Афганистан, Таджикистан и Китай, некоторые из которых, в свою очередь, являются транзитными государствами для Иракских, Сирийских и иных ближневосточных наркоторговцев. Так, пользуясь нестабильностью региона, различные вооруженные формирования извлекают колоссальную прибыль из наркотрафика.

Однако наиболее важным и действенным регулятором данной проблемы мы видим грамотное правовое регулирование, как оборота, так и правового обеспечения превентивных мер по борьбе с незаконным оборотом наркотиков.

В данной работе нашей целью является рассмотрение понятия «незаконный оборот наркотических средств или психотропных веществ». Исходя из логики, существует и «законный оборот наркотических средств или психотропных веществ».

Основная область применения вышеуказанных веществ – это медицина. Использование свойств некоторых веществ в необходимых пропорциях, при назначении врача и полном соответствии с правилами приносит облегчение страданий больных людей. Однако, эти же свойства определяют потребность в получении ощущений, не свойственных обычному состоянию радости человека. Таким образом, для человеческого организма наркотик, в некотором роде, представляется допингом.

Отойдя от названной нами темы необходимо погрузиться в сущность права как явления, регулирующего правовую жизнь. Межличностные отношения, природные явления, социальные конфликты, экономические законы – все это внешние вызовы, на которые правовая система, будь то личность, первобытное племя или же государство реагирует (или не реагирует) определенным образом. В большинстве случаев складывается определенная норма, то есть мнение человека, обычай общности или же закон государства, которые определяют, каким будет восприниматься, сопровождаться и оканчиваться «вызов», таким образом, создавая модель поведения. Такой моделью становилась ответственность за убийство одним человеком другого, комплекс действий общины при засухе, мерами государства при низких показателях экономики и прочего. Целью данной модели является обеспечение баланса, способствующего минимизировать или восполнить последствия дестабилизирующего фактора, то есть «вызова».

В контексте рассматриваемого нами вопроса данным вызовом является «желание человека принимать допинг, коим являются наркотические средства и психотропные вещества». Сводя проблему к первоначальному, мы сталкиваемся не с общественными отношениями, которые регулируют ряд административных регламентов и постановлений, охраняют ряд статей

уголовного кодекса, а к базовым потребностям, указанным еще американским психологом Абрахамом Маслоу в его Пирамиде потребностей.

Таким образом, на данный момент государство, по сути, регулирует порядок получения сна, отдыха и дыхания. Получение удовольствия как физической потребности является базовым явлением, так как объясняет тягу человека к чему-либо. Именно из стремления получить удовольствие складывается деятельность современного человека: работы с целью получить заработную плату и потратить на свои нужды, занятиям спортом для лучшего самочувствия, употребления алкоголя для получения радостного состояния.

Таким образом, регулирование вопроса об обороте наркотических средств или психотропных веществ в первую очередь это вопрос о регулировании получения человеком удовольствия. Безусловно, наркотики – это главная проблема, несущая обширные негативные последствия как социального, экономического, так и политического уровня.

Исходя из вышеуказанных обстоятельств, необходимо строить и модель правового регулирования отношений, возникающих на основе потребностей человека, но таким образом, чтоб она была действенной.

На сегодняшний день мы видим, что правовая система предусматривает широкий комплекс мер, направленных на борьбу с негативными последствиями наркомании. Стоит заметить, что борьба ведется с негативными последствиями, которыми, исходя из норм права Российской Федерации, являются последствия, наносящие ущерб только государству. Определяет сферы, которые подвергаются нарушению – порядок оборота наркотических средств и психотропных веществ. Именно его нарушение приводит к утрате контроля над многими сферами государственно-правового регулирования, в том числе предпринимательской деятельности (ввиду крупного денежного оборота, аккумулируемого наркотрафиком и не облагаемого налогами), контроля порядка управления (то есть не исполнения рядом государственных служащих своих обязанностей), дела воспитания молодежи, определяемого, так или иначе, сложившейся правовой системой (определения направлений, к которым должны стремиться дети и подростки), порядка пересечения Государственной границы. Так, анализируя статьи Уголовного кодекса Российской Федерации [3] не было найдено ни одной статьи, которая регулировала отношение государства к воздействию наркотиков на человека, напротив, во главу угла ставятся экономические и административные аспекты, которые выражаются в размере, нарушении порядка, а иные виды квалификации лишь отражают события совершения тех или иных деяний.

Безусловно, на сегодняшний день активно ведется борьба с употреблением наркотиков на уровне пропаганды той или иной деятельности. По сути это правильно, однако стоит сравнить то, что предлагается средствами массовой информации, кино и телевидением в замен наркотикам. В

большинстве своем это спорт. Но при более детальном осмыслении становится понятно, что замена не равноценная.

Спорт предполагает усилия, деятельность, которая подразумевает ряд последовательных действий, материально-технических затрат и самое главное времени, в то время как наркотики – это быстрый способ достичь желаемого удовольствия. К примеру, для того чтоб у человека появилась вещь у него есть два способа ее получить – сделать самому или приобрести. В условиях дефицита времени, условий и навыков наиболее рациональным видится приобретение той или иной вещи.

Схожая система, на наш взгляд, и в отношениях получения удовольствия от наркотиков и спорта.

Исходя из вышеуказанной проблематики воздействие спорта на современную жизнь актуально, но недостаточно, особенно для тех, кто уже употреблял наркотики или находится если не в стадии зависимости, то в стадии активного употребления.

В свете вышеизложенного, актуальным становится вопрос о возможности компенсирования наркотических веществ, которые находятся в незаконном обороте веществами, которые схожи по действию с наркотическими, однако находятся на полном государственном учете и регулировании. Критики данной статьи возмутятся о призыве к легализации наркотических и психотропных веществ, однако, данной мысли у исследователей данной проблемы в этой статье – нет. Речь идет о целом комплексе мер, направленных на внедрение новой политики регулирования оборота, употребления и пропаганды (регулирования пропаганды – уточ. авт.) наркотических и психотропных веществ.

Таким образом, на наш взгляд перед законодателем для защиты, в первую очередь, человека от пагубных последствий наркотиков должны встать вопросы по: удовлетворению базовых потребностей человека, определения системы использования наркотических и психотропных веществ, а так же мер по пропаганде здорового образа жизни.

1. Дугушкин М. А. Административно-правовые меры предупреждения и пресечения распространения наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московская академия МВД РФ, 2002. С. 61.

2. Болотин В. С. К вопросу использования административно-деликтологических показателей в определении индекса латентности. ОФ РАНХиГС, 2011.

3. Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Журило Павел Игоревич,
курсант 420 учебного взвода
(Московский университет
МВД России имени В. Я. Кикотя)

Земзикова Е. Ю.

ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

В статье анализируются особенности международно-правовой защиты прав человека в свете государственного суверенитета.

Ключевые слова: права человека, защита, суверенитет.

Российская Федерация, провозгласив в Конституции права и свободы человека и гражданина высшей ценностью, взяла на себя все те обязательства в сфере защиты прав и свобод, которые были закреплены в документах, ратифицированных Советским Союзом. Кроме того, положения, закрепленные в ст. 15 Конституции РФ, обязывают органы государства в своей деятельности по обеспечению и защите прав человека руководствоваться не только внутренними законами, но также международно-правовыми нормами, заключенными в имеющие для России юридическую силу договоры [1]. Эти положения были подтверждены в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 31 июля 1995 г. № 10-П, где было отмечено, что «в соответствии с принципами правового государства, закрепленными Конституцией РФ, органы власти в своей деятельности связаны как внутренним, так и международным правом»[2].

Присоединившись в 1996 г. к Совету Европы, Российская Федерация взяла на себя обязательство выполнять Устав этой региональной организации, важнейшей целью которого является защита прав человека, а также присоединиться к соглашениям, предусматривающим сотрудничество европейских государств во имя их обеспечения. Присоединение России к Европейской конвенции и дополняющим ее протоколам обязало Российское государство привести национальное законодательство и правоприменительную практику в соответствие с европейскими стандартами обеспечения и защиты прав человека, с момента вступления Конвенции в силу (5 мая 1998 г.).

В этой связи с особой остротой встал вопрос о соотношении этих международных обязательств с государственным суверенитетом и с национальным законодательством страны в целом.

После создания Организации Объединенных Наций и принятия Устава ООН государства стали отказываться и от абсолютизации государственного суверенитета и начали признавать возможность правомерного его ограничения. Следует отметить, что в Уставе ООН закреплен принцип суверенного равенства государств (п. 1 ст. 2). Статья 2 Устава ООН закрепляет принцип равенства государств и принцип государственного суверенитета [3]. Развернутое содержание данных принципов содержится в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о принципах международного права 1970 года, в Хельсинском Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года и др.

В современных международных отношениях серьезным ограничениям государственный суверенитет подвергается в следующих случаях:

- когда государство издает нормативный акт, который предусматривает верховенство международных норм над национальным законодательством;

- когда государство вступает в международную организацию и принимает на себя ее обязательства;

- когда международными или региональными органами принимаются решения, которые имеют обязательную силу для государств-членов;

- когда государство является участником двустороннего или многостороннего договора;

- когда государство на добровольной основе принимает на себя определенные международные обязательства.

Нами перечислены лишь некоторые случаи правомерного ограничения государственного суверенитета. Данный перечень не является исчерпывающим.

В Уставе ООН прописаны так же положения о правомерных случаях ограничения государственного суверенитета. Данные положения, в частности, содержит глава седьмая Устава, а также ряд других статей.

Серьезным шагом на пути ограничения государственного суверенитета в исследуемой сфере стало создание конвенционных органов ООН, органов международного правосудия. Данные процессы приводят к тому, что внутренняя юрисдикция государств сужается, и некоторые вопросы внутригосударственных отношений выводятся из сферы их деятельности.

Римский Статут Международного Уголовного Суда изъял многие вопросы из сферы внутренней компетенции каждого государства, оставив за собой правомочия по привлечению к уголовной ответственности граждан, включая и государственных чиновников, за международные преступления. Россия подписала Римский Статут 13 сентября 2000 года, однако до настоящего времени его не ратифицировала.

В связи с принятием Европейской Конвенции по правам человека был создан механизм, который фактически принял форму наднациональной власти. Учреждение данного механизма потребовало от государств-членов Совета Европы отказаться от абсолютизации государственного суверенитета, так как решения Европейского суда по правам человека являются прецедентом.

Российская Федерация, ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, которая вошла в правовую систему России в качестве ее составной части, признала *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения положений данной Конвенции и Протоколов к ней в случаях их предполагаемого нарушения Российской Федерацией.

Исходя из этого окончательное постановление Европейского Суда по правам человека, принятое по результатам рассмотрения жалобы лица, которое утверждало, что является жертвой нарушения со стороны Российской Федерации его прав, признанных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод или Протоколами к ней, в части, констатирующей соответствующее нарушение в отношении данного лица и присуждающей ему в случае необходимости справедливую компенсацию (статьи 34 и 41 Конвенции), безусловно, подлежит исполнению.

Решениями Европейского суда по правам человека, впоследствии должны руководствоваться в своей практике судебные органы государств-членов, то есть государства вынуждены подвергать корректировке свое внутреннее законодательство. Из этого следует, что указанный суд, отвергая законность национальных судебных решений, вынуждает законодателя страны-участника пересматривать национальное законодательство и практику его применения. Решения данного Суда рассматриваются в качестве прецедентов и являются обязательными для всех государств-участников. Являются и обязательными решения и принимаемые институтами ЕС.

В этой связи, можно прийти к выводу, что суверенитет государств в современном мире ограничивается не только нормами международного права, но и правом региональных организаций.

Данные процессы ограничения суверенитета государства происходят болезненно. Примером может служить попытка некоторых государств поставить под сомнение обязанность участников международного сообщества соблюдать общепризнанные нормы международного права, международные соглашения. Это выражается в отрицании верховенства норм международного права над национальным законодательством.

Член Совета при Президенте РФ профессор В. Д. Зорькин в одном из своих интервью выступил за верховенство национального права над международным. Этот приоритет, по мнению ученого, действует тогда, когда «решения Страсбургского Суда сомнительные и прямым образом затраги-

вают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы» [4].

Это привело к прямым призывам изменить главу 1 Конституции Российской Федерации, а именно, отменить положение о приоритете международных договоров над национальным законодательством.

По мнению профессора А. И. Бастрыкина, «указанное положение работает против интересов России... устранение в нашем законодательстве этих диверсий правового регулирования укрепит независимость Российской Федерации в правовой сфере, вернет его к лучшим традициям отечественного судопроизводства» [5].

В Российской Федерации это привело к тому, что стали возникать неопределенности в части того, решения какого органа должно быть исполнено в итоге и чей акт должен считаться имеющим высшую юридическую силу (Европейского суда по правам человека или Конституционного Суда Российской Федерации).

В своем Постановлении от 6 декабря 2013 г. № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда» Конституционный Суд Российской Федерации разрешил правовую коллизию между собственными решениями и постановлениями Европейского Суда по правам человека. В итоге окончательный вердикт Конституционный Суд Российской Федерации оставил за собой» [6].

Окончательную точку в разрешении данного вопроса поставил Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 14 июня 2015 г. № 21-П.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в настоящее время необходим компромисс, взаимные уступки, диалог противоборствующих сторон. Ведь их «устойчивая несговорчивость» ведет к нарушениям суверенитета, неотъемлемых прав человека на жизнь, на личную неприкосновенность. Любые посягательства на государственный суверенитет ведут к разрыву межгосударственных связей, нарушаются права на свободу передвижения, обмен информацией.

Решение этих задач потребует длительного времени, совместных усилий государств, ибо только в этом случае суверенитет станет не только мифологизированным символом мироустройства, а получит полноценную реализацию.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 31 июля 1995 г. № 10-П. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Устав Организации Объединенных Наций [Электронный ресурс]: принят в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Из интервью Зорькина В. Д. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-column/vlast/60777-predely-ustupchivosti-valeriya-zorkina>.
5. Из интервью Бастрыкина А. И. [Электронный ресурс]. URL: http://runod.ru/novosti/v-rossii/nod-rossii/teoriya-nod/2015/11/13/teoriya-nod_13187.html.
6. По делу о проверке конституционности положений статьи 11 и пунктов 3 и 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Ленинградского окружного военного суда: Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 6 декабря 2013 г. № 27-П. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Земзикова Екатерина Юрьевна,
курсант 401 учебной группы
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Алексеева Лилия Алексеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Ивлева Н. Ю.

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОПОРЯДОК

В статье рассматривается взаимосвязь правосознания и правопорядка, как взаимосвязанных категорий и неотъемлемых характеристик любого общества.

Ключевые слова: правопорядок, правосознание, справедливость.

Т. О. Парсонс отмечал, что «Главная функциональная необходимость интеграции общества с культурной системой – это установление законности нормативного порядка общества» [1].

Правопорядок, являясь действующей системой права, представляет собой, прежде всего, целостную парадигму, которую можно рассматривать с позиции ценностных моделей, включающих: поведение, нормативный конгломерат, культуру, правосознание. Для нас же, представляет интерес такой структурный компонент правового порядка, как правосознание и его роль в обеспечении правового порядка.

Правопорядок выступает неотъемлемой характеристикой любого общества. Так, базовым элементом правового порядка выступает человек, его интересы, жизненные потребности, которые отражаются в правах и свободах, обязанностях и ответственности гражданина.

Следует отметить, что предпосылкой правового порядка является законность. Внутреннее единство законности и правового порядка детерминировано, прежде всего, единством задач стоящих перед ними, а также то, что они выступают средой деятельности государственной власти. Правопорядок является необходимым следствием реализации законности, ее воплощение в системе общественных отношений, регламентированных нормами права, а также является закономерным результатом осуществления законности в жизнь [2]. Рассматривая данные понятия во взаимосвязи, правовое порядок, по отношению к законности, выступает результатом объективной картины правовой действительности.

Рассматривая правовое порядок в ценностном измерении мы, прежде всего, обнаруживаем определенное качество и состояние общественной жизни, которое наполняет содержанием все базовые элементы социального бытия в тот или иной момент исторического развития. Необходимо отметить, что особая значимость правового порядка обусловлена тем, что он воспроизводит направленность к стабильности, однородности, а также к формальной определенности правовых отношений, с целью повышения уровня их функциональности.

Правовое сознание, в системе поддержания и укрепления правового порядка, выступает регулятором целого комплекса общественных отношений, в которые вступает индивид, общество и государство.

И. А. Ильин вводит понятие «здоровое правосознание» [3], которое выступает базовым элементом незыблемости государства, посредством которого эффективно действуют правовые и политические системы. Правовые представления о справедливости прав и обязанностей человека, дозволений и запретов – все это воздействует на формирование мотивов и установок поведения человека в правовой сфере жизни общества, а через регулирование правового поведения личности проявляется активная роль права, правосознания.

Каждый индивид, вступая в правоотношения, вырабатывает индивидуальное отношение к праву, выбирает свои действия и поступки, дает оценку действиям себя и окружающих, в зависимости от которых формируется его правосознание.

Тем не менее, даже люди с высоким уровнем правосознания склонны нарушать предписания норм права, не смотря на то, что они убеждены в их справедливости и объективной необходимости следовать их предписаниям [4].

Следует отметить, что правопорядок, утративший субъективное начало, с одной стороны, содействует многогранному развитию личности без акцентуации внимания на его творческий потенциал, а с другой стороны, способен ограничить действия индивида и выступить деструктивным фактором по отношению к творческим возможностям индивида.

В. П. Малахов отмечает, что правосознание хочет удержать право от его обмирщения, оно призывает к ценностям, которые уже давно потеряны, и которые необходимо возобновить в правовой жизни [5].

Необходимо понимать, что действующее правосознание тождественно идее права, а само право в его природе и сущности может быть полностью понято и адекватно выражено только в каркасе смыслов, средств и форм правосознания [6].

Правовые представления о справедливости, сознание прав и обязанностей человека, дозволений и запретов – все это воздействует на формирование мотивов и установок поведения человека в правовой сфере жизни общества, а через регулирование правового поведения личности проявляется роль права, правосознания.

Правовые представления о справедливости, сознание прав и обязанностей человека, дозволений и запретов – все это воздействует на формирование мотивов и установок поведения человека в правовой сфере жизни общества, а через регулирование правового поведения личности проявляется роль права, правосознания.

Там где есть человек, там появляются и ценности высшего порядка, одной из которых является справедливость, которая становится индивидуально-ситуативной благодаря человеку. Однако данная категория не может быть однонаправленной для всех участников правоотношений. «Справедливость – не всеобщее благоденствие, а специфическое распределение отношений между людьми, сообразно и противно их цели, желанию...» [7].

Правопорядок пытается усреднить справедливость, в связи с чем она становится чуждой для конкретного индивида. Однако мы не можем назвать эту характеристику деструктивной для правопорядка, т.к. посредством формальной справедливости достигается состояние стабильности и индифферентизм к индивиду в правопорядке. Справедливость в правопорядке носит персонифицированный характер только в действии.

Возникает вопрос посредством чего возможно оценить справедливость или несправедливость. Представляется, что именно правосознание способно дать ответ на это вопрос, как индивидуальное, так и общественное. Правосознание, пропуская через себя смыслы идей справедливости и правопорядка, определяет и оценивает их.

Однако о справедливом правопорядке мы можем говорить и в контексте соотношения официального и неофициального правопорядка.

Официальный правопорядок ориентирован на результат деятельности государства и опирается на действующее юридическое право, посредством которого происходит огосударствление интересов власти, а также олицетворение их в качестве общей воли людей.

Неофициальный правопорядок – это, прежде всего, эмоционально-волевая реакция общества на официальный правопорядок, а также правовая практика, лиц вступающих в правоотношения, наполненная обыденными представлениями о правах и обязанностях.

Таким образом, становится возможным говорить о справедливости правопорядка только в случае взаимодействия официального и неофициального правопорядка, так как неофициальная форма правопорядка вносит прецеденты, а официальная форма, при должном ей консерватизме, находит правовые средства разрешения ситуации, устанавливая допустимые границы, очерченные нормами права.

1. Парсонс Т. О. О социальных системах. М., 2002. 832 с.
2. Байтин М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). М., 2005. 544 с.
3. Ильин А. И. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступительная статья И. Н. Смирнова. М.: «Рарогъ», 1993. 240 с.
4. Гречин А. С. Социология правового сознания. М.: Юнити-Дана, 2001. 256 с.
5. Малахов В. П., Эриашвили Н. Д. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории: монография. М.: Юнити-Дана: Закон и право, 2011. 431 с.
6. Малахов В. П. Концепция философии права. М.: Юнити-Дана, 2007. 751 с.
7. Малахов В. П. Основа философии и права: учеб. пособие. М.: Академический проспект: Культура, 2005. 240 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ивлева Наталия Юрьевна,
адъюнкт кафедры теории государства и права
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Малахов Валерий Петрович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
(Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя)

Малышева Н. А.

НРАВСТВЕННЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются актуальные проблемы современного судопроизводства по гражданским делам, в частности роль принципа справедливости, состязательности и независимости.

Ключевые слова: судебная защита, принцип справедливости, принцип состязательности, принцип независимости.

Ст. 46 Конституции РФ [1] гарантирует каждому судебную защиту его прав и свобод. Осуществление правосудия является одной из наиболее актуальных проблем современного конституционного права. Отечественная судебная система далеко не совершенна, так как, несмотря на многочисленные попытки ее реформирования, существуют проблемы, решить которые на сегодняшний день не удастся. Гражданское судопроизводство, являясь одной из форм осуществления правосудия, также имеет недостатки.

Люди надеются на объективность, всесторонность рассмотрения дела судами, на вынесение справедливого решения. По официальным данным российского негосударственного центра изучения общественного мнения имени Юрия Левады, примерно 1/5 жителей России отмечают нарушения права на справедливый суд (данные приведены по состоянию на май 2015 г.) [2]. В частности, отмечается, что страдает качество самого правосудия, нарушаются сроки судопроизводства, также существуют проблемы, связанные с информированием граждан о деятельности судебной системы, с эффективностью исполнения судебных актов. Кроме того, ключевым вопросом остается проблема нравственности при разрешении гражданских дел. На наш взгляд, разрешение гражданских дел можно назвать нравственным только тогда, когда вся гражданско-процессуальная деятельность отвечает критериям нравственности.

Одним из основных признаков демократического государства является наличие независимой судебной власти. Согласно ст. 8 ГПК РФ право-

судие в гражданском судопроизводстве осуществляется независимым судом. Суды осуществляют судебную власть самостоятельно, независимо от чьей бы то ни было воли, подчиняясь только Конституции РФ и закону [3]. Независимость судей означает также исключение любого воздействия и вмешательства в деятельность судьи по осуществлению правосудия. Кроме того, независимость судебной власти является конституционным принципом, закрепленным в ст. 120 Конституции РФ. На наш взгляд, принцип подчинения судей только закону работает только тогда, когда судьи по своим жизненным установкам являются людьми честными, порядочными, когда они отдают себе отчет в том, что отступление от принципов закона может повлечь для них отстранение от занимаемой должности и уголовную ответственность.

Ослабление роли суда по рассмотрению гражданских дел связано с принципом состязательности сторон, которые могут использовать все средства, не противоречащие закону, для доказывания правоты своей позиции. В сущности, суд лишь примыкает к версии стороны, которая наиболее адекватно отразила приведенные обстоятельства в доказательствах. Но вместе с тем, параллельно с усечением круга полномочий судей, идет процесс усиления их позиций, связанный с осуществлением ими правоприменительной функции. Как правило, судьи подчиняются закону и не могут создавать новые нормы права. Однако, ч. 4 ст. 1, ч. 3 ст. 11 ГПК РФ позволяют суду, при отсутствии подходящей нормы в тексте закона исходить из принципов осуществления правосудия, общих начал и смысла законодательства, и принимать решение по принципу аналогии права. По нашему мнению, в действительности большинство вышеназванных принципов подкрепляются нормами морали, поэтому, в сущности, суд принимает решение на базе общих моральных установок, а также на основе собственного правосознания, что фактически означает возможность суда в исключительных случаях вырабатывать свои нормы и правила. В данном случае вновь становится вопрос об уровне правосознания судьи и его жизненных ценностях.

Базовыми нравственными категориями деятельности судьи по осуществлению правосудия по гражданским делам, по нашему мнению, являются: «справедливость, истина, совесть».

Критерий справедливого судебного разбирательства в установлении достаточно сложен. Закон не дает четкого указания на определение справедливости, а суды, в свою очередь, не имеют четкого понимания содержания процессуальной справедливости. Здесь стоит отметить, что процессуальная справедливость – понятие, которое не должно относиться исключительно к справедливости судебного решения, оно вбирает в себя всю деятельность суда по рассмотрению и разрешению гражданских споров. Как правило, люди формируют свои мнения о справедливости судебного

разбирательства главным образом на основании объективности и беспристрастности самого судебного процесса, а не конечного результата [4].

Мы считаем, что судебное разбирательство должно основываться на взаимодействии. Итог взаимодействия консолидируется в судебном решении, где отражается информация, которой владеет судья, и информация, которой владеют стороны. Судебное разбирательство будет справедливым тогда, когда всем участникам была предоставлена возможность взаимодействия с судом [5]. С участниками процесса нужно обращаться так, чтобы они почувствовали, что они были на самом деле услышаны и поняты.

Таким образом, субъективное восприятие участниками гражданского судопроизводства процессуальной справедливости формируется из уровня построенной коммуникации в зале судебного заседания.

Если же говорить об объективной справедливости, то она будет достигнута в том случае, если итоговое судебное решение будет отражать реальные фактические обстоятельства, подкрепленные доказательствами, если предварительно при этом суд активно взаимодействовал со всеми участниками процесса. Еще выдающийся российский цивилист XIX века К. И. Малышев говорил: «Истина столь же необходима для суда, как и справедливость».

Основным принципом гражданского процесса является его состязательность. По мнению выдающегося российского цивилиста и процессуалиста Е. В. Васьковского, именно состязательность позволяет достигнуть объективного результата, поскольку в деле каждая сторона имеет свой интерес [6].

Категория совести является одной из ключевых при рассмотрении гражданских дел, поскольку ч. 1 ст. 67 ГПК РФ устанавливает: «Суд оценивает доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном, объективном и непосредственном исследовании имеющихся в деле доказательств». Совесть – это способность человека критически оценивать собственные поступки, мысли, желания, осознавать и переживать свое несоответствие должному. Несмотря на объективность суда при рассмотрении гражданских дел, каждый судья в той мере субъективен, в которой его собственные убеждения не совпадают с реальными. Выбор суда является верным в той степени, насколько он соответствует уровню его морального сознания.

Таким образом, следует отметить, что нормы гражданско-процессуального права и моральные нормы имеют тесную взаимосвязь. Деятельность суда по осуществлению гражданского судопроизводства можно оценивать как с позиций закона, так и с позиций нравственности. Несомненно, уровень нравственных качеств судей и воплощение провозглашенных конституционных норм имеют прямую зависимость. На наш взгляд, это обусловливается тем, что сама Конституция РФ провозглашает некоторые мо-

ральные начала, тем самым подразумевая нравственную оценку деятельности судебных и иных органов со стороны населения.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Гражданский процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Сухорукова О. А. Критерий процессуальной справедливости в оценке эффективности гражданского судопроизводства // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 11. С. 3–7.
4. Морхат П. М. Правовая справедливость судебной власти: теоретико-правовой аспект // Рос. судья. М.: Юрист. 2007. № 10. С. 6–8.
5. Томина А. П. Принцип объективной истины в гражданском процессуальном праве (исторический аспект) // Вопросы российского и международного права. 2012. № 2. С. 72–82.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Малышева Наталья Александровна,
курсант 301 учебной группы
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

СВЕДЕНИЯ О НАУЧНОМ РУКОВОДИТЕЛЕ

Мельник Сергей Васильевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

Продан А. В.

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ СИЛЫ СОТРУДНИКАМИ ОВД (ПОЛИЦИИ)

В данной статье обозначен круг причин, способствующих нарушению законности в деятельности полиции. Выявлены правовые пробелы в сфере регулирования данного вопроса. Кроме того, определены меры, на-

правленные на ее укрепление, создание условий преодоления имеющихся нарушений. Для решения проблем выделены следующие задачи: совершенствование системы действующего законодательства, открытость деятельности полиции, укрепление их связей с обществом, достаточное материальное обеспечение, позволяющее обеспечить высокий уровень оснащения полиции, а также повышение уровня профессиональной подготовки сотрудников полиции и повышение их правовой культуры.

Ключевые слова: законность, защита прав, охрана граждан, правопорядок, сотрудник полиции, сотрудник ОВД, преступление, ответственность, применение физической силы, необходимая оборона, крайняя необходимость, правосознание.

В Конституции РФ говорится о том, что защита прав, свобод и законных интересов человека и гражданина является главной обязанностью государства [1]. Такую защиту осуществляют государственные органы. При этом отношения, которые складываются в процессе ее реализации, и полномочия государственных органов в этой сфере, регламентируются в нормативно-правовых актах.

Также в законодательстве установлена ответственность за совершение правонарушений и преступлений, которые негативно сказываются на общественном порядке и общественной безопасности. Но в ряде случаев, органы, которые обязаны защищать обычных граждан от правонарушений и преступных посягательств, сами нарушают закон и подрывают безопасность. Возникает вопрос, кто в таких случаях должен защитить обычного гражданина от неправомерных действий представителя власти?!

Примеры таких ситуаций, когда нарушаются права граждан, в частности сотрудниками ОВД в реальной жизни встречаются, к сожалению, очень часто. С этим мы можем столкнуться сами, либо узнать об этом из многочисленных сообщений СМИ, и сделать вывод, что состояние законности в условиях современной России весьма неблагоприятное.

МВД РФ обеспечило для граждан звонки по горячей линии, по которой можно сообщить о неправомерных действиях сотрудников ОВД. В период с января по март 2015 года поступило около 300 обращений граждан на такие случаи неправомерных действий.

В ходе рассмотрения материалов выявлено около 40 нарушителей законности и 260 – служебной дисциплины. Также за этот период было уволено 22 сотрудника, освобождены от занимаемых должностей 20, подвергнуты другим мерам дисциплинарной ответственности – 243. В следственные органы направлено 129 материалов, по которым возбуждено 22 уголовных дела [2].

Во многих городах России становится известно о том, что ряд сотрудников ГИБДД за денежное вознаграждение оформляют государственные регистрационные знаки с определенным набором букв и цифр, а также

помогают гражданам избежать административной ответственности за нарушения правил дорожного движения. И таких случаев предостаточно.

Полиция в РФ в силу функциональной специфики должна строить свою деятельность в строгом соответствии с принципом законности. Но в реальности это происходит не всегда так. И образ честного сотрудника органов внутренних дел как-то незаметно ушел в прошлое. Значительная смена кадров сказывается на результативности оперативно-служебной деятельности, на состоянии служебной дисциплины и законности.

Важную роль играет исследование причин нарушения законности сотрудниками полиции. Главной, на мой взгляд, причиной являются нормативные предписания, которые необоснованно расширяют границы служебного и правового усмотрения.

Данное явление мы можем выявить в проблеме нарушение правил применения физической силы сотрудниками полиции.

Законодательство РФ определяет, что основным предназначением полиции является защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности [3].

Для осуществления этих задач, они законодательно наделены правом применения физической силы, одно из наиболее жестких мер государственного принуждения наряду с применением специальных средств и огнестрельного оружия.

Это право закреплено как в ФЗ «О полиции», так и в ряде других законах, таких как, ФЗ «О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации», ФЗ «Об оружии».

Особое значение при неправомерных действиях сотрудника полиции при применении физической силы, имеет Уголовный кодекс РФ. Нормы УК РФ ставят определенные рамки применения физической силы сотрудниками полиции при осуществлении своей деятельности. При этом существует особая грань, между риском для своего здоровья, и ущербом другим охраняемым общественным отношениям. Поэтому основной задачей законодателя в уголовном праве является установление более четких определений правовой границы деятельности полиции.

Деятельность сотрудника полиции, или любой другой силовой структуры непредсказуема, и она не может быть четко предопределена нормами законодательства. И в таких случаях, негативные последствия неизбежны. Но при этом, в уголовном праве вызывает особый интерес такие явления как необходимая оборона, крайняя необходимость и причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление. Несмотря на то, что эти обстоятельства исключают уголовную ответственность, изложены в нормах УК РФ и УПК РФ, в реальной жизни возникает проблема применения этих обстоятельств. Как показывает статистика, у более 80 % сотруд-

ников полиции использование данных обстоятельств на практике вызывает затруднения, то есть у данных лиц возникает сложность в правовой оценке своих действий в ситуациях применения физической силы при исполнении своих служебных обязанностей.

Применение данных обстоятельств в служебной деятельности содержит ряд особенностей. Необходимой обороной, крайней необходимостью и причинение вреда при задержании лица совершается из общественно-полезных намерений: защитить самого себя от нападения, предотвратить более тяжкое преступление либо задержать лица совершившего преступление. Но при этом причиняется значительный вред другому человеку и его интересам. И при несоблюдении правил применения этих обстоятельств сотрудника ОВД могут привлечь к уголовной ответственности (ст. 108, ст. 114 УК РФ), однако учитывая социально-полезные мотивы в действиях сотрудника полиции, данные обстоятельства учитываются при назначении наказания как смягчающие.

Следует обратить внимание на то, что нормы правового регулирования данных отношений имеют некое противоречие, к примеру: в ч. 3 ст. 19 № 3-ФЗ сотрудник полиции при применении физической силы, специальных средств или огнестрельного оружия действует с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых применяются физическая сила, специальные средства или огнестрельное оружие, характера и силы оказываемого ими сопротивления. При этом сотрудник полиции обязан стремиться к минимизации любого ущерба [3]. Однако в нормах уголовного права не содержится указания на то, что, лицо в состоянии необходимой обороны должно стремиться к причинению минимального ущерба нападающему. Более того, при условиях неожиданности посягательства границ причиняемого ущерба вообще не обозначено, то есть возможно и допустимо причинение смерти нападающему.

Более 70 % процентов говорят о том, что правовой основой применения физической силы является ФЗ «О полиции», другая часть опрошенных упоминает нормы уголовного права и Конституцию РФ. Таким образом, можно сделать вывод, что сотрудники полиции чаще всего руководствуются ФЗ «О полиции», и менее обращают внимание на нормы уголовного права, хотя в идеале, должно быть наоборот.

При этом в рамках ФЗ «О полиции» возникают вопросы, к примеру: имеют ли право сотрудники ОВД применять физическую силу в отношении беременной женщины, инвалидов или пожилых людей? С моральной точки зрения ответ будет отрицательным. Однако ФЗ «О полиции» не устанавливает каких-либо ограничений на применение физической силы в отношении к какой-либо категории граждан.

Правовому регулированию применения сотрудниками полиции физической силы посвящена статья 20 Закона № 3-ФЗ, согласно которой «Со-

трудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если не силовые способы не обеспечивают выполнение возложенных на полицию обязанностей» [3].

При этом закон предусматривает множество форм применения физической силы, и указывает только одно абсолютное исключение – сотрудники полиции не могут применять приемы, унижающие человеческое достоинство.

Кроме того, существует Приказ МВД РФ от 29 июля 1996 г. № 412 «Об утверждении Наставления по физической подготовке сотрудников органов внутренних дел», где указаны приемы, которые можно применять при самообороне, но проблема в том, что среднестатистический сотрудник полиции действия, которые там описываются эффективно и правильно выполнить не сможет, в силу объективных или субъективных причин. Сотрудник полиции, который не имеет должную подготовку, может нанести вред здоровью гражданину.

Для решения этой проблемы необходимо: 1) более серьезный отбор сотрудников и улучшение их физических навыков и навыков в боевом искусстве, 2) устранение правовых коллизий в нормах различных отраслей, непосредственно административного и уголовного, которые касаются применения физической силы сотрудниками ОВД.

Коллегия МВД Российской Федерации говорит о том, что проводятся определенные меры по укреплению служебной дисциплины, но сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации продолжают совершать преступления, приводящие к тяжким последствиям [2].

Основными причинами преступлений в органах внутренних дел Российской Федерации являются:

- снижение уровня личной ответственности руководителей по работе с личным составом за соблюдение служебной дисциплины и законности, поддержание должного психологического состояния сотрудников;

- грубые нарушения требований приказов и распоряжений МВД России, направленных на повышение эффективности воспитательной работы с личным составом;

- серьезные упущения в оценке личных и деловых качеств кандидатов на службу в органы внутренних дел [4];

На нарушение в деятельности сотрудников ОВД, в том числе и на незаконное применение физической силы чаще всего влияет некачественный отбор кандидатов на службу, слабое знание законодательства и ведомственных нормативных актов, личная недисциплинированность сотрудников, ослабление контроля за работой подчинённых со стороны руководителей, упущения в воспитательной работе со стороны руководящего аппарата. А также искаженные представления о служебном долге, выражающиеся в стремлении достижения личных целей, грубость и другие [5].

Для устранения этих причин необходимо, прежде всего: совершенствование системы действующего законодательства, открытость и публичность деятельности полиции, достаточное материальное обеспечение сотрудника полиции, а также повышение уровня профессиональной подготовки и повышение правовой культуры.

Таким образом, важнейшим решением всех этих проблем является укрепление законности. А для повышения авторитета и доверия у граждан к сотрудникам полиции необходимо улучшение уровня общей и профессиональной культуры посредством реализации мер организационного и воспитательного характера; повышение уровня профессиональной грамотности сотрудников, а также укрепление их связей с обществом.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. Официальный сайт МВД России. URL: <https://mvd.ru>.
3. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
4. Грицай В. В., Бескоровайная Е. С. Организация социальной работы в органах внутренних дел: курс лекций. М.: ДГСК МВД России, 2011.
5. Обеспечение прав человека в деятельности органов внутренних дел: учебник / под общ. ред. Ю. В. Анохина, В. Я. Кикотя. М.: ЦОКР МВД России, 2011.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Продан Алина Витальевна,
студентка 3 курса юридического факультета
(Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева)

Крещенок А. В.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

В данной статье рассматриваются преступления, совершенных в Орловской области, которые наиболее полно отражают содержание статьи 285 УК РФ.

Ключевые слова: законность действий сотрудника полиции, органы внутренних дел, незаконное освобождение от ответственности подозреваемого в совершении преступлений, физическая сила, фиксация телесных

повреждений, злоупотребление полномочиями, должностное лицо, объективное расследование дела.

Безусловно, данная тема является актуальной в наше время. Она всегда есть и остается, пожалуй, самой востребованной для юридических споров и обсуждений, как среди обывателей, так и в кругах, связанных с осуществлением деятельности в правоприменительной сфере. Да, многие скажут, нет, это не так, органы внутренних дел для того и созданы, чтобы непосредственно быть связующим звеном между общественными интересами, правопорядком и посягающими на них противоправными действиями. Но на самом ли деле так? Если немного задуматься, как часто в своей жизни мы (или кто-то из наших знакомых) сталкиваемся с ситуациями, когда мы можем воочию увидеть изнутри весь механизм работы органов внутренних дел? Лично я, как студентка юридического факультета, можно сказать, как обыкновенный и полноценный член этого общества могу с уверенностью сказать: незнание своих прав – это повод не заметить элементарного неисполнения обязанностей правоохранительных органов, то есть, по сути, не заметить нарушений в деятельности органов внутренних дел. А что же делать тем, кто знает, что их права грубейшим образом нарушаются теми самыми защитниками, служителями охраны наших прав? Попробуем разобраться, исходя из теории, подкрепленной примерами на практике.

Все мы, естественно, смотрим новости, просматриваем каждое утро газеты и являемся активными пользователями социальных сетей, откуда получаем много информации в отношении различных ситуаций с участием правоохранительных органов. Регулярно общество оповещают о новых раскрытиях преступлений, о пресечении нелегальных закупок, убийств и тому подобное. Но нет подробностей о злоупотреблении полномочиями сотрудниками полиции, о действиях, которые каким-то вопиющим образом порочат доброе имя «сотрудника полиции». Моя статья будет построена на анализе некоторых случаев, отражающие такие ситуации.

Например, приблизительно в июне месяце 2015 года, в Орле был осужден полицейский, издевавшийся над задержанным. Теперь уже бывший старший оперуполномоченного отдела уголовного розыска отдела полиции № 2 по Заводскому району получил восемь лет колонии строгого режима, лишен звания и возможности занимать определенные должности. Обвинительный приговор по уголовному делу вынес Железнодорожный суд Орла. Теперь подробнее об этом деле.

В феврале 2010 года осужденный вместе с двумя сотрудниками отдела полиции № 2 по Заводскому району УМВД России по городу (уголовное дело в отношении которых выделено в отдельное производство) путем физического и психического принуждения требовал от задержанного дать признательные показания. По итогам такого ведения «расследования» полицейские были обвинены в превышении должностных полномо-

чий и причинении тяжкого вреда здоровью, совершенного группой лиц по предварительному сговору.

В соответствии со ст. 20 (применение физической силы) ФЗ «О полиции» сотрудник полиции имеет право лично или в составе подразделения (группы) применять физическую силу, в том числе боевые приемы борьбы, если несиловые способы не обеспечивают выполнения возложенных на полицию обязанностей, в следующих случаях:

1) для пресечения преступлений и административных правонарушений;

2) для доставления в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение лиц, совершивших преступления и административные правонарушения, и задержания этих лиц;

3) для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции [1].

Как видно из материалов дела, ни один из пунктов не может оправдать законность действий сотрудника полиции. Почему же так происходит? Физическая сила как способ получения доказательств не может быть априори реализована в силу запрета законом РФ. Порой для расследования преступления, следователи, дознаватели идут на такие крайние меры, забывая, в первую очередь, о своих должностных регламентах. Чтобы лучше было понять, что такое законность действий сотрудника полиции, нужно раскрыть содержание п. 4 статьи 6 ФЗ «О полиции», который гласит:

4. Сотрудник полиции не может в оправдание своих действий (бездействия) при выполнении служебных обязанностей ссылаться на интересы службы, экономическую целесообразность, незаконные требования, приказы и распоряжения вышестоящих должностных лиц или какие-либо иные обстоятельства.

Физическая сила – это крайняя мера со стороны сотрудника полиции. Применение силы должно иметь место не просто так, чтобы успокоить, усмирить или нейтрализовать, вывести человека из состояния жизнедеятельности, а с целью, например, преодолеть противодействие. То есть, удар кулаком по лицу – это не то, что нужно сделать, чтобы сломить физическое сопротивление женщины в возрасте. Например, если женщина не дает проводить обыск, то нужно постараться удержать ее при помощи захвата ее рук, в крайнем случае, одеть «наручники». Важное действие в таких случаях со стороны пострадавшего – это фиксация телесных повреждений, которое можно сделать так в поликлинике, так и в травмпункте. Еще лучше, если это будет сделано в виде заключения специалиста в Бюро медицинской экспертизы. После этого необходимо обратиться с заявлением (с приложением медицинского документа) о преступлении в следственный комитет при прокуратуре РФ по вашему городу (или району). В заявлении необходимо подробно описать все, что произошло и при каких об-

стоятельствах были получены телесные повреждения. Следственному комитету дается 10 дней для того, чтобы провести проверку и вынести постановление по этому факту.

Согласно практике Европейского суда по правам человека, высказанной в том числе и в Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу Шейдаева против Российской Федерации (№ 65859/01) от 7 декабря 2006 года, где прямо указано, что власти несут обязанность по обеспечению физической неприкосновенности лица, содержащегося под стражей. Если лицо помещается под стражу в здоровом состоянии, а на момент освобождения у него имеются травмы, власти обязаны предоставить разумное объяснение происхождению этих травм. Иначе вопрос о пытках или жестоком обращении может толковаться в пользу заявителя, и может возникнуть вопрос в рамках статьи 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Другой интересный случай произошел в августе в 2013 году.

В Орловской области было возбуждено уголовное дело в отношении полицейских, подозреваемых в незаконном освобождении от ответственности подозреваемого в совершении преступлений.

Уголовное дело было возбуждено по материалам проверки, проведенной совместно оперативниками УФСБ и отдела собственной безопасности УМВД. Как рассказали в пресс-службе регионального СУ СКР, под следствие попали начальник отделения угрозыска МО МВД «Верховский» Александр Ставцев и старший следователь следственного отделения этого же подразделения Олег Кондрашов. Дело было возбуждено и на местного жителя Геннадия Гордеева.

По версии следствия, 5 мая этого года в отдел полиции «Верховский» по подозрению в краже электроинструментов был доставлен Геннадий Гордеев, – пояснили в СУ СКР. – Он признался в содеянном, однако попросил своего знакомого Александра Ставцева помочь ему избежать уголовной ответственности.

По версии следствия, начальник местного угрозыска согласился помочь Гордееву, у которого, кстати, ранее уже имелась судимость. Гордеев подыскал гражданина, согласившегося за вознаграждение взять вину на себя, – говорят следователи. – Он привел его в отдел полиции, где тот подписал уже заготовленные документы об обстоятельствах совершения двух преступлений.

Следовательно, Кондрашов знал о том, что кражи совершил именно Гордеев, а не приведенный им человек. Однако «не принял мер по привлечению его к уголовной ответственности». Наоборот, предъявил невинному человеку обвинение.

В итоге на каждого было возбуждено уголовное дело. В пресс-службе регионального УМВД добавили, что полицейские были отстранены от работы, и в отношении них была начата служебная проверка, по ито-

гам которой, они были уволены из ОВД, а их руководители привлечены к дисциплинарной ответственности вплоть до увольнения.

Данное деяние квалифицируется по ст. 300 УК РФ. В соответствии со ст. 46 УПК РФ подозреваемым является лицо, подозреваемое в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, в отношении которого возбуждено уголовное дело, или которое задержано в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом (когда оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление, когда на этом лице или на его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления либо при наличии иных данных, дающих основания подозревать лицо в совершении преступления – ст. 91 УПК), либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения [2].

Анализируя данную ситуацию, злоупотребление полномочиями сотрудников полиции, раскрывается в простом аморальном отношении к собственной профессии. Все действия, представленные в деле, прежде всего, перекрывают основную задачу следователей, дознавателей – способствовать объективному, беспрепятственному расследованию дела. В нем не должны проскальзывать мотивы личного интереса в разрешении дела. Установление истинных доказательств, истинных сторон, привлечение к ответственности за противоправные действия конкретного (-ых) лица (-ц), виновного, исходя из всех мелких и главных улик – все это в первую очередь лежит как обязанность на органах внутреннего дела.

Возвращаясь к первому примеру и отождествляя его со вторым, можно прийти к выводу: злоупотребление должностными обязанностями, использование своих прав не по назначению и против должностного регламента, несет необратимые последствия для лица, в отношении которого он установлен. Исходя из ст. 285 УК РФ должностными лицами признаются лица, постоянно, временно или по специальному полномочию осуществляющие функции представителя власти либо выполняющие организационно-распорядительные, административно-хозяйственные функции в государственных органах и т. д. [3].

Основными направлениями усиления мотивации, то есть уничтожения неправомерного поведения работников внутренних дел могут выступать, в частности, следующие:

- создание системы материального и морального стимулирования деятельности работников;
- коренное совершенствование системы предоставления социально-правовых гарантий сотрудникам и их семьям;
- повышение образовательного, культурного и профессионального уровня подготовки кадров;

- разработка государственной программы по борьбе с преступлениями и коррупцией в правоохранительных органах;

- коренное совершенствование механизма отбора кандидатов на службу в органы внутренних дел.

В конце своих размышлений, я бы хотела представить небольшую динамику преступлений по статье 285 УК РФ по Орловской области.

За 2011 год было зафиксировано 8 преступлений данного характера. За 2012 год – 11. В 2013 году произошел многоуровневый спад – было зафиксировано практически в 4 раза меньше преступлений, отнесенных к ст. 285: их было 3. В 2014 году восторжествовала стабильность – 4 преступления [4]. Как видно из приведенной статистики, преступлений по данной статье действительно стало меньше по сравнению с 2012 годом. Но не стоит уповать на статистику. Наличие таких случаев – уже повод задуматься об усилении контроля со стороны государства над правоохранительными органами.

1. О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

2. Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

3. Уголовный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».

4. Портал правовой статистики [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/regions_chart_total.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крещенок Анна Васильевна,
студентка 3 курса юридического факультета
(Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева)

Кузовкина Т. С.

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОРГАН КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ

Статья посвящена исследованию формирования института конституционного контроля в Российской Федерации, включая законодательство о Конституционном Суде РФ.

Ключевые слова: конституционное право, конституционный контроль, полномочия, гарантия деятельности.

Конституция России, устанавливая судебную систему Российской Федерации, констатирует, что «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства» [1].

Одним из высших федеральных органов судебной власти как указано в ст. 1 ФКЗ «О конституционном Суде РФ» является «Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства» [2].

В соответствии с частью 2 ст. 118 Конституции РФ судебная власть реализовывается через конституционное, гражданское, административное и уголовное судопроизводство. Выделяется особая форма судопроизводства – конституционное судопроизводство, а Конституционный Суд определяется как орган правосудия.

Конституционный Суд Российской Федерации, по российской Конституции относящийся к судебной власти, обладает признаками органа судебной власти:

- 1) Суд реализует судебную власть через конституционное судопроизводство;
- 2) деятельность данного Суда Российской Федерации основывается на принципах самостоятельности и независимости, свойственных органам судебной власти [3, с. 5].

Отсюда следует, что Конституционный Суд Российской Федерации является судебным органом, который осуществляет свою деятельность в форме конституционного судопроизводства, и это его функциональное предназначение.

Рассматривая понятие «конституционного контроля», напрашивается вывод, что наиболее удачным является определение, данное конституционному контролю Ю. Л. Шульженко, который рассматривает деятельность конституционного контроля как компетентный государственный орган по проверке, выявлению, констатации и устранению несоответствий нормативно-правовых актов конституции, законам, в ходе которых эти органы правомочны отменять обнаруженные несоответствия [4, с. 9].

Если Конституционный Суд Российской Федерации отказывает в рассмотрении жалобы или выносит отрицательное решение по ней, то заявитель вправе обратиться в конституционный (уставный) суд субъекта Федерации и, наоборот, не получив удовлетворения от последнего, заявитель не лишается возможности адресовать жалобу в Конституционный Суд Российской Федерации. Мотивации и выводы судов могут не во всем совпадать. Если Конституционный Суд Российской Федерации по результа-

там рассмотрения жалобы аннулирует нормативный акт, то утрачивается повод обращаться с тем же вопросом в конституционный (уставный) суд. И наоборот, если конституционный (уставный) суд в подобной ситуации признает неконституционным соответствующий закон, то у Конституционного Суда Российской Федерации сохраняется возможность реагировать на решение конституционного (уставного) суда по другим основаниям. Окончательным во всех ситуациях является решение Конституционного Суда Российской Федерации. Во всех случаях Конституционный Суд Российской Федерации и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации призваны действовать как партнеры в разрешении конституционно-правовых споров.

Решения конституционных (уставных) судов, принятые в пределах предмета ведения субъектов Российской Федерации, обязательны для Конституционного Суда Российской Федерации и других федеральных органов государственной власти. Представители конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации высказывают предложение о построении централизованной системы конституционных (уставных) судов с введением процедуры обжалования решений конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в Конституционном Суде Российской Федерации. Существуют предложения о создании региональных отделений Конституционного Суда Российской Федерации вместо самостоятельных конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации [5].

Улучшению взаимодействия Конституционного Суда Российской Федерации с конституционными (уставными) судами субъектов Федерации призван служить Консультативный совет председателей органов конституционного (уставного) контроля субъектов Российской Федерации. Он был учрежден 20 апреля 1998 г. как консультативно-совещательный орган, нацеленный на выработку общих подходов по вопросам организации и деятельности конституционного (уставного) контроля в России. Взаимодействие в конституционно-правовом поле, сотрудничество конституционных (уставных) судов и Конституционного Суда Российской Федерации обеспечивают силу и авторитет, устойчивость, стабильность конституционности в обществе и государстве, являются условием эффективного функционирования конституционного правосудия в Российской Федерации.

Таким образом, в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации должно быть взаимопонимание и уважение в их правовых позициях, что являлось бы гарантией конституционности в едином правовом поле Российской Федерации, неуклонного повышения их роли и авторитета в оптимальном функционировании государственно-правовой системы. Выводы о взаимной обязательности решений Конституционного Суда Рос-

сийской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации требуют более четкого правового регулирования процессуальных механизмов взаимоотношений Конституционного Суда Российской Федерации и конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации.

1. Конституция Рос. Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: с учетом поправок, внесенных Законом Рос. Федерации о поправке к Конституции Рос. Федерации от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
2. О конституционном Суде Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. конст. закон Рос. Федерации от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ]. Доступ из справ.-правовой системы «ГАРАНТ».
3. Несмеянова С. Э. Понятие и структура конституционно-правового статуса органа государственной власти (на примере Конституционного Суда РФ) // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 7. С. 5.
4. Пирбудагова Д. Ш. Институт конституционного контроля и охрана конституционной законности в Республике Дагестан: вопросы истории, теории и практики: монография. Махачкала: ИПЦ ДГУ. 2012. С. 9.
5. Собр. законодательства Рос. Федерации. 1998. № 25.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кузовкина Татьяна Сергеевна,
адъюнкт кафедры государственно-правовых дисциплин
(Орловский юридический институт
МВД России имени В. В. Лукьянова)

**Сборник
материалов межведомственного круглого стола**

29 октября 2015 года

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО СТРОИТЕЛЬСТВА
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Свидетельство о государственной аккредитации
Рег. № 1516 от 11.11.2015 г.
Подписано в печать 19.09.2016 г. Формат 60x90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 9,63. Тираж 30 экз. Заказ № 872.

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова.
302027, Орел, Игнатова, 2